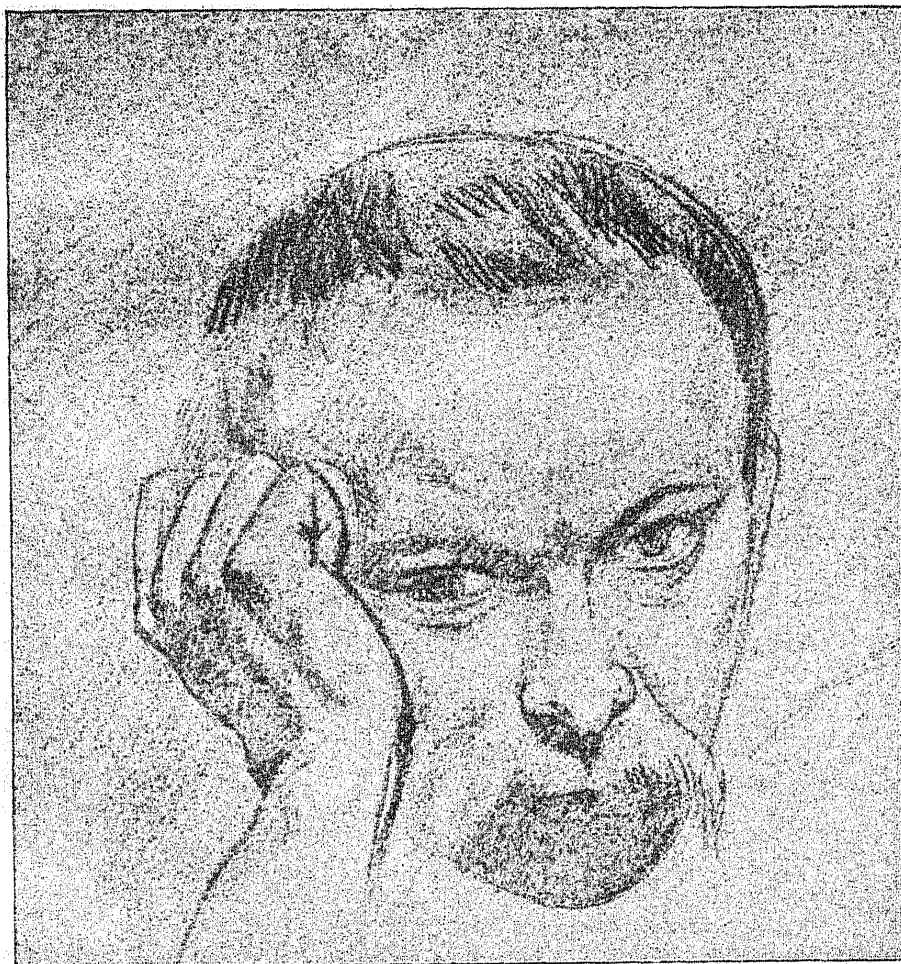

Н О В Ы Й ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

П. А. Федотовъ.

Автопортретъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

№ 9.

СЕНТЯБРЬ 1915.

СТИХИ: Николай Апукинъ, Ин. Оксеновъ, Victus, А. Боане, А. Добровольскій, Юрій Зубовскій, И. Эренбургъ, Татьяна Кладо, Евгений Нездъльскій, Н. Лубнинъ, Мих. Артамоновъ	3
Д. БАЛИКА.—Канторъ	5
Б. ВЕРХОУСТИНСКІЙ.—Апокалипсическіе тріолеты	9
АНДРЕЙ СОБОЛЬ.—"Намъ нужны"	10
А. БОГДАНОВЪ.—Цотаньчъ	17
ДМИТРИЙ КРЮЧКОВЪ.—Три дня въ Новгородъ	21
А. ТРИПАТОВЪ.—Madame Красота	25
МИНИАТЮРЫ: Б. Патлажанъ — Флоренція-Парижъ, В. Аренсъ—Прогоулка	32
А. БАРРЭДЖЪ.—Предълъ видѣній	35
РЮРИКЪ ИВНЕВЪ.—Стихотворенія	37

С. К. ИСАКОВЪ.—Одинокій зѣвка	39
А. ДОБРЫЙ.—Самосоженіе поэта	42
М. МЕТЕРЛИНКЪ.—Мертвые не умираютъ	44
Г. И. АЛЕКСѢЕВЪ.—Военныя бесѣды	45
ЧЕРНЯЕВЪ.—Къ моменту	51
П. ЧЕРКАССКІЙ.—Вокругъ неизжитаго	51
К. ПАЖИТНОВЪ.—Война и задачи кооперации	54
Б. ФРОММЕТЪ.—Противорѣчія современнаго земства	55
ДМИТРИЙ КРЮЧКОВЪ.—Вѣчная поэзія	57
НИКОЛАЙ АПУКИНЪ.—О волнующей поэзіи	58
БИБЛИОГРАФІЯ	58
Объявленія	

Сентябрьскій номеръ иллюстрированъ рисунками художника П. А. Федотова.

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: Анна Ахматова, Г. Адамовичъ, Г. Г. Алексѣевъ, Л. Андрусонъ, Людмила Ануфриева, Грааль Арельскій, С. Ауслендеръ, Николай Апукинъ, Д. Балика, С. Бахлановъ, Александръ Блокъ, А. Боане, А. Богдановъ, К. Большаковъ, А. А. Боровой, Юрій Бочаровъ, Николай Бруни, проф. В. А. Вагнеръ, Натанъ Венгровъ, Борисъ Верхоустинскій, Г. Вяткинъ, пр.-доц. И. И. Гливенко, Е. Голицынская, Максимъ Горькій, Сергій Городецкій, Н. Гумилевъ, Любовь Гуревичъ, А. Добровольскій, А. Дроздовъ, Б. Евгеньевъ, А. Журинъ, Борисъ Зайцевъ, Левъ Зиловъ, Георгій Ивановъ, Рюрикъ Ивневъ, А. А. Измайловъ, С. К. Исаковъ, М. М. Карповичъ, Г. Кваша, Н. Н. Киселевъ, проф. Н. Л. Кладо, Т. Кладо, Е. А. Колтоновская, А. А. Кондратьевъ, Вл. Кохановскій, Всеволодъ Курдюмовъ, К. Кравцовъ, В. Красновъ, А. Кратовъ, Дмитрій Крючковъ, М. Кузминъ, А. Липецкій, Н. Ляшко, Артуръ Лурье, О. Мандельштамъ, О. Миртовъ, С. Михайловъ, М. Моравская, И. Накатовъ, К. Одинцовъ, Ин. Оксеновъ, О. Л. д'Оръ, Н. Оцупъ, К. А. Пажитновъ, А. Петричъ, проф. В. Д. Плетневъ, Н. Н. Пунинъ, С. Рафаловичъ, А. Ремизовъ, А. Рославльевъ, Борисъ Садовской, Михаилъ Сандомірскій, А. Свирскій, Юрій Слезкинъ, Андрей Соболевъ, П. Соловьева (Allegro), М. Струве, Александръ Тивяковъ, С. Третьяковъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, М. В. Федуловъ, проф. Н. Н. Фирсовъ, А. А. Фридманъ, Б. Р. Фромметъ, П. Черкасскій, Владимъ Шершеневичъ, А. Ширяевецъ, Е. Эдвардъ, И. Эренбургъ, Ю. Юркунъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ: Натанъ Альтманъ, Левъ Бруни, В. Д. Замирайло, Л. Квятковскій, В. Кунсъ, П. И. Львовъ, В. А. Милашевскій, Д. И. Митрохинъ, П. Митуричъ, худ.-фот. А. Н. Павловичъ, Н. Пинѣгинъ, проф. Н. С. Самокишъ, Н. Тырса, Н. П. Ясиновскій и др.

Тарифъ объявленій

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“.

		Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-ая стр. обложки.		
1/1 страница	60 руб.	100 руб.	120 руб.	
1/2 "	35 "	55 "	65 "	
1/4 "	20 "	30 "	35 "	

Строка непарели: Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-ая стр. обложки.
50 коп. 60 коп. 80 коп.

Приложенія вѣсомъ до 1-го лота 10 руб. съ тысячи, за каждый послѣдующій лоть по 2 р. 50 к. за каждый лоть.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Начиная съ сентября текущаго года цѣна на „Новый журналъ для Всѣхъ“ въ розничной продажѣ будетъ повышена, и каждый отдѣльный номеръ будетъ стоить 35 коп.

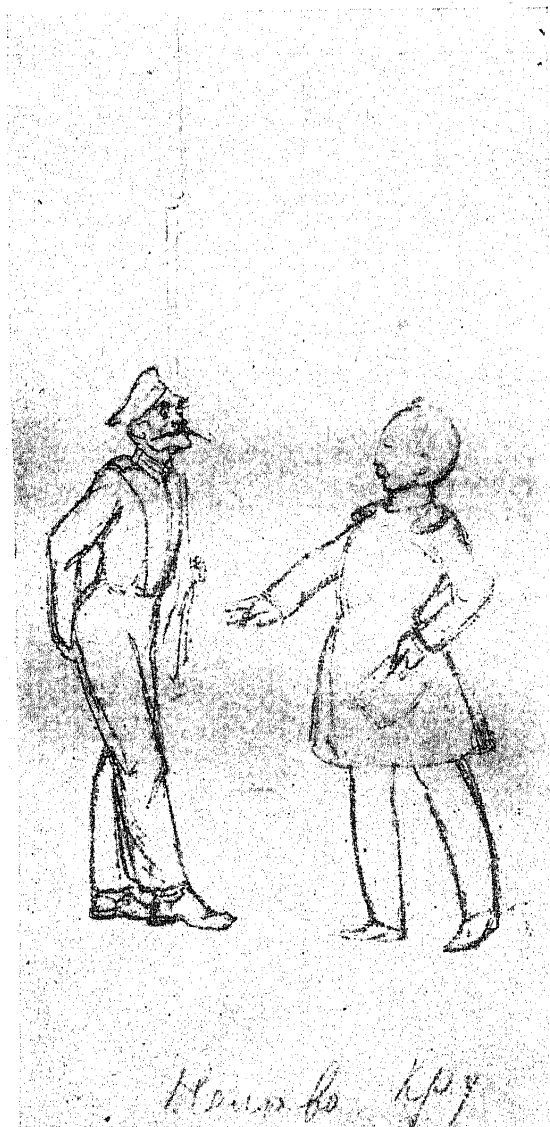
НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ
для всѣхъ
1915 г. СЕНТЯБРЬ № 9

П. А. Федотовъ.

Автопортретъ.

П. А. Федотовъ.

„Наливо кру!“

С Т И Х И,

Д Р У Г У.

И. И. Б—ву.

Для сердца нужно вѣрить..

Пушкинъ.

Ночь. Тишина. Въ окнѣ росистый садъ,
Въ листьѣ лепечеть вѣтеръ сонный...
Зажжемъ огонь! Я снова буду радъ
Довѣрить стонъ души смущенной
Тебѣ, мой одинокій другъ и братъ.

Свой тяжкій крестъ покорно я влачу,
Но не боюсь печальныхъ пѣній.
Я много гимновъ спѣть еще хочу,
Во мракъ темныхъ наводженій,
Храня любви крещенскую свѣчу.

Но старыхъ ранъ въ душѣ моей не тронь,—
Не съ ними я сойду въ могилу!
Пусть ржавый гвоздь пронзилъ мою ладонь,
Я вѣрую въ живую силу
Святой свѣчи, въ цѣлительный огонь.

Какъ я, ты, другъ старинный, одинокъ,
Но, повѣсти моей внимая чутко,
Ты сердцемъ вѣришь ли въ чудесный срокъ?
Молчишь?.. А въ небѣ звѣздный огонекъ,
Серебряная незабудка...

Николай Ашукинъ.

ВЕЩИ.

Чернильница, холодный ножикъ
И лампа—бѣдная звѣзда,
И хрупкій дискоболъ (онъ—тоже).
Занесшій руку навсегда,—
Я васъ боюсь, слѣпныя вещи,—
Вы дышите такъ тяжело,
Мнѣ не замазать явныхъ трещинъ,
Прорѣзавшихъ мое стекло.
Вы кѣмъ-то вызваны—не мною!—
Чертить упорные круги
И соблазнять меня въ иное,
Шепча настойчиво: бѣги!..
Мнѣ любы снѣжные узоры
И голубое безъ конца—
Но отвернуть не смѣю взора
Отъ неподвижнаго лица!
А здѣсь, круженьемъ обѣщая
Еще невѣдомую боль,
По комнатѣ летитъ живая,
Могильно-пепельная моль.

Иннокентій Оксеновъ.

КЪ ПОРТРЕТУ ВЕРЛЭНА

что въ Люкс. музеѣ, раб.
Е. Каррьера.

Ты въ дымной глуби утонувъ
И засыпаешь въ темномъ пледѣ
Подъ взгляды равнодушныхъ леди
И голосовъ негромкой гуль.

Но только ночь крыломъ усталымъ
Нагонитъ бархатный тумань,—
Мятешься—пьяный Калибанъ—
По луннымъ и пустыннымъ заламъ.

Victus.

* * *

Что-жъ? Можетъ быть, такъ легче,
Такъ лучше для насъ обоихъ...
Ахъ, эти глупыя вѣточки
На этихъ глупыхъ обояхъ.

Встать, отворить окно...
Сегодня такъ нѣженъ вечеръ...
Развѣ ужъ такъ одиноко,
Что и любить больше нечего?

Ярко огни зажглись,
Мелькаетъ толпа у театра...
Вѣдь могутъ „вчера“ смѣнить
Еще счастливыя „завтра“...

Только-бъ забыть, забыть...
Вотъ только бы успокоиться...
Боже мой... Что это было?..
Мостъ... и бѣгущій поѣздъ...

Рельсы... Красныхъ колесъ
Бѣгъ увѣренно-мѣрный...
Такъ показалось просто,
И главное—навѣрно...

А. Боане.

* * *

Вѣтеръ мятежно и смертью воеетъ,
Холодно пальцамъ опущенныхъ рукъ.
Въ комнатѣ будемъ мы жить теперь двое—
Я и ты, мой фарфоровый другъ...

Въ сердцѣ—открытки поданной строки...
„Счастье—игрушка“,—смѣется онъ.
Богъ, посмотри какъ мы одиноки—
Я и мой маленькій бѣлый слонъ.

А. Добровольскій.

* * *

Хлопотала осень, быстро стаскивая
Съ вѣтокъ золотыя кружева.
Опустѣла наша роща ласковая
И стоитъ—жива и не жива.

Вѣтеръ снялъ съ луговъ пахучихъ скатерти—
Лѣтнихъ дней любовные труды,
И дрожать, какъ нищѣ на паперти,
Изъ березокъ зябкіе ряды.

Паутина золотая тянется,
Солнце блѣдно на небѣ горитъ,
И душа—измученная странница—
Съ осенью о смерти говорить.

Юрій Zubовскій.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Спи, русалка моя косенькая,
Слышишь, сучья трещать?
Это осень
Обираетъ щеглять.
Плача и жалѣючи
Свертываетъ шею имъ.
Осень прискачетъ на палочкѣ,
Осень убьетъ мою русалочку.
Камень въ воду кинетъ,
Поцѣлуетъ мертвое лицо,
Изъ волосъ совьетъ себѣ кольцо
На мизинецъ.
Оттого, что ты родилась въ маѣ,
Некрещеная,
Оттого, что ты косая
И зеленая.

И. Эренбургъ.

* * *

Точно въ апрѣлѣ, горятъ луга,—
Сполнь одуванчиковъ желтыя звѣзды,
Днемъ забываешь, что ночь долга,
Днемъ забываешь, что слишкомъ поздно.

Можно бы вѣрить обману тепла,
Солнцу, такому ласково нѣжному,
Вѣрить, что впрямъ весна не ушла,
Время стояло, и все попрежнему.

Только березы вотъ на балконѣ
Первые желтые листья бросили,
Только твердитъ однотонный звонъ
О неизбѣжномъ, о близкой осени.

Татьяна Кладо.

* * *

Они стремятся къ невозможному,
Всѣ непрерывные, какъ сѣть.
Легко мнѣ каждого прохожаго
И полюбить и пожалѣть.

И кто пойметъ, отрадно, грустно ли
Любовь въ безмѣрномъ растворить,
И каждый взоръ любить до усталы,
И съ каждымъ сердцемъ вѣрно жить.

И если дни текутъ безъ отзыва,
И если больно наяву—
Я потону въ туманѣ розовомъ,
Переходящемъ въ синеву.

Евгеній Недзельскій.

* * *

Всѣ они такіе близкіе, милые,
Рыцари долга и смерти,
Отдавшіе родинѣ свои силы...

Я видѣлъ ихъ вчера на концертѣ.
Такіе непринужденные, молодые,
Самые обыкновенные молодые люди...
А тамъ въ огнѣ, въ грохотѣ орудій
Они могучи, какъ могуча сама Россія!..

Неужели, неужели и этихъ
Смерть неукротимая сторожить—
И о комъ нибудь изъ нихъ напишутъ въ газетѣ:
„Прапорщикъ такой-то—убить“?..

Н. Лубнинъ.

РЕКРУТА.

Не отъ радости, а съ горя да печали,
Не отъ радости, а съ горя да тоски,
За рѣкою паренечки загуляли,
Расходились за рѣкою пареньки.

...Эхъ, гуляй, пока широкое разгулье!
Проплыви-ка, пропляши-ка трепака!..
Въ темномъ вечерѣ и въ говорѣ, и въ гулѣ,
Даже въ пѣсенкахъ почувалась тоска.

Скоро смолкнутъ пѣсенки, гулянье.
Будутъ пѣсенки, да пѣть то ихъ не намъ.
Мы разстанемся на долгое прощанье
По чужимъ по незнакомымъ сторонамъ!..

За рѣкою при околицѣ прощанье...
Призатихли разудалы пареньки.
Только звонкая гармоника въ туманѣ
Про послѣдніе печалится деньки...

Мих. Артамоновъ.

П. А. Федотовъ.

„Все холера виновата“.

Канторъ.

Разсказъ Д. Балика.

I.

„Въ эту войну такъ много жертвъ. Сколько крови льется на поляхъ сраженій—и конца нѣтъ кровавымъ потокамъ. Ой Боже мой, Боже!“—Такъ вздыхала жена Мойсея—канторша; жена того Мойсея, который извѣстенъ всему городу своимъ голосомъ. Не напрасно же и почтенные сѣдые евреи (даже самъ раввинъ) говорили ему: „Съ такимъ голосомъ! Съ такимъ голосомъ, Мойсей, тебѣ надо быть канторомъ въ столицѣ, въ самой лучшей синагогѣ столицы“. А Мойсей робко вслушивался въ эти слова, вѣрилъ и не вѣрилъ имъ; никакъ не представлялъ себѣ, чтобы можно было жить гдѣ бы то ни было еще, кромѣ своего родного города.

— „Ой Боже мой, Боже!“—вздыхала канторша Роза, укачивая ребенка—и съ тоской прислушивалась къ тишинѣ дома. Прислушивалась напряженно, словно боялась, что обманываетъ ее эта тишина, что скрываетъ въ себѣ грозное, неумолимое; боялась, будто въ гробовой тишинѣ таится несчастье.

Тѣни отъ вздрагивавшей лампочки яростно бросались на стѣны, распластывались, закрывая старыя, уже почернѣвшіе обои; на мгновенье погружали комнату въ мракъ, и тогда не видно было даже краснаго гребня чадившей керосиновой лампы. Но гребень вспыхивалъ снова; перебѣгали тогда тѣни на занавѣски, въ полоску бѣлыя занавѣски-ширмы, за которыми спалъ измученный за день работы канторъ.

Гребень вспыхивалъ сильнѣе, и вздрагивалъ живымъ блескомъ мѣдный самоваръ на столикѣ у окна, хмуро глядѣли невымытые стаканы и чашки, кое-какъ, въ кучѣ безобразной примостившіеся среди крошекъ булки, чернаго хлѣба, среди кусковъ селедки и лука. Поднимался за стекломъ лампы огонь, изгибаясь, вытягивался, и тускло озарялось лицо блѣдное еврейки, съ выразительными темными глазами, словно вдавленными въ него... черная коса. А въ колясцѣ лежало маленькое существо, съ такими же, какъ у матери, чер-

ными волосиками на головѣ, закрытое ватнымъ одѣяломъ.

Ночной вѣтеръ врывается въ открытую форточку и вздымалъ занавѣску, ночной вѣтеръ охватывалъ холодными пальцами шею канторши — и вздрагивала канторша, поднималась, было, чтобы закрыть форточку, но керосина запахъ душилъ; керосина запахъ не давалъ возможности заснуть ребенку; керосина запахъ отравлялъ и самую Розу.

„Ой Боже мой, Боже! война безъ конца!“, шепчетъ еврейка, „видѣли вы что-нибудь подобное“. Развѣ это возможно цѣлые мѣсяцы дрожать въ страхѣ? Бояться показаться на улицу; каждую минуту думать о Зоѣ, Михелѣ, Исавѣ—этихъ маленькихъ ребятахъ—кричать имъ, чтобы не отходили далеко отъ дома. И чѣмъ виноваты ребята? Чѣмъ они виноваты, ну, подумайте же! Напримѣръ, Миша — такой умный мальчикъ? по цѣлымъ днямъ учится въ синагогѣ и знаетъ все лучше другихъ мальчиковъ. Изъ Мойши выйдетъ самый лучший канторъ. Или маленькая трехъ лѣтъ Зоя? или Исав? За чѣмъ запугивать съ малыхъ лѣтъ? А Исав, хотя ему только семь лѣтъ, — посмотрите, какой впечатлительный. О! онъ ужасно впечатлительный мальчикъ. Поглядѣли бы вы, какъ онъ вздрагиваетъ, блѣднѣетъ, сверкаетъ глазенками. Даже съ ребятами пересталъ играть. Задумчивый ходить, какъ отецъ! Ой! ой! ой! Скажите, развѣ это возможно? Надо же пожалѣть сердце бѣдной матери-еврейки! Кто подумаетъ о ней; о томъ, что пережила за эти дни несчастная Роза? Кто подумаетъ о ней, кромѣ Мойсея? Но Мойсей измучился страшно. Мойсей молится, плачетъ! А о томъ, чтобы бѣжать — и слышать не хочетъ. Бѣдный мой, бѣдный мужъ! Прошли уже тѣ вечера, когда канторъ читалъ газету, еврейскую газету „Гейнтъ“. Въ первые мѣсяца войны такъ было. Боялись, но мало; не такъ.... А послѣ? охъ! убила бомба отца, Давида, и совсѣмъ стало страшно. Разрушили нѣмцы старый домъ Давида: сгорѣлъ. И много тогда еврейскихъ домовъ сгорѣло! Отъ снарядовъ сверху убиваетъ когонибудь въ городѣ. Горятъ дома...

.... За окномъ пробѣжали чьи-то ноги; зашуршало у двери, зашлепало, застучало. И громче; еще стучить, властно стучить. (Кто бы это?) Канторша Роза бѣжитъ направо.

— Кто тамъ?

— Откройте же! откройте скорѣе, Роза! Страшное....

— О, Богъ Авраама, Исаака, Якова! Что еще за несчастіе? Ужъ плакало мое сердце и тосковало, предчувствуя....

Глухо стучить засовъ гдѣ-то тамъ, направо. Тамъ, въ темнотѣ, вздохи, оханія, причитаютъ. И изъ тѣни въ свѣтъ вступали фигуры; изъ черной пасти корридора, а затѣмъ кухни, шуршало; шлепали фигуры. То фигуры Розы и Раи..

— .... Это вы, Рая? Ну, идите, идите! Тсс.... Бѣдный Мойсей недавно заснулъ. Охъ! Онъ сегодня цѣлый день помогалъ Черноморскимъ копать погребъ, а вечеромъ готовился къ служенію. Черезъ 2 дня....ну, вы знаете....

— Вы слышали? Нѣмцы! Отступленіе!....

— Нѣмцы? А..а..а....

— Отступленіе, говорю же вамъ! Городъ будетъ сданъ нѣмцамъ, если не....

— И будетъ сданъ, говорите вы? будетъ сданъ?

— ....если не Богъ! Пришелъ только что изъ.. ..ну, оттуда; солдаты отошли, говоритъ....

— Отошли? и....и....

— Да, солдаты отступаютъ къ городу, отступ....

Слова танцевали съ тѣнями. Фигуры шептались, и шепотъ ихъ прерывался вздохами; и снова шептались. Шу-шу-шу....

— Солдаты отошли...и...ши...и...и...

— Будетъ сданъ....отданъ...городъ. Боже! Богъ....

— А дѣти...и...и...

— О...о...о... Мужъ, евреи... Жители...и...и...и...

— Нѣмцы-звѣри! Варвары! Вы же слышали.

— Шу-шу-шу-шу...

— Ну, конечно; ну понятно!

— Вы спрятали все уже? Придется въ погребѣхъ! Охъ...хо...хо...

Слова танцевали, съ тѣнями плясали. А вѣтеръ врывается въ форточку и гребешокъ огня вздрагивалъ. Слова танцевали съ тѣнями.

II.

Наступленіе непріятеля было столь неожиданнѣе, что думать о бѣгствѣ слишкомъ поздно. Дорога уже отрѣзана нѣмцами нѣсколько дней; единственно возможнымъ являлось итти пѣшкомъ черезъ лѣса и болота, что виднѣлись на горизонтѣ въ тылу города. И, понятно, безуміемъ бы было на это рѣшиться. Какой смыслъ бѣжать по полямъ и упасть за городомъ? Отъ случайной пули? Отъ осколка снаряда? Скрываться въ ямахъ, въ лѣсу? Мерзнуть съ дѣтьми; переходить болота, обливаться осеннимъ холоднымъ дождемъ? И такъ перерѣзать почти всю губернію? десятки верстъ? Изъ за слабой надежды на жизнь.

А родная земля? родной городъ! Если суждено умереть, если Богъ хочетъ смерти его, Мойсея, и жены, и дѣтей,—то лучше умереть здѣсь, на землѣ отцовъ! Лучше собственными глазами видѣть агонію города; знать рѣшительно все. Жена и дѣти спасутся въ погребѣ; онъ принесетъ имъ пищу. Самъ же поможетъ тушить пожары, извлекать мертвыхъ изъ подъ развалинъ дома; будетъ переносить раненыхъ и хоронитъ убитыхъ. Кое что приходилось уже дѣлать за это время; а теперь не бомбы, а снаряды полетятъ надъ городомъ.

И снаряды, дѣйствительно, описывали дуги—и падали, послѣдніе два дня.

Снаряды по параболамъ летали, разрывались въ домахъ. Слышался грохотъ, отдавался въ землѣ гуломъ; обсыпалась за досками-стѣнами погребѣ—дрожавшая земля. А бѣдная Роза плакала.

При каждомъ взрывѣ бѣдная жена кантора молилась: „о Богъ Авраама, Исаака, Іакова!“... Прижимались къ ней Зоя и Мойша; Исай же хмуро, зло даже, глядѣлъ изъ угла. Тамъ, въ темнотѣ, сливалась его робкая фигура со столомъ и стульями. Бѣлѣло чуть замѣтно лицо. А Мойсей молился часами.

Для кантора Мойсея сдать городъ значило умереть. И умереть не самому только, но и женѣ, и дѣтямъ, и евреямъ, и христіанамъ: русскимъ и полякамъ. Сдать городъ значило пережить ужасы: бомбардировки, боя на улицахъ, насилія побѣдителей; и пожары, и разрушенныя зданія, и смерть отъ снарядовъ, пуль... Смерть отъ руки ворвавшихся солдатъ-варваровъ... Но не одинъ канторъ боялся и зналъ. Всѣ знали, переживая наступленіе врага, считая часы за мѣсяцы. Всѣ сплотились на порогѣ въ вѣчность. Русскіе, поляки, евреи, соединившись, помогали другъ другу. Доставка пищи, рытье „подземелья“ распредѣлялось незамѣтно между всѣми. Вѣчность сплотила ихъ.

Потому-то днемъ молился канторъ, а ночью—выходилъ наверхъ, на улицу. Ночью доставляли хлѣбъ, овощи, воду; ночью тушили пожары и освобождали задохнувшихся отъ дыма въ погребахъ людей. И переносили подальше отъ зданій „жилища“; копали на огородахъ, устраивая подъ землею „дома“.

III.

Въ этотъ третій день уже долгое время слышался ревъ пушекъ. Съ часу дня гремѣло поле за городомъ, и отъ гула звенѣли стекла, и отъ гула земля стонала.

Пушки грохочутъ и гремитъ поле. Громомъ гремятъ, непрерывнымъ громомъ грохочутъ пушки.

П. А. Федотовъ. Дѣвочка надѣваетъ на Федотова чепчикъ.

И падали каменные стѣны. Падали каменные стѣны домовъ, загоралось то здѣсь, то тамъ, мостовая взлетала на воздухъ. Камни мостовой высоко поднимались и падали, и падали грузно, разбивая все на своемъ пути. Кричали, плакали. Пролетали пожарные въ каскахъ съ одного конца города въ другой.

Красное пламя освѣщало улицы и суетившихся людей. Красное пламя шипѣло подъ струями воды. Золотомъ горѣли каски. Истекали кровянымъ свѣтомъ пламени золотыя каски. Красное пламя освѣщало ихъ.

А тамъ, возлѣ стѣнъ, незамѣтно несли что-то, укрытое чѣмъ попало: и чернымъ, и бѣлымъ. Шли смѣло; не боялись ни взрыва мостовой, ни горящихъ домовъ, ни грохота стѣнъ. Шли и несли рядъ за рядомъ. Тихо, медленно.

То трупы несли.

И кричали подъ кирпичемъ раненые, стонали ни въ чемъ не виноватые люди; визжали дѣти, маленькія дѣти—и рѣзалъ ухо этотъ пискъ, визгъ, стоны и снова визгъ, долетавшій до сердца. Не спасали погребѣ всѣхъ. И

въ ямы-жилища рушились стѣны, падали камни; давили.

Визги сливались съ грохотомъ, со свистомъ огня, съ плачемъ и гуломъ пушекъ.

Пушки на полѣ, за городомъ, гремѣли.

Канторъ спѣшилъ теперь къ семьѣ. Съ обгорѣвшими волосами, мокрый отъ воды изъ пожарныхъ рукавовъ, усталый, шелъ онъ. Звѣзды-дуги перекрещивались въ небѣ; звѣзды дуги-параболы разрывались, огненными спиралями охватывая городъ. Спиралями обертывался городъ; огненными лентами.

Блестящія дуги, подобно осьминогу, вцѣпились въ городъ съ улицами, домами; и высасывали кровь; въ землю, въ песокъ, въ камни, въ клочки желѣза обращали все.

И надъ кладбищемъ сыпались звѣзды—тогда гробы мертвыхъ трещали, а мертвыхъ тѣла, распухшія, безобразныя, смрадные, выбрасывало изъ подъ земли; гробы трещали, взлетали, и впивались въ выброшенные тѣла тысячами деревянныхъ иглъ. Отпадало мясо... А кости скелетсы метались, сыпались; стучаваясь, стучали и... падали.

Отъ выброшенныхъ тѣлъ смрадъ вился, клубами надъ кладбищемъ поднимаясь; вѣтромъ ночнымъ тѣ волны газовъ неслись на городъ.

Шепча молитву, шелъ Мойсей-канторъ, поднимая глаза къ ночи. Въ глазахъ тѣхъ спирали и звѣзды свѣтились. Къ звѣздамъ-мирамъ, не къ спиралямъ устремлялись взоры; призывалъ онъ Бога взглянуть на землю.

Шепча молитву, приближался канторъ къ своей семьѣ; туда, гдѣ... на мѣстѣ погреба высилась куча камня, земли и бревенъ.

Догоралъ домъ...

IV.

Утромъ потянулись евреи въ синагогу. Въ бѣлыхъ, съ черными коймами, платьяхъ шли въ субботу молиться. Спѣшили проскользнуть; и зажимали носъ отъ смрада, несшагося съ кладбища, и вытирали глаза, плакавшіе отъ дыма и горя. Шли евреи въ синагогу и говорили про кантора; удивлялись, что въ одну ночь, какъ Іовъ многострадальный, все потерялъ Мойсей; въ одну ночь все дорогое погибло. Будетъ ли въ синагогѣ?

Прошелъ раввинъ,—высокій старикъ съ умными глазами; наклонивъ голову печально къ землѣ, шелъ онъ. Прошли и Дудкины, и Абрамсоны, и молодые, и старые—всѣ въ эту субботу спѣшили молиться. А въ синагогѣ уже горятъ свѣчи, и канторъ, Мойсей, многострадальный Мойсей, дрожащимъ голосомъ начи-

наетъ пѣть молитвы. Плачетъ раввинъ, плачутъ евреи...

А канторъ поетъ.

За одну послѣднюю ночь Мойсей пережилъ годы; годами для него кажется эта ночь; годами ужаса: и пожары, и смерть жены, гибель дѣтей всѣхъ; и звѣзды-спирали, и смрадъ отъ мертвыхъ. Разрыли ночью же погребъ; нашли... кровавую массу... Нѣтъ, то не была Роза; то не былъ Исай... и не дѣти его то были. О Богъ Всесильный! И Зоя—не Зоя. Полголовы куда-то исчезло, а мозги выпали наружу, на камни. Скользкое, слизь... О нѣтъ, не Зоя! И не Мойша, съ ужасомъ застывшихъ глазъ, а другой—вырѣзалъ острый камень, разворотилъ, высверлилъ дыру на мѣстѣ глаза. О Богъ Израилевъ! И трупы вчера, позавчера... всѣ дни; трупы недѣлями. Дѣвочка, русская дѣвочка, которую вытащилъ онъ изъ огня съ обгорѣвшими волосиками, льняными... А когда вынесъ ее, дѣвочку, то стало дурно. Уронилъ на землю; разбилась, упавъ съ высоты. А отецъ съ разорваннымъ туловищемъ отъ бомбы! И гробы кладбища!.. О... о... о... Покоя и мертвому нѣтъ—все въ куски мяса обратилось... И смрадъ... Городъ, бѣдный городъ! Здѣсь провелъ онъ свое дѣтство... Вонъ молятся бѣдные евреи, а что ждетъ ихъ? и не только ихъ, но и всѣхъ въ городѣ? Еще день—падетъ городъ. Ворвутся побѣдители—кровь, насилия, грабежъ, убійства...

И канторъ поетъ.

Несутся въ мозгу ужасы; встаютъ картины ужасовъ. И слова молитвы на мгновение походятъ на стонъ. Гдѣ-то молится еврей; стонъ тотъ Мойсея зажегъ въ его душѣ молитву изступленную о помощи Бога. Подхватили его молитву, молятся всей синагогой. Рвется плачь къ небу.

„Боже, спаси городъ! Сохрани всѣхъ живущихъ въ немъ! Избави отъ ужасовъ, отъ позора! Боже, спаси городъ!

И канторъ поетъ.

Все готовъ отдать онъ Богу. Только услыши Богъ Израилевъ, Богъ Авраама, Ноя, Исаака, Іакова, Богъ многострадального Іова! Богъ, услыши голосъ народа Своего!

Рвется голосъ кантора къ сводамъ синагоги, съ разрисованными на нихъ животными, съ звѣздами. Рвется голосъ Мойсея; пѣснь его долетаетъ до раввина и даже до Заповѣдей. Несется въ высь, къ небу.

Къ колонамъ синагоги прижались евреи; на скамьи опустили головы—и слушаютъ тотъ голосъ, ту молитву за всѣхъ! Отдается въ душѣ ихъ этотъ голосъ. Не нужно повторять устами словъ. Душа молилась.

Новымъ голосомъ поетъ канторъ; страстнымъ,
все рвущимъ изъ себя, все рвущій въ себѣ.

Въ томъ голосѣ душа кантора Мойсея рва-
лась, плакала и просила за всѣхъ. „Боже,
спаси городъ и сохрани всѣхъ живущихъ въ
немъ!“

Ты Богъ—Единъ!

Ты Богъ—Всесильный!

Боже! Спаси городъ! Услыши народъ бѣд-
ный Свой.

Возьми душу мою, Боже, и... спаси городъ!“
И упалъ мертвымъ на возвышеніи канторъ.
Отъ разрыва сердца...

* *

Къ вечеру городъ былъ спасенъ. Враги от-
ступили.

Д. Балака.

БОРИСЪ ВЕРХОУСТИНСКІЙ.

АПОКАЛИПСИЧЕСКІЕ ТРИОЛЕТЫ.

I.

Не устрашили бури Іоанна—
Ни блѣдный конь, на немъ же всадникъ—
Смерть,
Ни гнѣвный взглядъ распутницы багряной...
Не устрашили бури Іоанна!
Какъ странникъ, шель къ землѣ обѣтованной,
Вокругъ него сгорала въ мукахъ твердь—
Не устрашили бури Іоанна,
Ни блѣдный конь, на немъ же всадникъ—
Смерть.

II.

Увидѣлъ Іоаннъ вселенское смятенье—
Гремитъ въ трубу князь мрака Сатана,
Выходитъ звѣрь въ кровавомъ изступленіи...
Увидѣлъ Іоаннъ вселенское смятенье.
О, Іоаннъ! тебѣ дано смиренье,
Тебѣ любовь побѣдная дана...
Увидѣлъ Іоаннъ вселенское смятенье—
Гремитъ въ трубу князь мрака Сатана.

III.

Но ты прочелъ пылающія числа,
Начертанныя въ черныхъ небесахъ;
Ты видѣлъ сѣвъ таинственного смысла...
Но ты прочелъ пылающія числа.
Десница смерти надъ тобой повисла
И горы обратились въ прахъ,
Но ты прочелъ пылающія числа,
Начертанныя въ черныхъ небесахъ.

IV.

— Я, Іоаннъ, вамъ говорю, народы:
— Пребудьте твердыми, какъ камень-адамантъ!
— Сгораютъ города, лѣса, поля и воды...
— Я, Іоаннъ, вамъ говорю, народы:
— Обрушатся небесъ хрустальныхъ своды
— И тяжести вражды не выдержитъ Атлантъ...
— Я, Іоаннъ, вамъ говорю, народы:
— Пребудьте твердыми, какъ камень-адамантъ!

V.

Все падаетъ, одна любовь нетлѣнна,
Стоитъ на стражѣ свѣтлый серафимъ—
Всевидящее Око надъ вселенной...
Все падаетъ, одна любовь нетлѣнна!
Вотще Антихристъ вырвался изъ плѣна,
Гордыней адскою и злобою томимъ:
Все падаетъ, одна любовь нетлѣнна—
Стоитъ на стражѣ свѣтлый серафимъ!

П. А. Федотовъ.

Младенчество гениальнаго живописца: „Бугоръ живописи развитъ чрезвычайно“.

„Намъ нужны“.

Разсказъ Андрея Соболя.

I.

Всѣ обитатели „этапки“, начиная отъ стараго эмигранта—Харламова и кончая самымъ молодымъ—Унковскимъ, только недавно прѣхавшимъ изъ Россіи, любили Парижъ.

Голодали въ Парижѣ, тосковали по родинѣ, жили исключительно думами о Россіи, и всѣ ихъ намѣренія, и всѣ ихъ планы, въ концѣ концовъ, сводились къ той же далекой, будто затерянной Россіи, но любили Парижъ, любили болѣзненно, надрывно, какъ любятъ прекрасную, но всегда невѣрную женщину.

Всѣ они были извѣстны въ Парижѣ подъ кличками: Унковскаго звали „птенчикомъ“, Сергѣя Петровича, бывшаго боевика, а нынѣ поэта, воспѣвающаго тихія зори и неуловимый шелестъ каштановыхъ листьевъ въ паркѣ Montsouris, „миротворцемъ“; Дуню Кашину (по паспорту Софи Мейербергъ)—„madame Моцартъ“; Харламова, покинувшаго Россію Богъ вѣсть сколько лѣтъ тому назадъ,—„эмигрантомъ по дѣлу Стеньки Разина“; Григорія Ивановича и его жену, Надю—„антитезами“; Флегонта Люльку, рабочаго-стекломоя—„авіаторомъ“, а Сашу Менделевича—„Каиномъ“.

Жили они почти у самыхъ фортификацій, въ одномъ изъ тѣхъ деревянныхъ домовъ, которые какимъ-то чудомъ уцѣлѣли въ каменныхъ объятіяхъ со дня на день растущаго города, а уцѣлѣвъ, притулились къ фортификаціямъ, ушли отъ гула метрополитена, отъ духоты большихъ бульваровъ, гдѣ слитны и бензиновый чадъ автомобилей, и аромать холенаго женскаго тѣла, и

сладко-приторный запахъ абсента; притулились, спрятались и замерли, словно на вѣки огородились невидимой стѣной; только иногда багрово-красное зарево Парижа развертывалось и надъ ихъ крышами; горѣло и переливалось.

Въ такомъ домѣ поселились они, сняли верхній этажъ (всего было два; въ нижнемъ жилъ хозяинъ—старенькій, глухой французъ, съ дочерью, вдовой), и кое-какъ размѣстились.

Постоянно ночевали посторонніе, иногда въ одной комнатѣ подолгу жили четверо; иногда старые жильцы уѣзжали, но тотчасъ же ихъ мѣста занимали новые; толпились знакомые и незнакомые.

Съ утра до поздней ночи кипятили воду на газѣ, курили до одурѣнія, браня французскій табакъ и вспоминая русскій („нашъ табакъ,—оля-ля), и на ходу истребляли неимоверное количество мѣдно-красныхъ сосисокъ и жаренаго картофеля изъ ближайшей лавченки, гдѣ картофель и сосиски плавали въ кипящемъ, грязномъ салѣ, а потомъ продавались въ сѣрыхъ бумажныхъ сверткахъ и густо солились.

И названа была эта квартира „этапкой“, а такъ какъ Унковскій мылся только разъ въ недѣлю, а въ комнатѣ Харламова мѣсяцами валялся соръ, а въ кухнѣ только въ исключительныхъ случаяхъ посуда ставилась подъ кранъ,—то иногда добавляли: „стильнаяэтапка“.

Изъ нихъ всѣхъ только одна Раечка Нудельманъ ненавидѣла Парижъ. И безъ прозвища жила она. Сперва дали ей кличку, но та-

кую длинную, что не всегда успѣешь во-время произнести ее. И отказались отъ клички, просто называли по имени. А кличка такая: „намъ нужны двѣ революціи“.

Раечка была маленькаго роста, съ маленькимъ носикомъ, въ пенснэ и хромая. Разговаривая, она постоянно расхаживала, и о чемъ бы ни говорила, всегда заканчивала:

— Намъ нужны двѣ революціи: политическая и социальная..

При словѣ „политическая“ лѣвое плечо медленно, словно нехотя, опускалось внизъ, и при словѣ „социальная“—правое плечо быстро и побѣдоносно вскидывалось.

Въ „этапку“ она попала случайно и такъ же случайно застряла.

Застряла, трудно было вырваться, а жила какъ-то отдѣльно, словно гость нежеланный, котораго и выпроводить неудобно, и жить съ нимъ неудобно. Никто никогда не ночевалъ въ ея комнатѣ, никогда не брали у нея взаймы, и обращаясь къ ней, называли по имени и отчеству. Въ „этапкѣ“ отчество не особенно-то было въ ходу.

Такимъ гостемъ она чувствовала себя не только въ „этапкѣ“, но и во всемъ Парижѣ, а уйти некуда было, боязно было, страшилась одиночества, потому и охотнѣе всѣхъ съ подписными листами бѣгала, и въ пользу заключенныхъ на рефератахъ собирала, а идя по рядамъ, потряхивая шапкой, гдѣ бѣлѣлъ листъ— „въ пользу каторжанъ“, съ такой многозначительной улыбкой принимала деньги, что многіе, незнающіе ее, рѣшали: и она изъ этихъ... Потому такъ усердно посѣщала всѣ собранія и чтенія, а когда ночь наступала, всѣми правдами и неправдами старалась заночевать у знакомыхъ, но лишь не у себя, гдѣ къ желѣзной кровати прислонился убогій, хромой столикъ.

На этомъ столѣ стоялъ портретъ казеннаго извѣстнаго террориста. Всегда украшенный свѣжими вѣтками туи, онъ сразу бросался каждому въ глаза. И новымъ знакомымъ Раечка говорила:

— Это мой женихъ.

И тихо, скорбно добавляла:

— Онъ любилъ только меня и революцію. Онъ умеръ. Я живу, и мнѣ осталось одно—революція. Намъ нужны двѣ революціи: политическая и...

Лѣвое плечо медленно опускалось внизъ.

II.

День проходилъ въ бѣготнѣ, въ разговорахъ, въ посѣщеніяхъ.

Съ социаль-демократами Раечка слегка ко-

кетничала; съ социаль-демократками принципиально не разговаривала:

— Я не могу бесѣдовать съ тупицами. Честное слово, я не понимаю тѣхъ, кто женится на социаль-демократкахъ, *fi donci!*—а съ эсъэрами сразу же переходила къ конспиративнымъ разговорамъ.

А когда ночь наступала, и Раечка оставалась одна, забывались и социаль-демократы, и конспираціи ненужныя, и миѳическій, но такъ необходимый для дня и вечера, женихъ, и собранія, и группы, и оставалась правда, та тяжелая правда, отъ которой не уйти въ долгую ночь, гдѣ чередуются и тоска одиночества, и грусть по живому, и боль за свое изуродованное, никому ненужное тѣло.

Но, какъ только наступало утро, опять по-старому разворачивался клубокъ, сплетенный изъ лжи и правды, и вновь старается Раечка глядѣть сквозь пенснэ скорбными глазами, какъ полагается невѣстѣ казеннаго.

Вновь пишется и отсылается *pneumatique* для обсуждения „очень важнаго предмета, который“... Снова слова о родныхъ нивахъ. Снова священнодѣйствующій видъ при распредѣленіи денегъ, собранныхъ на вчерашнемъ рефератѣ.

А Парижъ гудитъ и трепещетъ, разрушаетъ и создаетъ, плачетъ и смѣется, и весь розовѣетъ, когда солнце надъ нимъ. Смѣется и отряхивается, какъ школьникъ, когда падаетъ дождь весенній, недолгій. Задумчиво молчитъ и знаетъ сладость тайны въ тихихъ кварталахъ Сень-Жермена, хохочетъ здоровымъ, жирнымъ хохотомъ въ муравейникѣ Муфгара, нѣженъ и внимателенъ въ каждой струѣ фонтановъ Люксембургскаго сада, грубъ и дерзокъ на Монмартрѣ, одновременно беспощаденъ, насмѣшливъ и святъ на площади Notre Dame, гдѣ крестъ и химеры слитны,— и всегда, всегда невѣрный и прекрасный.

Идя по улицамъ, Раечка иногда снимаетъ пенснэ, и постоянно ея небольшіе, прищуренные, слегка красноватые глаза недоумѣваютъ, и будто ищутъ и не знаютъ, чего они ищутъ, чего они ждуть. И отъ кого надо ждать?

Раечка переходитъ площадь St.-Michel, то-ропится, оглядывается безпрестанно: автомобили, трамваи, фіакры и телѣжки кругъ замыкаютъ, а когда, случайно, дѣвочка суетъ ей въ руки пучекъ фіалокъ, такъ же поблекшихъ, какъ глаза самой продавщицы, Раечка торопливо и неловко, словно стыдась, беретъ цвѣты, на мигъ прижимаетъ ихъ къ лицу, а потомъ гдѣ-нибудь на rue Casan или Vaugault, подъ шумокъ неизбѣжныхъ разговоровъ объ эмигрантскомъ неустройствѣ, какъ бы случайно

вспоминаетъ о цвѣтахъ и, какъ будто мимоходомъ, говоритъ хозяйкѣ дома:

— Встрѣтила я сегодня Алексѣя Григорьевича, это онъ мнѣ далъ. Онъ говоритъ мнѣ, что я напоминаю ему девятьсотъ пятый годъ. Какой онъ милый, и какъ онъ сохранился, несмотря на все перенесенное имъ. Не правда ли, наши старики молоды попрежнему?—а когда хозяйка вдругъ срывается съ мѣста и бѣжитъ на кухню, и торопливо, обжигаясь, снимаетъ съ газа переполненный чайникъ, и въ кухнѣ же жалуется на нахальство консьержки и на дороговизну, Раечка утѣшаетъ ее: „Что-жь, намъ приходится страдать, но вѣдь мы не за себя пошли на все“,—и идетъ внизъ.

Робко зоветъ консьержку, долго стоитъ въ темнотѣ и терпѣливо ждетъ, пока откроютъ ей, и старается выйти безшумно. Идетъ на цыпочкахъ, пролѣзаетъ бокомъ и морщится, когда приходится захлопнуть за собой дверь.

Сбѣгаютъ и разбѣгаютъ огненные ленты фонарей; то приходятъ, то уходятъ. Чернѣютъ арки метро. Сѣрая тюрьма на Агаго мокнетъ подъ дождемъ, и желтѣютъ тускло ея крошечныя окна-щелки, а на другой сторонѣ равномерно шагаютъ городовые, и блестятъ пуговицы на ихъ плащахъ, поблескиваютъ асфальтовые плиты тротуара и шумятъ тревожно ряды каштановъ. Раечка съеживается, вздрагиваетъ, еще торопливѣе бѣжитъ впередъ, держась близко къ стѣнѣ, и танцуютъ ея плечи.

Въ „этапкѣ“ шумно. Унковскій подвыпилъ и яростно требуетъ не называть его „птенчикомъ“.

— Я не птенчикъ. Я орелъ!—заикается онъ.

Раечка идетъ въ свою комнату.

— Орелъ, орелъ!—милостиво разрѣшаетъ Саша Менделевичъ. „Каинъ“ тоже слегка на-веселѣ. Поглаживаетъ свою бороду и вдругъ кричитъ:

— Вы не орелъ, а дуракъ!—и покорно отдается рукамъ Дуни Кашиной.

Дуня уводитъ его въ другую комнату. Ведетъ его и шепчетъ:

— Зачѣмъ ты пьешь? Зачѣмъ ты пьешь? Ты такой хорошій, такой свѣтлый?..

И у себя въ комнатѣ слышитъ Раечка, какъ за стѣной Саша Менделевичъ, задыхаясь, говоритъ:

— Не пить? Дуня, не пить? Дуня, головой объ стѣнку? Дуня, я домой хочу, домой. Домой, понимаешь?

И поцѣлуи слышитъ Раечка; но при первомъ поцѣлуѣ сворачивается въ клубокъ и натягиваетъ на голову одѣяло. И долго, долго лежитъ такъ...

Утромъ Харламовъ стучитъ въ дверь:

— Чай пить!

Идетъ новый день, и все въ немъ старое, все прежнее.

Вечеромъ рефератъ о Михайловскомъ. Раечка у входа продаетъ билеты. Соціалъ-демократовъ встрѣчаетъ съ улыбкой, не глядя принимаетъ плату и кокетничаетъ мило:

— Ага, и вы пожаловали къ намъ!

Соціалъ-демократкамъ, молча и сухо, протягиваетъ билеты и очень старательно пересчитываетъ деньги.

Послѣ реферата никто не провожаетъ ее, а изъ „этапки“ никого нѣтъ, и Раечка возвращается домой одна.

До дома далеко, и нѣтъ конца темно-мокрымъ улицамъ.

Дома находитъ письмо отъ отца, мелкаго торговца въ мѣстечкѣ. Письмо, какъ всегда, начинается словами: „Моя дорогая дочь, твое дорогое письмо я получилъ“...

„Надо отвѣтъ“—и пишетъ Раечка:

„Почему Юсифъ не отвѣчаетъ на мое письмо?.. Какъ здоровье тети Двейры?.. Какъ коклюшъ Минички?.. Твое письмо я получила сегодня... Господи, какъ мнѣ тяжело брать отъ тебя деньги, но“...

На мигъ задумывается Раечка, глядитъ впередъ, останавливается взглядомъ на вѣткахъ туи, а сквозь нихъ всматриваются съ портрета страни живые, безпредѣльно грустные глаза казеннаго.

И дальше пишетъ Раечка:

„Но сознание, что моя жизнь тутъ не проходитъ даромъ, что я тутъ нужна, что и тутъ я приношу огромную пользу моему дѣлу, облегчаетъ хоть немного мою тяжесть. Папа, если ты мнѣ пошлешь посылку, то непременно пришли фунтъ халвы и немного еврейской колбасы“.

III.

Съ осени „этапка“ стала какъ будто распдаться. Началось съ Харламова.

Однажды утромъ онъ заявилъ:

— Ъду въ Италию.

— Какъ такъ?—удивился Унковскій.--Вдругъ?

— Да, вдругъ,—отрѣзалъ Харламовъ. Потомъ въ корридорѣ остановилъ Унковскаго, пригнулся къ нему и шепнулъ:—Совѣтую и вамъ куда-нибудь удрать.

Впервые за все время собралъ соръ въ своей комнатѣ, привелъ ее въ блестящій видъ, купилъ новую шляпу.

Вечеромъ Унковскій поймалъ его и присталъ:

— Почему вы уѣзжаете?

— Не желаю окончательно задохнуться.

Вотъ—все. Поняли?

— Понялъ,—тихо отвѣтилъ Унковскій,—а

ночью, весь блѣдный, постучался къ Харламову, разбудилъ его и заявилъ: — Харламовъ, и я не могу, — присѣлъ у постели и заплакалъ.

— Эхъ вы, мальчикъ, мальчикъ! — сонно бормоталъ Харламовъ, а утромъ ушелъ куда-то, весь день пропадалъ, только къ вечеру вернулся, отозвалъ Унковскаго и сказалъ ему:

— Собирайте вещи, мы ѣдемъ вмѣстѣ. Чего вы глаза разинули? Я честнымъ путемъ досталъ деньги, — и весь вечеръ фальшиво напѣвалъ:

„Лодка моя легка, весла большія“...

Въ день отъѣзда вдругъ потемнѣлъ, нахмурился. Заперся у себя въ комнатѣ, выгнавъ оттуда какого-то гостя. Часа три просидѣлъ

взаперти, потомъ пошелъ на кухню, тамъ постоялъ у окна недолго, побарабанилъ по стекламъ и позвалъ:

— Унковскій, идите-ка сюда! — сунулъ ему въ руку деньги и, покусывая губы, сказалъ. — Поѣзжайте. Я остаюсь. Я не ѣду, — прошелъ мимо ошеломленнаго Унковскаго и на порогѣ закричалъ. — Оставьте меня въ покоѣ! Не ѣду, и кончено!

— Изъ-за денегъ?... — началъ было Унковскій.

И долго еще кричалъ Харламовъ:

— Плевать мнѣ на деньги! Я не могу жить безъ Парижа, это мое болото. Поняли? Поняли? — и бѣшено стучалъ кулакомъ по столу.

Унковскій уѣхалъ одинъ. Вскорѣ послѣ него исчезъ Григорій Ивановичъ, никому ничего не говоря, даже женѣ своей, Надѣ, только оставилъ ей стофранковый билетъ и записку: „Уѣзжаю, ибо не въ силахъ больше; я написалъ своему роднымъ — ты ежемѣсячно будешь получать“.

Когда Надя застонала, прочтя записку, Раечка была дома. Раечка первая побѣжала къ ней. Воду принесла ей, попросила всѣхъ остальныхъ жильцовъ уйти изъ дому. Раздѣла Надю, уложила ее, а когда мальчика привели изъ дѣтскаго сада, накормила его. Успокаивала Надю, цѣловала, забывъ про ея социаль-демократичность, гладила по волосамъ.

— Вотъ... вотъ!.. надрывалась Надя. — Я такъ и знала. Помилуйте, эсъ-эровская широта души!.. Свободная личность!.. Помилуйте, эсъ-эровскій размахъ!.. „Я не могу“, молъ. А я могу? А я могу?.. — Рвалась изъ рукъ Раечки, плакала тихимъ, взвизгивающимъ плачемъ, какъ плачутъ только покинутыя женщины. Потомъ кинулась къ шкафу, схватила деньги, рванула ихъ, но поглядѣла на мальчика, а онъ у ногъ ея вертѣлся и хныкалъ, и сложила бумажку, придавивъ ее чернильницей.

Вечеромъ укладывала мальчика спать и говорила:

— Спи, Вовочка, спи. Завтра мы тебѣ сапожки купимъ, — и внезапно закричала безотчетно: — Не смѣй думать о деньгахъ!

Мальчикъ пугливо съежился.

И нагибаясь къ нему, укрывая его одѣяломъ, бормотала:

— Я хочу, чтобы ты ненавидѣлъ деньги... Ты долженъ вырасти врагомъ капитала. Какъ твоя мама, Вовочка... Какъ твоя мама!..

Утромъ Раечка безповоротнo рѣшила:

„Переѣду“.—За день у всѣхъ своихъ знакомыхъ перебывала, всюду съ жаромъ говорила объ ужасѣ эмигрантскихъ браковъ:—Ахъ, эти браки! Немножечко вина на вечеринкѣ, немножечко жажды личнаго счастья, и уже готова дорожка къ мѣщанскому укладу. Развѣ это нужно? Мы должны быть... Да, аскетами, во имя нашего міровозрѣнія. Намъ нужны другіе люди. Намъ нужны двѣ революціи...—и снова побѣдонсно вскидывалось правое плечо.

Всѣмъ говорила о своемъ переѣздѣ, о томъ, какъ ей необходимо на нѣкоторое время побыть одной, сосредоточиться. Даже комнату намѣтила себѣ, возлѣ парка.

— У меня будетъ маленькая комната, но съ балкономъ. Знаете, когда я ночью гляжу въ паркъ, я вспоминаю тогда наши лѣса и плачу отъ радости.

А вечеромъ, въ „этапкѣ“, подъ шумъ чужого спора, чужого оживленія, плакала у себя въ комнатѣ безрадостно о томъ, что никуда ей не уйти, что страшно одиночество, что не нужны ей балконъ и давнымъ давно надоѣвшій паркъ.

Ночью неожиданно проснулась. Тихо было. Какъ-то безнадежно тихо. И подумала Раечка:

— Унковскій уѣхалъ, Григорій... А если вдругъ всѣ разбредутся?—и похолодѣла отъ жути, какъ въ тотъ день, когда ее, въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, разбудили внезапно и по темнымъ, смутнымъ улицамъ повели въ тюрьму, а у воротъ привратникъ спросилъ: „Кого привели?“ и ему отвѣтили: „Жидовочку“.

IV.

Для эмигрантскаго бала Раечка сшила себѣ модную, узкую юбку.

Вся „этапка“ пошла на балъ, кромѣ Флегонта Люльки, стекломоя. Былъ субботній день, а по субботамъ Люлька получалъ свое жалованье. Въ эту субботу онъ часть своего жалованья спустилъ на игральныхъ машинкахъ. Не везло ему, шарики попадали не туда, куда надо, и Люлька злился:

— Чикаешь, будто по правиламъ, а не влѣзаешь.

Стучалъ кулакомъ по машинкамъ.

— Ну, чикъ-чикъ, прыгай!

Окончательно разсердившись, поѣхалъ на бульваръ St-Michel, поймалъ тамъ двухъ знакомыхъ стекломоевъ и засѣлъ съ ними крѣпко

въ душномъ, заплеванномъ, какъ заѣзжій дворъ, барѣ. Пилъ абсентъ, не морщась, но уже послѣ третьей рюмки кричалъ:

— Я пролетаріатъ социаль-революціонной партіи, а какая-то сволочная французская машинка меня обжуливаетъ! Не могу я такъ, не могу!—тянулъ своего сосѣда, стекломоя, Мишу Русскаго, за рукавъ и жалостно просилъ:

— Мишенька, сбрось свой коль и манжеты... Мишенька, поѣдемъ домой! Жулики тутъ народъ, жулики... Мишенька, Христомъ Богомъ я тебя прошу, поѣдемъ!..

Друзья еле уговорили его замолчать. Замолкъ Флегонтъ Люлька, накупилъ, точно осенній день въ деревнѣ, а потомъ потребовалъ себѣ бумагу и конвертъ. Разложилъ локти по столу и сталъ писать; писалъ и пилъ.

— Флегоша, сочиняешь?—нагнбался къ нему Миша Русскій и безпрестанно поправлялъ высокій, до ушей, твердый, какъ заборъ, но ярко бѣлый крахмальный воротникъ.

— Нн...е мѣшай!..—свирѣпѣлъ Флегонтъ.—Отцу пишу. Не могу удержаться...

Когда баръ закрыли, Флегонтъ оставилъ на столѣ листъ съ каракулями и кляксами, гдѣ одинокія буквы въ чехарду играли, и поплелся домой. Кое-какъ взобрался на второй этажъ и застрялъ у дверей квартиры: никакъ не могъ попасть ключемъ въ замочную скважину, а въ это время и Раечка поднималась наверхъ.

Разболѣлись у нея зубы, измучили, и пришлось поневолѣ покинуть вечеринку, и отъ толпы, шума и свѣта перейти къ ненавистной тишинѣ, гдѣ нѣтъ ни конца, ни начала, ни выхода.

Узкая юбка мѣшала ей. Раечка подняла ее выше колѣнъ и, прихрамывая, пошла по ступенькамъ. На площадкѣ услышала она шорохъ, и замерла:

— Кто тутъ?

А Люлька какъ разъ спичку зажегъ.

Опѣшила Раечка настолько, что даже юбку забыла опустить, и услышала, какъ Люлька хрипло говорить:

— Эге, барышня, вы такъ? А штанишки-то у васъ рваненькія!..

И смѣхъ его услышала—пьяный, похожій на сдавленный лай.

Кинулась за нимъ:

— Люлька!—и долго стояла у дверей его комнаты и маленькимъ кулачкомъ стучала въ дверь:—Люлька, товарищъ Люлька, вы должны извиниться предо мной. Люлька, вы во мнѣ оскорбили женщину. Люлька!.. Товарищъ Люлька!..

Люлька сопѣлъ за дверью, кряхтѣлъ и не отодвигалъ задвижку.

Въ своей комнатѣ Раечка сорвала съ себя

модную юбку, смяла ее, швырнувъ въ уголъ, и уткнулась въ подушку. Утромъ раньше всѣхъ поднялась и стала ждать, когда Люлька встанетъ.

Услышала, какъ онъ идетъ въ кухню, какъ онъ газъ зажегъ, какъ поставилъ воду кипятить. Подождала немного и вошла.

„Онъ долженъ извиниться передо мной, долженъ“.

Люлька стоялъ у стола, полуодѣтый, и чавкалъ. Въ одной рукѣ его дрожалъ грязный стаканъ съ чаемъ, въ другой прыгаль кусокъ булки.

Увидаль онъ Раечку, и отвелъ красные, припухшіе глаза.

За окномъ, за сосѣдними крышами, растянулся мутный, синеватый свѣтъ зимняго дня, точно сняли крынку снятаго молока, разлили по стекламъ и размазали.

Раечка поглядѣла на Люльку. Поглядѣла, поглядѣла, и молча ушла. Въ коридорѣ долго и старательно вытирала пенснэ. Но въ тотъ же день собрала свои вещи и переѣхала. Когда спускалась по лѣстницѣ, не глядѣла себѣ подъ ноги и спотыкалась. Телѣжку съ корзиной везъ хмурый анархистъ, — Женька поселенецъ, занимающійся перевозкой вещей, а Раечка шла сбоку и на поворотахъ одной рукой поддерживала корзину.

На rue Roli попался навстрѣчу знакомый и окликнулъ Раечку:

— Переѣзжаете? На новую квартиру?

Раечка попыталась улыбнуться, а Женька пробормоталъ про себя:

— Идіотъ!..

Комнату Раечка сняла въ самой гущѣ каменныхъ домовъ, далеко отъ парка и безъ балкона.

V.

Въ началѣ весны, когда живѣе забѣгали по Сенѣ пароходы и въ Люксембургскомъ саду посвѣтлѣлъ фонтанъ Медичи, а на Муфтарѣ голоса торговкокъ звонко перекинулись къ дальнимъ улицамъ, къ Раечкѣ пріѣхалъ гость. Къ ней, именно къ ней. Привезъ онъ рекомендательное письмо отъ подруги, изъ Лозанны, гдѣ просьба была, взять молодого товарища подъ свое покровительство.

Никого онъ въ Парижѣ не зналъ, бѣжалъ недавно изъ Россіи. Изъ Лозанны привезъ онъ въ истрепанномъ чемоданѣ, перевязанномъ веревкой, полный комплектъ „Революціонной Россіи“, два романа Золя: „Парижъ“ и „Деньги“, для ознакомленія съ французской жизнью, и двѣ смѣны бѣлья.

П. А. Федотовъ.

Капиталисты:

- 1) Да пошли же за свѣчею.
- 2) Да пошли ты—ты въ выигрышѣ.
- 1) Пошли ты, я тебѣ сотру пять-десять тысячъ.

Раньше всего попросилъ показать ему остатки Бастилии.

И всюду водила его Раечка, съ оживленіемъ показывала ему знаменитыя мѣста, и въ Версаль его повезла, и первый меридіанъ указала ему, а когда повела въ Лувръ, въ коридорѣ велѣла ему закрыть глаза, подвела его къ Венерѣ Милосской и торжественно сказала:

— А теперь смотрите!

И по магазинамъ ходила съ нимъ, и нижнее бѣлье выбирала для него, и торговалась, и ради него же, несмотря на хромоту, стойко переносила длиннѣйшія прогулки. Когда юноша благодарилъ ее, отвѣчала:

— За что? Просто долгъ товарища.

Вскорѣ она уже говорила ему:

— Вы своей молодостью, своимъ пыломъ напоминаете мнѣ девятьсотъ пятый годъ.

Показала ему портретъ жениха. Юноша сосредоточенно и серьезно поглядѣлъ на картинку и вздохнулъ.

— Да,—говорила Раечка,— мнѣ осталось одно.—И долго послѣ этого молчала. И комнату она сняла ему недалеко отъ себя. По утрамъ вставала оживленная, иногда даже напѣвала, и въ десять часовъ уже приходила къ нему, вводила его:

— Я изучила Парижъ въ совершенствѣ, и вы должны.

Забыла про свою ненависть къ Парижу, и все спрашивала:

— Что, развѣ не божественный городъ?

Какъ-то разъ, пересѣкая площадь Согласія, юноша взялъ Раечку подъ руку.

— Осторожно, автомобиль!..

Въ тотъ же вечеръ Раечка говорила ему:

— Не правда ли, вы должны относиться ко мнѣ, какъ къ старшей сестрѣ, и наши отношенія должны всегда оставаться таковыми? — и любовно глядѣла на него сквозь внезапно запотѣвшія стекла пенснэ.

Однажды, послѣ какого-то реферата, они пошли въ Булонскій лѣсъ. Надъ скамейкой, гдѣ они сидѣли, шевелились молодые весенніе листья, будто звенѣли вкрадчиво.

Юноша забавлялся: горящія спички бросалъ въ темную листву.

— Перестаньте,—попросила Раечка,—здѣсь такъ...

Рукой тронула юношу и уже не отняла ее. Не смогла, какъ не смогла договорить. Стигнула зубы, покачнулася и прильнула къ юношѣ...

Когда они возвращались назадъ, Раечка путалась въ узкой, модной юбкѣ, ничего не видя (гдѣ-то въ травѣ затерялось пенснэ), держалась за руку юноши и шептала:

— Ты ведешь меня... — и твердила: — Веди меня, веди!..—и было радостное сознание: ее ведутъ, любимую, куда-то далеко, далеко.

Юноша, удовлетворенный и сонный, шелъ рядомъ съ ней и лѣниво волочилъ ноги.

Рано утромъ Раечка побѣжала къ нему. Юноша еще спалъ. Пришла Раечка вторично, но ужъ не застала его дома.

Только на шестой день она поймала его въ столовкѣ. Юноша какъ разъ обѣдалъ. Только завидѣлъ ее—покраснѣлъ, смутился нелѣпо, и шмыгнулъ къ дверямъ, съ кускомъ хлѣба въ рукахъ.

Такъ, съ ломтемъ хлѣба, его и запомнила Раечка.

Въ этотъ вечеръ Раечка не смогла пойти къ себѣ домой. Подошла было къ подъѣзду своего дома, и вернулась: пошла въ „этапку“.

Въ „этапкѣ“ по поводу дня рожденія Харламова кутили: пили пиво, бѣлое вино, жари-

ли ветчину и ѣли русскія сушки, кѣмъ-то полученныя изъ Россіи. По сему случаю за родину пили больше всего, и Раечку, вопреки обыкновению, встрѣтили очень дружелюбно.

Все шло хорошо, пока Саша Менделевичъ не вздумалъ ораторствовать. Дуня Кашина умоляла:

— Саша, не надо, прошу тебя! — и старалась усадить его.

— Не тронь! — отбивался Саша и отстеги-валъ воротникъ рубашки. — Мнѣ душно, и я хочу говорить. Товарищи; граждане; россияне и прочіе! Самый животрепучій, какъ однажды выразился одинъ мой товарищъ по національному происхожденію, вопросъ для насъ — это вопросъ о томъ, что намъ нужно. Во первыхъ расчленимъ этотъ вопросъ. Во-первыхъ... Раечка... не правда ли, намъ нужны двѣ революціи: политическая и?.. Но онъ не успѣлъ кончить — изъ угла, съ плачемъ, бѣжала къ нему Раечка и выкрикивала:

— Не смѣйте! Не смѣйте!

Въ чихъ-то рукахъ билась, словно припадочная, головой норовила попасть объ стѣну и, захлебываясь, кричала надрывно:

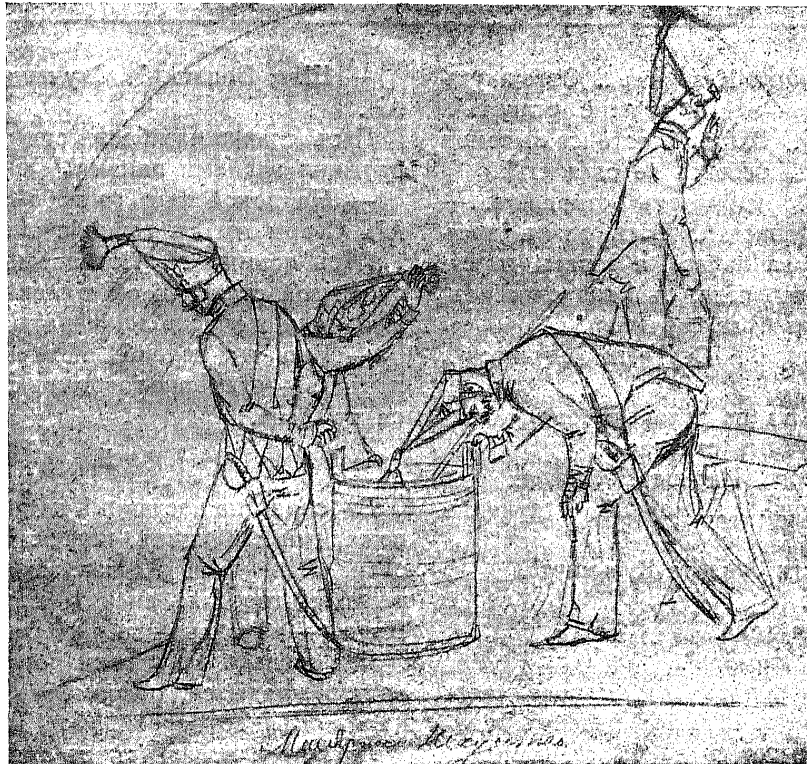
— Господи... Не нужны!.. Не нужны!..

Жалко и горестно дергались оба плеча.

VI.

Гудитъ Парижъ, трепещетъ, разрушаетъ и создаетъ, плачетъ и смѣется. Розовѣетъ, когда солнце надъ нимъ. Смѣется, какъ школьникъ, когда легкій весенній дождь танцуетъ на его плитахъ, памятникахъ и площадяхъ. Задумчиво молчитъ и знаетъ сладость тайны, въ тихихъ, словно чудомъ уцѣлѣвшихъ кварталахъ Сень-Жермена. Нѣженъ и чутокъ въ каждомъ деревѣ, въ каждой статуѣ Люксембургскаго сада. Одновременно святъ и беспощаденъ на площади Notre-Dame, гдѣ крестъ и химеры слитны; дерзокъ и вызывающъ на большихъ бульварахъ; сосредоточенъ въ рабочихъ кварталахъ,—и всегда, всегда невѣрный и прекрасный.

Андрей Соболевъ.

П. А. Федотовъ.

Малярное искусство.

Потапычъ.

Разсказъ А. Богданова.

I.

— Пота-а-пычь!.. А-а-ать?.. По - та - а - а - пы-ы-ычь!..

Въ ночную тишину, слегка скованную весеннимъ морозцемъ, падаетъ крикъ. Вѣтеръ подхватываетъ его и кружитъ надъ пустынной площадью села. Одинокое темнѣетъ—какъ пустой мрачный гробъ—большое и неуклюжее зданіе волостного правленія. Новое рѣзное крыльцо пахнетъ сосной и свѣжей краской. Мутно бѣлѣютъ въ полумгль подмерзшія по краямъ лужи и колесники дороги. А за дорогой—молчаливыя и холодныя необъятныя поля.

— Стари-и-икъ!.. А-а ать?.. Задремаль старикъ!.. Пота-апы-ы-ычь!..

Противъ волостного правленія—досчатый, крытый соломой, сарай. Оттуда неторопко выныриваетъ человѣческая тѣнь, качается и плыветъ въ ночномъ туманѣ. На встрѣчу ей съ крыльца сползаетъ другая человѣческая тѣнь.

— Спаль, старикъ?.. глухо спрашиваетъ грубый строгій голосъ...

— Здравствуй, Микита Кузьмичъ!..—слышится въ отвѣтъ...

— Здоровъ буди!..

Подошедшій къ крыльцу изъ сарая старикъ кланяется и опирается на толстую кленовую

палку. На немъ короткій заплатанный полушубокъ, еле доходящій до колѣнъ. На головѣ замызганная шапка, отороченная по краямъ лохматой овчиной. Ноги обуты въ валенки, подшитые свиной кожей.

— Ты што-же, старикъ?.. Аль умеръ?.. Почитай цѣлый часъ старшина тебя кличетъ, а ты хоша-бы што!.. А-а-ать?.. Право, такъ и думалъ, што умеръ, або заснулъ!..

— Прости, Микита Кузьмичъ!.. Слабъ ухами сталь... Ты ужъ не взыскивай строго!..

— Знаю, знаю... Чего съ тебя такого взять?..—бормочетъ старшина.

Старшина—въ новой суконной поддевкѣ и кожаныхъ высокихъ сапогахъ. Пышная густая борода положена на грудь—какъ горбушка ржаного хлѣба. Вѣтеръ чуть треплетъ подстриженные въ скобку волосы.

— Пожалѣй, Микита Кузьмичъ, старика!.. Чать душѣ-тѣлу пить-ѣсть хотится! Не гадалъ не чаялъ вотъ, што на девятомъ десяткѣ кормильцемъ издѣлаюсь!..—надрывно и жалостливо говоритъ Потапычъ...

— Знаю, знаю!..

Оба молчатъ. Потапычъ зябко жметъся въ полушубкѣ...

— Потерпи, Микита Кузьмичъ... Отто внукъ съ войны вернется—всѣмъ полегче станеть!.. Чего-жъ подѣишь?.. Одинъ я остался въ семьѣ кормилецъ-поилецъ, небойсь не сладосты!..

— Знаю, знаю!.. бормочеть старшина...— Нешто-жъ и мнѣ сласть?.. Вотъ взялъ васъ къ сараю стараго да малаго, а теперъ и сухотись!.. Начальство, поди, съ меня спросить, а не съ васъ, коли бѣда случится!..

— Упаси, Господи!.. Съ чего случится?.. О-охо!..

— То-то... Хочешь по человѣческому, а замѣсто того виноватымъ станешь...

— Спаси отъ того, Царица Небесная!..

— Ну-ну, карауль!.. Пожарный струментъ въ справности?..

— Въ справности, Микита Кузьмичъ...

— Чья смѣна?..

— Моя, да Павлухина...

— Ну, карауль, карауль!..

Старшина сонно позѣвываетъ и поднимается на крыльцо. Дверь, обшитая рыжимъ равнымъ войлокомъ, визжитъ на блокъ. Камень, привѣшенный вмѣсто груза, глухо ударяется въ нее, и затѣмъ снова все погружается въ тишину.

Потапычъ долго стоитъ въ раздумьи, опершись на палку. На колокольнѣ часы мѣрно и тоскливо бьютъ двѣнадцать. Онъ вздыхаетъ, нахлобучиваетъ низко до ушей шапку и садится на холодныя заиндѣвѣвшія ступеньки крыльца.

Вѣтеръ съ легкимъ шумомъ кружится около. Кучныя весеннія облака высоко грудятся въ небѣ, и въ прорывахъ между ними четко горятъ морозныя звѣзды.

Мысли старика сбивчиво перескакиваютъ отъ одного къ другому.—Весна ранняя, отсѣваться скоро надо будетъ, а внукъ Игнатъ еще не вернулся съ войны... Справится ли молодайка съ хозяйствомъ?.. Онъ, Потапычъ, помощникъ ей плохой... Спасибо старшинѣ,—опредѣлилъ его къ пожарной!..

Чего то давно нѣтъ писемъ отъ Игната!.. Не знай, живъ ли, нѣтъ ли?.. А може гдѣ-нибудь безъ руки, або безъ ноги въ гошпиталѣ лежитъ?.. На то война... Вонъ Митрохинъ Семень вернулся домой,—вмѣсто ногъ два лубка подбиты!.. О-о-хо!..

Съ деревенскаго порядка, гдѣ безлюдно и тихо, плетется песь. На втянутыхъ сухихъ ребрахъ шерсть облѣзла, за ушами и на хребтѣ свалаялась въ сѣдые пучки.

Песь подходитъ къ Потапычу, ласково обнюхиваетъ его и, виляя хвостомъ, трется мордой о полушубокъ.

Потапычъ ласково треплетъ пса по спинѣ.

— Што, Волчокъ?.. Скучаешь, поди, одинъ?.. А?

Песь сладко изгибаетъ спину и потягивается, пружиня задними лапами.

— На покой намъ съ тобой, Волчокъ, пора!.. А?.. Стары мы съ тобой стали...

Песь понимаетъ Потапыча. Онъ обходитъ съ другой стороны, обнюхиваетъ снова полушубокъ и жалобно начинаетъ скулить...

— Ишь ты, воешь?.. Може кровь Игнатову почуялъ?—суевѣрно говорить старикъ и встаетъ съ крыльца.

II.

Въ сараѣ на досчаникѣ подъ тулупомъ спитъ пожарный смѣнщикъ, подростокъ лѣтъ пятнадцати, Павлушка. У изголовья на большихъ ржавыхъ гвоздяхъ виситъ охлестанная сбруя. Въ углу—мѣшокъ съ овсяной соломенной сѣчкой.

Двѣ лошади въ стоякѣ при входѣ Потапыча настораживаются, поднимаютъ стрѣлками уши и нетерпѣливо перебираютъ ногами.

Потапычъ подходитъ къ подростку и заботливо прислушивается.

— Угломился, паренекъ?.. Спи, Господь тебя хранитъ!..

Онъ отыскиваетъ въ углу закопченный фонарь и зажигаетъ свѣтильню. Тусклое пламя больше коптитъ, чѣмъ свѣтитъ. Причудливыя тѣни переламываются на стѣнѣ.

Потапычъ насыпаетъ въ колоду овсяной сѣчки. Лошадь съ пѣгой челкой и бѣлымъ пятномъ на лбу протягиваетъ къ нему изъ загородки морду, ловитъ мягкими губами руку и, почуявъ знакомый запахъ человѣческаго тѣла, радостно фырчитъ.

Потапычъ любовно гладитъ лошадь по теплой горбоносой мордѣ.

— Проголодался, Васька?.. Кушай, родимецъ, кушай!..

Лошадь тычется мордой въ колоду, ворошитъ сѣчку и, медленно выбирая обмолоченныя пустья колосья, хруститъ зубами.

— Не скусно безъ посыпки?.. А?.. Ничего, родимецъ, не подѣешь!.. Кушай...

Изъ перегородки въ широкія щели между досокъ пытается просунуть голову еще лошадь...

— Ай и тебѣ покушать захотѣлось?..—шамкаетъ Потапычъ.—На, вотъ и тебѣ... Кушай, кушай!..

Онъ засыпаетъ сѣчкой и вторую колоду.

Лошади фырчатъ и возятся въ стоянкахъ. Потапычъ слѣдитъ, какъ онѣ ѣдятъ.

Потомъ онъ выходитъ изъ сарая, прикладываетъ обѣ руки ко лбу и всматривается въ дали.

Небо яснѣетъ. Крѣпнетъ утренничекъ. Деревня тихо спитъ.

Потапычъ поджмается въ полушубкѣ и возвращается въ сарай.

Невеселыя неотвязныя мысли преслѣдуютъ его.

— Вотъ получу къ Егорьеву дню двадцать цѣлковыхъ!.. высчитываетъ онъ.—На десятку сѣмянновъ надо, да десятку за пашню съ бороньбой... А жить-отъ чѣмъ? Отто кабы Игнать къ порѣ-времени вернулся...

А за сараемъ въ бѣлесую муть неба вонзаются багровые огни. Сперва они еле замѣтны,—острые и тонкіе, какъ лезвее ножа; потомъ они расходятся ярче и шире и окрашиваютъ небо зловѣщимъ заревомъ.

Тревожные далекіе крики будятъ тишину ночи:

— Э-э-эй, лю-ди!.. По-жа-а-арь!..

III.

Арестантская при волостномъ правленіи сложена изъ саманныхъ кирпичей. Вверху арестантской небольшой круглый вырѣзъ вмѣсто окна.

На земляномъ полу солома для спанья. Въ углу кирпичная печь—потрескавшаяся и угарная.

Сторожъ Федоръ, болѣзненный солдатъ изъ безсрочныхъ, громыхаетъ дужкой висячаго замка и отворяетъ дверь...

— Живъ, Потапычъ?..

Потапычъ поднимается съ соломы...

— Ванятку—навѣстить тебя привелъ!..—объясняетъ Федоръ.—Ну, ты, лѣзь, чертенышъ, скорѣй, покудова старшины нѣтъ!.. Замѣтитъ старшина—обоймъ бѣда будетъ...

Бѣлоголовый мальчуганъ, съ золотушными болячками на губахъ, проскальзываетъ мышенокъ въ дверь и говоритъ:

— Не замѣтитъ, дяденька,—я въ солому зарюсь!..

— А-а, это ты, Ванятка?.. радостно говоритъ Потапычъ.

Сторожъ торопливо запираетъ дверь.

— Здравствуй, дѣдушка!.. Мамка навѣстить тебя прислала!..—говоритъ Ванятка.

— Спасибо, дѣтка... Здравствуй!.. Садись-ка вотъ сюда рядомъ...

Мальчуганъ подсаживается на солому. Пугливо и съ любопытствомъ онъ осматриваетъ арестантскую. Въ рукахъ у него узелокъ,

— Што,—какъ Дарья?.. какъ вы тамъ?.. А?..—спрашиваетъ Потапычъ...

— Мамка тебѣ пирога съ картошкой испекла...—говоритъ Ванятка и развязываетъ узелокъ.

Бѣлыя пушистыя брови старика радостно

двигаются и лицо оживаетъ въ кроткомъ тихомъ просвѣтленіи.

— Спасибо, дѣтка!..

Оба молчатъ. Потапычъ отламываетъ кусокъ пирога и медленно жуетъ беззубыми деснами.

— Дѣдушка, долго ты будешь сидѣть?.. спрашиваетъ Ванятка...

— Не знаю, касатикъ!.. Федоръ говорилъ, што завтра ослобонятъ...

— Поскорѣй просись, дѣдушка..

— То-то, милый, што спросу мого не послушаютъ!.. Земскій, вишь, на три дня къ отсидкѣ приказалъ...

— За што, дѣдушка?..

— Дѣла своего, дѣтка, не справилъ... Зря, дѣтка, не посодотъ!.. Зря, дѣтка, и чирій не вскочить!.. Законъ порядку требуется...

— Плохо здѣсь, дѣдушка...

— Чего-жъ подѣишь?.. Спасибо Микитѣ Кузьмичу... Самъ знаю, какой ужъ я пожарный!.. Куды-жъ подѣнешься, коли Игната нѣтъ?.. Не получила матка письма?..

— Не-э!..

Оба опять молчатъ...

— Дѣдушка... Я слышалъ, мужики баяли—будто тебя урядникъ на пожарѣ вдарилъ?..

— Ударилъ, касатикъ... Какъ пріѣхалъ я съ баграми, такъ онъ на меня и налетѣлъ...

— Што же ты, дѣдушка, ему?..

— Што ему?.. Сказано, дѣтка: „съ сильнымъ не борись“... Съ него самого тоже начальство спрашиваетъ... Спасибо Микитѣ Кузьмичу, заступился за старика...

Въ глазахъ Ванятки вспыхиваютъ стальные острые огоньки. Онъ выпрямляется и съ возмущеніемъ говоритъ:

— А я бы, дѣдушка, ножомъ его пырнулъ!..

— А-ихъ ты, глупый!.. Развѣ можно такія страсти баять?.. Дай-ко я те за вихоръ маленько потреплю!..

— Не надо, дѣдушка!..

— То-то не надо!.. Мы, дѣтка, люди маленькіе... Христось больше насъ былъ, и тотъ терпѣлъ...

— Тятка съ войны вернется,—все тяткѣ расскажу... Тятка имъ задасть!..—не успокаивается Ванятка...

— А-ихъ, глупый ты, глупый!..

Потапычъ любовно гладитъ мальчугана по головѣ. Оба близко прижимаются другъ къ другу, и отъ этого спадаетъ тяжесть съ ихъ душъ.

— Домой, дѣдушка, пойду!..—заслышавъ шаги приближающагося сторожа, говоритъ Ванятка.

— Иди, дѣтка!.. Да скажи Дарь-то, што завтра, молъ, дѣдушка на слободу выйдетъ... А денегъ старшина шешнацать цѣлковыхъ

посулили... Кабы до Егорья дотянулъ—такъ двадцать-бы получилъ!.. Да вотъ не довелось!.. И еще скажи, штобы не крушила себя.. Дѣдушка, молъ, вернется домой и все устроитъ, и сѣмена и пашню...

— Скажу, дѣдушка...

IV.

Лицо Потапыча строгое, съ открытыми неподвижными глазами, углы рта опустились и носъ побѣлѣлъ и заострился по птичь. Старикъ какъ-то необычно лежитъ на соломѣ, запрокинувъ назадъ голову и широко разставивъ вытянутыя ноги въ валенкахъ. Ротъ его полуоткрытъ, но зубы крѣпко стиснуты и на сухихъ губахъ бѣлые сгустки слюны.

Сторожъ Федоръ осторожно расталкиваетъ его:

— Вста-а ава-ай, ста рикъ!.. Э-э-эй, вста-а-а ава-ай!..

Потапычъ не двигается. Федоръ чиркаетъ спичкой. При свѣтѣ огня онъ видитъ передъ собой мертвые остеклянѣвшіе зрачки и пѣну на похолодѣвшихъ губахъ.

— Съ нами крестная сила!..—въ ужасѣ крестится онъ и пятится къ двери.

— Съ нами сила Господняя!..

Подталкиваемый неустойчивой внутренней силой, онъ бѣжитъ въ волостное правленіе.

Дверь въ арестантскую открыта. Вѣтеръ стучитъ ею и скрипитъ ржавыми петлями. И Федору кажется, что позади слѣдомъ за нимъ это стучитъ и стонетъ мертвецъ.

А. Богдановъ.

П. А. Федотовъ.

Извозчикъ и кварталный.

Три дня въ Новгородѣ.

Димитрій Крючковъ.

Поѣздка моя въ Новгородъ не вдругъ была рѣшена: еще много раньше мечталось мнѣ о трицкой службѣ въ Софіи, о Волховѣ, о древнихъ церквахъ новгородскихъ. Послѣ противной хлопотни и всяческихъ устройствъ, дѣло наладилось. Наканунѣ Николина дня спутникъ мой въ весеннихъ сутемкахъ прибрелъ съ маленькимъ чемоданчикомъ на Пески. Посидѣли, какъ водится, за самоваромъ, потолковали о будущемъ путешествіи; наконецъ, около полуночи, всѣ трое (Ч., жена моя и я) двинулись въ путь. Билетовъ у насъ не было, шли на авось, усердно отгоняя сомнѣнія въ успѣхѣ. На вокзалѣ III класса что-то невообразимое—кричатъ, ругаются, всюду сундуки, корзины, шкатулки, узлы, на нихъ—женщины съ дѣтьми и вся эта суета закутана въ густой, вонючій табачный дымъ. Передъ билетными кассами длинныя-предлинныя змѣи-очереди—надо какъ можно скорѣе отыскать конецъ такой змѣи, потому что растетъ она ежеминутно, завиваясь вавилонами по всей залѣ. Наконецъ, послѣ часового дежурства, цѣль достигнута, я пробиваюсь сквозь толпу ожидающихъ и толкущихся взадъ и впередъ, отыскиваю моихъ спутниковъ, и мы мчимся къ поѣзду. Здѣсь новое разочарованіе—вагоновъ еще нѣтъ, на платформѣ куча народа, у всѣхъ озлобленныя, жестокія лица—сейчасъ грянетъ бой изъ за мѣста. Подаютъ поѣздъ, начинается всеобщая свалка, спутница наша потеряна изъ виду, мы съ Ч. вскакиваемъ на площадку и забиваемся въ уголъ, стараясь занимать какъ можно меньше мѣста. У вагоновъ страшная давка—суютъ въ окна дѣтей, на нашу площадку ставятъ корзину, на корзину карабкается дѣвочка, а на нее изъ открытыхъ дверей наваливается матрацъ и какія-то чугунныя штуки (какъ потомъ оказалось—печные приборы въсомъ пуда въ два). Дѣвочка начинаетъ пищать, задыхается подъ тяжестью наваленныхъ на нее вещей и Ч. великодушно спасаетъ жизнь ей и находящимся въ нижней корзинѣ кроликамъ. До послѣдняго звонка продолжается гвалтъ, вотъ еще, свирѣпо толкаясь, наступая на ноги, лѣзутъ изъ вагона провожающіе, послѣдніе крики, пискъ, и мы трогаемся. Мнѣ удается какъ-то высунуть голову въ окно, и я вижу на противоположной площадкѣ знакомое черное перо; слава Богу, не растерялись, пока все благополучно...

Чѣмъ дальше, тѣмъ свободнѣе дышать, тѣмъ больше мѣста на площадкѣ. На травѣ предъ-

утренній, бѣлый иней, вдали зубчатая кайма мелколѣся, грустно и хорошо. Отъ бессонной ночи и стука колесъ голова кружится, и кажется, что кто-то стоитъ рядомъ и шепчетъ всякую чепуху... Въ Любани опять суета—изъ вагона движется волна, а на площадкѣ гора вещей, нельзя отворить дверь. „Скидывай вещи ихнія подъ поѣздъ“, кричитъ толстая баба мужику, „чего на рожонъ лѣзли, нешто можно дорогу заграживать—слышь ты, сокровище благихъ!“ Послѣ Любани можно войти въ вагонъ—всѣ мы въ сборѣ, къ намъ присаживаются два студента-новгородца—раньше они лѣпились на тормазной площадкѣ. Завязывается разговоръ, и наши новые знакомые сейчасъ же заявляютъ: „Конечно, въ Новгородѣ много интереснаго—напримѣръ замѣчательный памятникъ тысячелѣтія“. Нужно сказать, что памятникъ этотъ преслѣдовалъ меня повсюду—соперничать съ нимъ могутъ развѣ только богатства Юрьева монастыря. Одни хвалятъ идею, другіе—талантъ Микѣшина, третьи—грандіозность—словомъ, памятникъ закрылъ отъ новгородцевъ всю красоту родного ихъ города—даже путеводитель отводитъ ему страницъ двадцать, если не больше...

Проѣзжаемъ Чудово—тамъ дожидается очередныхъ страстотерпцевъ новгородская узкоколейка... Вотъ и Волховъ—тихий, спокойный, розовѣющій подъ утреннимъ солнцемъ „ковшъ“, почему-то напоминающій настойчиво и живо былинку о Садкѣ; напротивъ рядъ домовъ и лавка, съ оригинальной вывѣской: „Хлѣбъ насущный. Продажа съѣстныхъ припасовъ“. День обѣщаетъ быть жаркимъ, спать не хочется, такъ бы все и глядѣлъ на волховскую ширь...

Волховъ разлился, затопилъ поля, сады и огороды, и его желтая вода стоитъ сейчасъ у оконъ и воротъ, цѣлыя улицы отрѣзаны отъ берега—все похоже на нелѣпую, фантастическую декорацію. Въ каютѣ жарко, дымно и шумно, а на палубѣ вѣетъ свѣжимъ духомъ воды и земли, грѣетъ солнце, подъ сердитый шумъ колесъ никнетъ голова, и одолеваетъ лукавая дрема. На берегахъ мелькаютъ деревушки, усадьбы, церковки—вонъ видно поле и пахаря, а тамъ дальше бѣжитъ жеребенокъ, и его залихватое ржанье далеко слышно въ утренней тишинѣ. Проѣзжаемъ Знаменскій монастырь, бѣлую державинскую „Званку“, когда-то богатую и пышную, про которую писалъ ее хозяинъ:

Стекль заревои горитъ мой храмовидный домъ,
 На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
 Гдѣ встрѣчу водои шумитъ лучей дождеи,
 Звучитъ музыка духовая.
 Изъ жерль чугуиныхъ громъ по праздникаи реветъ.
 Подъ звѣздной молнией, подъ свѣтлыми древами
 Толпа крестьянъ, ихъ женъ—вино и пиво пьетъ,
 Поетъ и пляшетъ подъ гудкаи.

Проплываемъ прелестную усадьбу „Вергежи“—словно живая иллюстрація къ Тургеневу—старинный домъ съ колоннами, паркъ и бесѣдки. Виднѣются арачьевскія постройки, остатки военныхъ поселений, дачное мѣстечко подъ звучнымъ названіемъ „Собащи Горбы“. Отсюда недалеко до Новгорода—проплыла мимо древняя Хутина, бѣлая стѣны монастыря и на горизонтѣ трепещетъ золотой, чудесной птицей куполь новгородской Софіи. По берегамъ монастыри и церкви, древніе, суровые, и величавые въ своей простотѣ и однотонности. Но на нихъ какъ-то не хочется смотрѣть—все вглядываешься въ золотой куполь Софіи...

Вотъ мы и въ городѣ — направо Кремль и шестиглавая Софія; сначала какъ то удивляешься, что лишь одна глава золотая, остальные—аспидно-сѣрая. Выходимъ на пристань и, по рекомендаціи путевода, бредемъ въ лучшіе новгородскіе номера на лучшей Московской улицѣ. Какой то очень толстый человекъ, похожій на гоголевскаго Пѣтуха, ведетъ насъ на самый верхъ по темной лѣстницѣ и отводитъ намъ два номера. Мы открываемъ окна, садимся пить чай и стараемся разрѣшить очень сложный вопросъ—ложиться ли спать или итти сейчасъ же въ Софію. Въ головѣ шумитъ, глаза еле смотрятъ, но все-таки ложиться среди дня всякому зазорно. И вотъ мы покидаемъ наши лучшіе номера и бредемъ по лучшей улицѣ. Солнце печетъ нестерпимо, на улицѣ нѣсколько прохожихъ, одинъ или два извозчика. Близъ Волховскаго моста памятникъ Александру II, въ стилѣ нашихъ памятниковъ Петру Великому противъ Адмиралтейства—такой же крошечный, статуэточный, нисколько не похожій на памятникъ. Заходимъ въ часовню „Чуднаго Креста“—расписана она ужасно, вѣроятно, добротными трудниками, отъ усердія которыхъ жестоко пострадади весьма многіе новгородскіе храмы. „Чудный Крестъ“ рѣзанъ изъ дерева, древность его не установлена, но какъ то сердцемъ вѣрится, что именно онъ утишалъ новгородскія распри, что, цѣлуя эти ноги, пробитыя гвоздями, примирялись обѣ стороны вольнаго города. Иеромонахъ служитъ молебенъ, какая то пожилая дама молится на колѣняхъ, въ поминаньи мелькаетъ: воина Иоанна, воина Петра, воина Сергія... И невольно опять думаешь не о Софіи, не о Новгородѣ,

но о тѣхъ тысячахъ безвѣстныхъ простецовъ, которые сейчасъ, далеко, далеко бьются за родное, милое сердцу, вотъ за эти напѣвы, лики и ризы...

Отъ памятника тысячелѣтія дѣйствительно никуда не убѣжишь—его видишь раньше, чѣмъ Софію, сейчасъ же, какъ войдешь черезъ арку въ Кремль. Скопленіе фигуръ необычайное—особенно плохи Петръ Великій и увѣнчивающіе памятникъ ангелъ и Россія, невольнительно слабя барельефъ съ изображеніями великихъ людей. Какось—мы недолго любовались на эту новгородскую достопримѣчательность—перешли площадь и вошли въ Софію.

Сторожъ сопровождаетъ насъ по всей церкви, но его сопутничество не слишкомъ обременительно. Русскіе гиды, подобно иностраннымъ, любятъ щедро получать на чай отъ любопытствующихъ, но зато они гораздо молчаливѣе и скромнѣе своихъ западныхъ собратій.

Соборъ обезображенъ новой росписью, но изумительные, громадныя иконостасы, царское и святительское мѣста и купольный Вседержитель все еще хранятъ древнюю красоту, древнее новгородское величіе. Сначала не хочешь поднимать глазъ, чтобы не видѣть новаго художества, замѣнившаго собою древнія фрески; когда же взглянешъ на Пантократора, держащаго въ сжатой десницѣ своей древній городъ, то обо всемъ этомъ позабудешь. Есть какое то особое, дивное очарованіе въ этомъ древнемъ ликѣ—и гнѣвъ, и милость, и высшая, всемірная радость во взглядѣ, и мощь несокрушимая и вѣчная. Навсегда запомню я этотъ далекій взглядъ, этотъ куполь новгородской Софіи...

Я привыкъ къ петроградскимъ церквамъ, похожимъ на залы—вотъ почему меня поразила уютность Софіи; весь соборъ раздѣленъ на закоулки—словно цѣлый рядъ маленькихъ, сельскихъ церквей. Верхнія иконы главнаго иконостаса, къ счастью, открыты, нижнія же—въ ризахъ рококо, не исключая и знаменитой Софіи—Премудрости Божіей.

Изъ полутемнаго, пропитаннаго запахами воска и ладана, собора, выходимъ на площадь—сейчасъ же за кремлевской аркой дичь и глушь; вотъ маленькая, „обыденная“ церковь Андрея Стратилата, съ характерной звонницей, за нею бурьянъ и кучи мусора, а дальше на зеленомъ лужку, у кремлевскихъ стѣнъ, новгородская молодежь яростно сражается въ футболъ. Это зрѣлище не особенно привлекаетъ меня—достаточно насмотрѣлся на Лахтѣ и въ Озеркахъ—поэтому я и увлекаю спутниковъ моихъ въ одну изъ кремлевскихъ башенъ.

Сначала поднимаемся по довольно жиденькой наружной лѣстницѣ, затѣмъ видимъ образъ и

маленькую дверцу съ нимъ рядомъ. На правахъ путешественника проникаю туда и уподобляясь Колумбу, открываю, одна надъ другой, двѣ часовни, въ нихъ—древніе образа, и въ нижней—живоносный источникъ студеной воды. При часовняхъ живутъ двѣ старухи, типа раскольничьихъ начетчицъ.

Выходимъ изъ башни на свѣтъ Божій; мнѣ хочется еще взлѣзть на башню Кукуй, побывать на Ильменѣ, зайти въ музей и такъ далѣе и такъ далѣе, но всѣ планы разбиваются о несносное время. Уже больше трехъ часовъ, вечеромъ мнѣ хотѣлось побывать въ Софіи за всенощной—надо итти въ номеръ и хлопотать объ обѣдѣ.

Накормили насъ отлично великолѣпной ухой изъ живыхъ налимовъ. Ко сну послѣ обѣда клонить неодолимо; Ч. не выдерживаетъ и удаляется въ свой номеръ. На софійской звонницѣ начинается особенный „софійскій перезвонъ“, золотой куполъ виденъ въ окно, духъ окончательно побѣждаетъ немощную плоть, и мы идемъ ко всенощной.

Народу немного, большинство „чистой“ публики гуляетъ въ городскомъ саду; солнце свѣтитъ ярко и горячо въ верхнія окна. Служить архіепископъ; такъ хорошо звучать знакомыя, святыя слова—хоръ поетъ Бортнянскаго, а сердцу хотѣлось бы иныхъ, суровыхъ, простыхъ напѣвовъ. Даръ Бориса Годунова—древній византійскій хоросъ—вспыхиваетъ электрическимъ свѣтомъ (и его не пощадилъ современный Новгородъ), духовенство выходитъ на литію и освященіе хлѣбовъ. Я стою почти рядомъ съ владыкой, и вдругъ мнѣ начинаетъ казаться, что источники на его голубой мантии и впрямь куда-то струятся, плывутъ, пѣніе звучитъ издалека, еле слышно—это сонъ подкрался и одолѣлъ меня. И я чувствую, что теперь борьба бесполезна—послѣ шестопсалмія идемъ домой, въ номера...

Едва успѣвъ раздѣться, я засыпаю и еще сквозь сонъ слышу софійскіе колокола—вѣроятно звонятъ къ Евангелію...

Утромъ всѣ трое встаемъ не слишкомъ рано—очевидно новгородскій воздухъ дѣйствуетъ усыпительно. Послѣ чаю идемъ въ Знаменскій соборъ—проходимъ подъ вратами, обезображенными богомазами, и поднимаемся въ верхнюю церковь. Служба еще не кончилась, идетъ троицкая вечерня, сильно пахнетъ сохнувшимъ березовымъ листомъ.

Постоявъ немного, выходимъ на улицу и направляемся къ стоящей напротивъ, древней, изумительно прекрасной церкви Спаса. Сторожъ у Спаса—почтенный человѣкъ, любитъ свою замѣчательную церковь, гордится ею, го-

воритъ тихо, мало и впопадъ. Благодарители, къ счастью, обошли эту церковь вниманіемъ и не изуродовали ее отъ щедротъ своихъ.

Отъ Спаса снова идемъ въ соборъ; служба кончилась, въ осмотрѣ содѣйствуетъ намъ дьяконъ, большой любитель старины. Здѣсь намъ показываютъ чудотворную икону Знаменія, раненую суздальской стрѣлой.

Изъ Знаменскаго собора идемъ къ Волхову; около моста толпа народа, много солдатъ. Бродячій фотографъ снимаетъ „патреты“ по полтиннику за штуку. Тутъ же и мороженщикъ—словомъ праздникъ во всей полнотѣ своей.

Въ Софіи посылаемъ сторожа за келаремъ съ просьбой открыть раки; приходитъ іеромонахъ съ строгимъ лицомъ и большой, сѣдою бородою, и поднимаетъ, одну за другою, тяжелыя серебряныя крышки. Какое-то странное, радостное и тревожное волненіе овладѣваетъ мной при цѣлованьи темной, твердой какъ дерево, руки брата Александра Невскаго, князя Феодора. Губы крѣпко прижимаются къ кукулю Іоанна архіепископа и чувствуютъ подъ нимъ лобъ, скрытый чернымъ кукулемъ. Сидѣвшая на ступеняхъ архіерейскаго амвона экскурсія слѣдуетъ за нами—всѣ глядятъ на іеромонаха и на насъ съ какимъ-то школьническимъ, недоумѣннымъ любопытствомъ.

Изъ собора уходимъ Корсунскими вратами—на нихъ масса изображеній—между прочимъ центавръ (по увѣренію другихъ—нашъ сказочный Полканъ). Какой-то мальчикъ разыскиваетъ намъ послушника, и съ его помощью мы попадаемъ въ кельи Іоанна, архіепископа новгородскаго, видимъ тамъ рукомоиникъ, въ которомъ чудотворецъ закрестилъ бѣса, и снова негодуемъ на аляповатую, грубую стѣнопись.

Оттуда рѣшаемъ итти въ музей, но, увы, натыкаемся на запертыя двери—завѣдуетъ всѣмъ иподіаконъ, находящійся въ отсутствіи—на службѣ съ владыкой въ Духовомъ монастырѣ. Дѣлать нечего, бредемъ обратно въ номера, гдѣ, за обѣдомъ, обсуждается планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Хотимъ ѣхать къ Спасу Нередицѣ—не на чемъ, всѣ лодки разобраны гуляющими новгородцами.

Остается лишь бродить по городу; проходимъ мимо Ярославова дворища къ Волхову и идемъ въ городскую садъ. Напротивъ входа деревянное строеніе съ двумя электрическими фонарями—мѣстный кино (въ городѣ ихъ два); передъ подъездомъ извозчики и даже собственный экипажъ парой. Въ саду гулянье, на длинныхъ скамейкахъ сидятъ обыватели, глядятъ на прохожихъ, пересушиваютъ, сплетничаютъ—пыльно и скучно...

Утромъ мы свободны какъ птицы—по счету заплачено, вещи на пароходной пристани, словомъ „не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскаема“.

Въ два часа пароходъ отваливаетъ, и мы прощаемся съ Новгородомъ, но еще долго, долго въ голубой, дымчатой дали вспыхиваетъ тусклымъ золотомъ куполь Софіи. У Хутины высаживаемся въ лодку—хочется побыть въ монастырѣ, благо еще время есть.

Во дворѣ никого, тишина; наконецъ, суровый, рыжий монахъ показываетъ, какъ пройти въ монастырскую гостиницу. Оставляемъ тамъ вещи и идемъ къ собору; онъ запертъ, кругомъ ни души—стучусь безрезультатно у многихъ келій, наконецъ, одна дверь открывается, выходитъ заспанный монахъ и отыскиваетъ пономаря. Съ нимъ входимъ въ соборъ; все та же картина, что и въ Новгородѣ—отличныя, древняго письма иконы, и тутъ же рядомъ царство маляровъ, кричащая, грубая мазня. Въ лѣвомъ придѣлѣ могила Державина—неизбѣжная урна и подъ нею надпись: Державинъ, Гавріиль Романовичъ, дѣйств. тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ. Родился 1743 г. іюля 3. Скончался 1816 г. іюля 9. Погребенъ въ храмѣ семь противъ мѣстнаго образа Пресвятыя Богородицы.

Твоей-то правдѣ нужно было
Чтобъ смертну бездну проходило
Мое безсмертно бытіе.
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе Твое.

Въ ризницѣ того же придѣла даръ Василія Ивановича Шуйскаго—водосвятная оловянная чаша—убогій даръ скареднаго царя. Изъ собора выходимъ на холмикъ съ кельей преп. Варлаама—на стѣнѣ просьба настоятеля не дѣлать неподобающихъ надписей—россійскій обыватель всюду вѣренъ себѣ.

Садимся подъ откосъ надъ Волховомъ; тихо, солнце мглисто и багрово близится къ закату. Изъ дальнихъ лодокъ, со середины рѣки, доносится визгъ—дѣвочки поютъ по случаю праздника. Съ нами болтаетъ дѣвочка лѣтъ десяти-двѣнадцати,—она ужъ нянчить мальчонку, собираетъ щавель, а деньги копить „на ярманку“.

На всѣ вопросы, она лукаво, съ милой хитринкой, смѣется и неизмѣнно отвѣчаетъ: „А неужели нѣтъ?..“

Пора собираться въ путь; лодка сговорена, надо итти за вещами. По дорогѣ заходимъ въ лавку—купить гостинца нашей собесѣдницѣ. На завалинкѣ сидитъ старушонка и говоритъ: „У, безстыжая, анаеема эдакая! Опять за господами увязалась“... Но та не унываетъ и звонко кричитъ въ отвѣтъ: „А тебѣ что, тебѣ что? Молчи ужъ, твои кобылы тоже бѣгаютъ, а ты что?“..

Спать древняя Хутина—800 лѣтъ ей отъ роду, нѣтъ прежней силы, устала обитель, опустѣла и поникла, и только бѣлымъ, печальнымъ кольцомъ окружили старыя стѣны многоглавый соборъ и тихое кладбище...

По водѣ отъ парохода бѣгутъ разноцвѣтныя змѣйки, мы всходимъ по шаткому трапу и сразу попадаемъ въ душный, биткомъ набитый „салонъ“. Кругомъ гамъ, спорятъ о войнѣ, о школѣ, о водкѣ; Ч. нашелъ себѣ жертву—только что окончившую курсъ новгородскую гимназистку. Сквозь сонъ я слышу его каверзные вопросы о Новгородѣ, древней литературѣ—сладко дремлетъ подъ шумъ колесъ и дробный нашептъ дождя...

Свѣтлѣетъ, пахнуло разсвѣтомъ—опять выѣска „хлѣбъ насущный“, тискотня у кассы, и снова вагонъ и мѣрный жесткій разговоръ колесъ. Входятъ и выходятъ люди, поѣздъ останавливается и снова идетъ—все для меня затуманено дремой...

Идемъ по безконечнымъ платформамъ Николаевскаго вокзала, по Знаменской площади—а мнѣ все еще чудится золотой куполь Софіи. Впереди цѣлый день работы, суеты, ежеминутной смѣны сна и бодрствованья. Не знаю ѣздилъ ли я куданибудь или нѣтъ—спать, спать хочется до муки, а золотой, весенній вечеръ словно нарочно медлитъ, и какъ-то особенно жестко грохочутъ колеса и неистово звенятъ трамваи... Вспоминается Новгородъ, маленькіе домики, маленькія окошки, уставленные цвѣтами—тамъ, за ними, въ тѣсныхъ горенкахъ, должно быть можно такъ хорошо, такъ сладко спать...

Димитрій Крючковъ.

П. А. Федотовъ.

Неосторожная невѣста.

Madame Красота.

Разсказъ А. Тришатова.

I.

Кто то звонилъ съ улицы къ дворнику.

Отсюда, изъ комнаты, звонокъ кажется жалобнымъ, жалобнымъ. Подергается, подергается, станетъ тихо... а вотъ опять...

И мальчикъ каждый разъ вздрагивалъ и съ тоской ждалъ, когда же это кончится. Сѣлъ на постели и смотрѣлъ въ темноту, долго, насторожившись. Незанавѣшенные окна блѣднѣли ровными четырехугольниками. У стѣны, напротивъ, Патька стоналъ и возился во снѣ. Третью кровать, въ самомъ углу комнаты, не было видно, и на ней было тихо. Босыми ногами, осторожно разставляя руки, Володя пошелъ туда въ уголь. Рукой стукнулся о холодный край желѣза. Ощупалъ: одѣяло, подушка.. Кровать была пустая.

Какъ то сразу почувствовалъ, что ему очень

холодно. Закутался въ свое одѣяло и долго, долго дрожалъ. Заснулъ не скоро и незамѣтно.

Дверь дернули. Володя сразу открылъ глаза, Разсвѣтная бѣлесость уже наполнила въ стекла, и въ комнатѣ зачернѣли предметы. Дверь открылась не сразу, тихо... потомъ съ шумомъ захлопнулась.

— Славка!..

Стоить.

— А ты чего не спишь?

Подошелъ къ нему. Вотъ всталъ близко. Не снимаетъ ни шинели, ни фуражки.

— Какой ты страшный, Славка! Что съ тобой?.. Ты, ты, Славка, ты пьяный!!

Сбилъ одѣяло, вскочилъ, а тотъ сѣлъ на постель и вдругъ весь согнулся. Фуражка по-

катилась на полъ. Прижалъ голову въ подушку и сталъ плакать громко, съ крикомъ.

Оторвалъ голову отъ подушки.

— Володя, я умру теперь... я умру... теперь я умру...

Мальчикъ мелко дрожалъ, босой, раздѣтый, въ одной рубашкѣ. Уговаривалъ.

— Ну чего ты кричишь? Вотъ человекъ... Ты раздѣвайся, дай я помогу.

Все плакалъ:

— Это такъ гадко, такъ гадко, такъ больно, Володя, Володя...

Домъ былъ старый деревянный, въ одинъ этажъ, съ полуподваломъ и мезониномъ. Казалось, съ него сошла вся краска, такой онъ былъ сѣрый. Сошла краска и съ желѣза вывѣски мелочной лавочки, которая занимала самое видное мѣсто внизу дома.

Дверь наверхъ была на визгливомъ блокѣ, и сначала входящій попадалъ въ сѣрый туманъ раскрытой прачешной, и только черезъ этотъ туманъ пробирался къ маленькой лѣстницѣ, которая вела въ мезонинъ. Въ самой большой комнатѣ мезонина, въ три окна въ переулочекъ, и жили мальчики.

Домъ стоялъ въ довольно центральномъ мѣстѣ; минуты двѣ ходьбы, и переулочекъ выходилъ на одинъ изъ самыхъ шумныхъ городскихъ бульваровъ, и даже одинъ голубой фонарь вечерами былъ видѣнъ изъ комнаты черезъ незанавѣшенныя окна.

Каждый вечеръ въ семь часовъ заходилъ Симитницкій, высокій, бѣлокурый, еще выше и блѣднѣе отъ штатскаго пальто и котелка. Тогда мальчики начинали собираться. Иногда собирались долго, тянули...

Симитницкій скачалъ: „что же, сегодня?.. на скамеечку!“...

Черный лѣнивый Патька отвѣчалъ ругательствомъ длиннымъ и грубымъ. Валялся на постели, мялъ подушку.

— Ты не идешь, Патька?

— Славка со злобой хлопалъ дверью. Тушили лампу. Но Патька останавливалъ ихъ бранью, въ темнотѣ искалъ свою куртку, воротнички, папиросы, трость. Зажигали свѣчку. Большія изогнутыя тѣни трепетали въ комнатѣ, перегибались на полу. Симитницкій сидѣлъ у стола, задумывался, тихонько пѣлъ:

„Я не скажу, ты не поймешь“.

Володя, маленькій, покорно готовый идти со всѣми, ждалъ, держась за ручку двери.

Комнату мальчики прозвали „потолокъ“, ненавидѣли и не щадили ее. Плевали всюду, ли-

ли чай на полъ, а рамы оконъ изрѣзали перочинными ножами. И терпѣла обиженная комната, высокая и пустая, съ кроватями по боковымъ стѣнамъ и длиннымъ столомъ подъ окнами. На этотъ столъ мальчики сваливали все: табакъ и хлѣбъ, принадлежности для бритья и сапожныя щетки, учебники и книжки уличной литературы.

Здѣсь пили чай, играли въ карты, здѣсь чертилъ Патька, а иногда, сдвинувъ чертежъ, съ увлеченіемъ и со смѣхомъ быстро рисовалъ, и рисунокъ кнопкой притыкался къ стѣнѣ.

И долго такъ висѣла дикая женская фигура, и бумажка коробилась отъ уродливости наброска и качалась, пока кто-нибудь случайно не подойдетъ и не сорветъ.

Дверь комнаты выводила не сразу на лѣстницу. Сначала было что-то вродѣ корридорчика, куда выходила еще одна дверь. Дверь изъ очень маленькой комнаты, съ неровнымъ срѣзаннымъ потолкомъ и маленькимъ окномъ. Комната, гдѣ умѣщалась только кровать. Былъ въ ней и жилецъ. Мальчики мало интересовались жизнью и личностью своего столь близкаго сосѣда. Никто изъ нихъ не зналъ даже его имени.

Они звали его Рыжій, и не отвѣчали, если онъ начиналъ имъ кланяться.

II.

Зачѣмъ онъ жилъ здѣсь? Зналъ ли онъ? О чемъ онъ думалъ и тамъ у себя въ „комнатѣ“, и вотъ такъ, когда часами просиживалъ на лавочкахъ бульваровъ, когда останавливался на набережной, когда безъ цѣли уходилъ въ темныя закоулки окраинъ?.. Онъ зналъ только, что здѣсь онъ былъ одинъ, какъ никто, какъ никогда еще въ жизни.

Почему-то любилъ утренніе часы на бульварахъ, когда какая-то свѣжесть ложится на деревьяхъ, на скамейкахъ, на лицахъ прохожихъ, торопливо спѣшащихъ. Ночь стекала въ темныя канавки, и его мозгъ прояснялся, и отъ этого было еще тяжелѣе.

Приходили какія-то воспоминанія, безъ причины, безъ связи, точно кусочки быстро показанной и спрятанной картинки... Англійскій садъ, желтый песокъ дорожки и бѣлый зонтикъ дѣвушки, спѣшащей къ пароходу... Рѣшетка пансіона на Avenue du Mai и мальчики, играющіе въ футболъ на ярко-зеленой площадкѣ... А эти груды моркови, ярко-красныя пятна въ телѣжкахъ торговки! Онъ вздрагивалъ, когда вспоминалъ Парижъ... Годъ, потомъ второй, потомъ третій... Регушеръ, натурщикъ, чистильщикъ сапогъ, а потомъ го-

лодь, голодь, голодь... мытье стеколъ, служба въ самыхъ нечистыхъ кабакахъ.

О, какъ онъ цѣплялся за жизнь. Какими расширенными, жадными глазами онъ слѣдилъ за движеніями врача... тогда... онъ помнить... „Истощеніе“, „молоко“... Онъ кипятилъ его на спиртовкѣ, въ голубой, да, да, въ свѣтло-голубой фаянсовой кружкѣ, взятой у сосѣдки по комнатѣ, и кружка лопнула, и капли разлитого молока обожгли ему руки. Тогда онъ заплакалъ, въ первый разъ въ жизни, беспомощно, какъ мальчикъ, и сквозь рыданія, онъ повторялъ: „домой, я хочу домой“...

Родина! Почему онъ никогда не могъ позавидовать ей?.. Городъ родной!.. Его „отчий домъ“... Его скупая, одинокая мечта. Вѣдь по утрамъ, днемъ, и ночами, и голодными ярко-освѣщенными вечерами, всегда, всегда онъ видѣлъ ее, она приходила къ нему, вотъ этими узкими улицами съ пестрыми веселыми пятнами, съ бѣлыми и розовыми колокольнями. Онъ галюцинировалъ. Онъ ошупывалъ выступы любимыхъ, родныхъ домовъ. Онъ чувствовалъ запахъ пыли, поднимаемой метлами дворниковъ, онъ завидовалъ грязнымъ старымъ нищенкамъ, слезливо дрожащимъ въ темныхъ церковныхъ притворахъ...

„О, Амстердамъ, Амстердамъ, когда же я снова буду въ Амстердамъ“...

Сидѣлъ, курилъ. Густая тѣнь закрывала скамейку. По крайней дорожкѣ, за рѣшеткой проходили люди. Дальше городскими шумами шевелилась площадь, розоватая отъ яркихъ огней.

Двумя красными точками наплывали скреживающіеся трамваи.

Прямо напротивъ фонари надъ подѣздами: Бани. Мужскія. Семейныя. 20 коп. 40 коп. Подѣзжали извозчики... отѣзжали, медленно кружа пролетку. Блеклымъ пятномъ горѣлъ газъ надъ темными полукругами бокового писсуара. Одну фигуру замѣтилъ рѣзче другихъ. Стоялъ давно. Чернѣлъ котелокъ. Обвисъ колоколь пальто, и трость чертила песокъ... Съ тротуара черезъ боковую аллею въ турникетъ рѣшетки входилъ подростокъ... Пошли двое. Котелокъ склонился къ фуражкѣ съ тоненькимъ зеленымъ кантомъ.

Усмѣхнулся:

— Парижскій жанръ!—Вдругъ судорога сжала горло, кровь прихлынула къ лицу. Прорвалось фразой рѣзкой, почти крикомъ.

— Эй вы! Послушайте, а не хотите позову городского...

Проходившій повернулся испуганно-удивленный.

— Здѣсь пьяный... Сумасшедшій.

— А вотъ дамъ по мордѣ, негсдай...

Въ глазахъ плыли фонари. Сейчасъ вырвется рыданіе. Руки дрожали. Господинъ поспѣшно сходилъ съ бульвара.

Всталъ. Медленно, медленно пошелъ въ другую сторону. Слабость прилипла къ сердцу. —Какое мнѣ дѣло, какое мнѣ дѣло!..

Какъ ни считали деньги, на одинъ билетъ не хватало.

— Патька, займи у Шлыкова, вотъ онъ пошелъ.

— А ну его къ черту...

— Я не пойду,—попросилъ Володя.

Въ ярко освѣщенномъ входѣ за рѣшетками висѣли афиши. По двѣ съ обѣихъ сторонъ. Крупными черными буквами стояло: Вторая я мать... Танго... Танго...

— Я не пойду, мнѣ не хочется,—попросилъ Володя.

Женщины входили съ горжетками, закинутыми на спину. Съ большими плюшевыми ушами шапочекъ, съ лисьими ярко-желтыми накидками воротниковъ.

Съ лѣстницы Славка перегнулся къ Симитничкому.

— Такъ ты навѣрное знаешь, что Нинка здѣсь? Будетъ очень глупо...

Онъ не замѣчалъ, что его разсматриваютъ безцеремонно, въ упоръ.

— Этотъ мальчикъ, вотъ тотъ, что нагнулся, хорошъ, какъ божокъ!

— Какой изумительный профиль!..

Впереди сидѣли три дѣвицы въ плюшевыхъ шапочкахъ съ торчками, съ сѣрымъ пушистымъ мѣхомъ на воротникахъ шубокъ.

Патька сильно дулъ, и на мѣху выдувались мягкія ямочки.

Когда на экранѣ появлялись буквы, дѣвицы читали медленно вслухъ, а мальчики имъ помогали и подсказывали.

„Дорогой Жакъ, я хорошо устроилась. За мной ухаживаетъ баронъ S. и, кажется, скоро состоится наше бракосочетаніе. Не могу ли я тебѣ чѣмъ нибудь помочь? Твоя Жульета“.

— Марусенька, а вамъ нравятся реалисты? Славка положилъ локти на спинку кресла. Барышня повернулась съ изумленіемъ.

— Что вы на меня такъ смотрите? Вѣдь, правда, вы меня любите, а я васъ.

— Дуракъ!

— Хотъ дуракъ, да хорошенькій!

Дѣвицы смѣялись, пряча лица въ муфты.

Увидѣлъ, что зашелъ уже на Царицынскую

площадь. Ноги болѣли отъ усталости, но не хотѣлось ни останавливаться, ни возвращаться назадъ. Пошелъ къ Новодѣвичьему монастырю. Шелъ быстро, точно убѣгалъ отъ чего-то. А подступающій кошмаръ шелъ неотвязно, настойчиво и неизмѣнно овладѣвая имъ.

Все это та глупая исторія. Блюститель нравовъ!! Кому нужна была его выходка? Только разбилъ себя. Умерла воля. Уже не было силъ оторвать отъ сердца прилипшей боли, скорби и тяжести...

Спустился около монастырской стѣны, около старыхъ, свисшихъ ветель, пошелъ около пруда. Могъ идти не глядя, зналъ такъ хорошо дорогу. Еще когда былъ мальчикомъ, учился въ художественной школѣ, приходилъ сюда съ ящичкомъ, карандашами.

Любилъ вечернія краски, Москву-рѣку съ отраженнымъ въ ней мѣсяцемъ, мягкія груди Воробьевыхъ горъ. Въ испачканной ситцевой рубашкѣ взбирался вотъ на эту насыпь, а потомъ кубаремъ скатывался внизъ...

Пошелъ по желѣзнодорожному мосту. Страшно было смотрѣть черезъ сквозную настилку. Казалось все разсыпается, скользитъ...

„Миръ кончился, миръ разокончился“—повторялъ чьи то нелѣпые стихи. Сошелъ внизъ подъ арки. Узкая галлерейка шла вокругъ каменнаго быка. Повисъ на перилахъ жалкой темной фигуркой. Внизу темнымъ зеркаломъ ничего не отражала вода.

Собралъ всѣ силы и крикнулъ.—Красота!.. —асота... сота... та... та... а...

Восемь разъ повторило эхо подъ арками. Слушаль. Никого не боялся, никого не стѣснялся, и изъ глазъ вытекали скупыя, маленькія слезы.

Началось съ того дня, какъ перемѣнили послѣднюю комнату, перебрался въ Филипповскій переулокъ. Онъ подымался по лѣстницѣ, а сверху сорвался на него мальчикъ безъ курточки, съ красными полосами помочей на бѣлой сорочкѣ, съ открытой шеей, съ курчавой головой, стукнулся прямо о грудь, проскользнулъ подъ руку и исчезъ внизу.

Съ тѣхъ поръ каждый день, каждый день... Сколько хитрости, выдуманныхъ, тщательно рассчитанныхъ, нечаянностей... уличныя поджиданія... все для того, чтобы увидѣть, чтобы только взглянуть и быстро пройти мимо. Онъ выучилъ лицо наизусть, и, иногда, карандашомъ или углемъ, на память, зарисовывалъ его на картонъ, зарисовывалъ въ полуоборотъ, съ нервной гримасой тонкихъ губъ, съ расширеннымъ злымъ глазомъ. Зарисовывалъ тонкій овалъ, съ глазами, уставившимися, грустными, со стянутыми нитками бровей, съ кудрями Амура

Кановы. Безъ конца рисовалъ профиль, упрямый лобъ, чистыя линіи носа, мягкія очертанія рта. И въ минуты просвѣтленія уничтожалъ рисунки безъ жалости, съ ужасомъ и тоской...

Внизу вода разливалась широко, сливалась съ ночью, и, казалось, водная гладь начинается здѣсь какое то южное темное море.

Тамъ въ черной темнотѣ висѣли огоньки Москвы. Впившись въ нихъ, смотрѣлъ, точно хотѣлъ что то увидѣть въ послѣдній, необходимый разъ...

„Дни мои—пѣсни мои. Пѣсни—это глаза ваши. Пѣсни—это длинныя рѣсницы ваши. Пѣсни—это тонкій, нѣжный овалъ вашего необыкновеннаго лица. Пѣсни—это кисти вашихъ дѣтскихъ рукъ и вся тонкая нѣжность вашего угадываемаго тѣла. Вы проходите мимо меня—всегда мимо, всегда такой недоступимо чужой. Но каждый разъ, какъ только вы приближаетесь, я стою блѣдный, потому что вы мой ужасъ...

Я бы хотѣлъ, чтобы въ минуты горя, болѣзни, въ минуты одинокой скорби, которая, вѣдь, бываетъ у каждаго человѣка, вы могли бы быть близки ко мнѣ.

Мой мальчикъ, мой мальчикъ, о какъ болятъ мои руки о томъ, что никогда не положишь на нихъ ты свою кудрявую голову“.

Огни тамъ далеко, такіе неподвижные, стали сливаться, двигаться. Они зажглись въ яркіе пристальные глаза, и все ширились, росли...

Выступало лицо, струилось... горящее лицо на черномъ плакатѣ тьмы...

III.

Шелъ дождь. Мокрыми чернѣли пятнами проносимые зонты. Внизу изъ лавки вышла женщина. Куталась въ платокъ, подбирала юбку, показывая башмакъ и высоко открывая красный чулокъ. Между камней мостовой текли лужи, и пустой извозчикъ разбивалъ ихъ качающейся пролеткой, съ поднятымъ блестящимъ верхомъ.

Прижавъ голову къ колѣнямъ, Славка согнулся въ окнѣ.

Губы зло подергивались, глаза смотрѣли на мокрая пятна улицы. Переругивался съ Патькой.

Патька на кровати лежалъ на животѣ, подсунувъ подъ себя подушку. Старался плевками попасть въ ножку стола, пѣлъ:

„Ахъ, какъ пріятно вмѣстѣ кушать макарони,
Ахъ, ма-ка-ро-ни, ахъ, ма-ка-ро-ни...“

— А ну помолчи. Вѣдь, кажется, лучше стало.

— Не остроумно, а осломно.

— Ты уменъ. Хочешь выть— иди на Арбатъ въ свою кухмистерскую, тамъ бы тебѣ весело было... съ кухарками... Тоже любовь!

— Ты то?! Подумаешь... Невинность!

— Я невинность свою, ты знаешь, когда потерялъ. Придумай что нибудь поновѣе.

— Сиди ты, франтъ малосольный.

Сумерки ползли въ комнату, пыльнымъ тѣломъ прилипали къ угламъ, къ стѣнамъ, тянулись къ потолку, сѣрыми нитками закатывали мальчиковъ. Струйки воды бѣжали по стекламъ, барабанили въ листовое желѣзо...

— Если Володька не принесетъ денегъ... Ты спишь, Патька? Какъ мы пойдемъ, если Володька не принесетъ денегъ?

— Такъ придумай!

— Къ Симитничкому нечего и ходить. Онъ самъ просилъ, заходилъ сегодня. Нагрѣмъ Димопуло. Что? Ему отецъ присылаетъ по 30 рублей на карманные расходы. Куда они ему?

— Такъ это ты его растормоши. Онъ къ тебѣ благовольтъ.

— Лежить и вретъ.

— Правда, Славка. У тебя ужъ такая рожа смазливая.

— Дуракъ! Что я, баба?

Мальчикъ гнется еще ниже. Подбородокъ прижалъ къ ногамъ, тѣсно охваченнымъ руками. Свѣтъ фонаря снизу положилъ надъ нимъ по окну уродливую сломанную тѣнь.

Молчить черная комната...

— Выгнать тебя, Славка, скоро изъ реалки.

— Не ты плакать будешь.

— Дуракъ ты...

— Не твое дѣло.

— Улицы пойдешь подметать. Осель. Вѣдь ничего не дѣлаешь.

Молчить, не отвѣчаетъ...

— Знаешь, Патька, я себя убью.

— Всѣ такъ говорятъ. А ты— трусь. Ты струсишь.

— Нѣтъ, не струшу. Ты читалъ, ученикъ

*Видно, Дуракъ ходитъ... Стрѣла въ кекелъ—та черная...
А ты... Вотъ дуракъ... такъ...
Видно, кекелъ и тѣло... у кекелъ...*

П. А. Федотовъ.

Наводитъ справки у дворника.

Алексѣевского училища бросился съ колокольни Ивана-Великаго?

— Теперь, братъ, туда больше не пускаютъ.

— Ну что-жъ! Непремѣнно Иванъ Великій? Вѣдь если броситься отсюда изъ окна—можно умереть.

— Сломаешь ногу.

— А если вискомъ о камень?..

— Патька, пускай только Володька придетъ безъ денегъ, пойду къ Димопуло. Напьюсь я у него!

— Хорошее дѣло.

— Конечно хорошее! Знаешь, когда пьешь, хорошо то, что перестаешь себя чувствовать. Скучно какъ-то все, противно, а напьешься—станетъ весело, хочется пѣть, цѣловаться.

Дверь внизу сильно хлопаетъ. По шагамъ мальчики знаютъ, что это Володя.

Онъ входитъ задыхающийся и мокрый. И пальцы не слушаются, когда изъ маленькаго замшеваго кошелька, которые обыкновенно, дѣтямъ да-

рять на елку, онъ вынимаетъ ровненько сложенную бумажку.

„Ахъ, какъ приятно вмѣстѣ кушать макарони,
„Ахъ, мака-рони, ахъ, мака-рони!.

IV.

Славка больше недѣли не ходитъ въ реальное.

Весь день лежитъ, на ночь уходитъ.

Щеки поблѣднѣли, глаза запали, обвело ихъ пепельно-синими ободками, губы припухли и потрескались. Похудѣли, вытянулись руки... Лежать скучно... Хочется спрятаться въ подушку и громко плакать.

Если изъ реального выгонять, отецъ написалъ, что возьметъ домой, а онъ дома жить не будетъ. Лучше отравиться.

Часто Славка мечтаетъ, если бы были деньги. Счастливый въ жизни тотъ, у кого есть деньги! Вотъ бы быть богатымъ, какъ Димопуло! Не нужно бы было учиться. Сшилъ бы себѣ хорошей костюмъ. Поѣхалъ бы на Кавказъ. Квартиру бы снималъ шикарную, въ центрѣ. Еще Славкѣ хочется мечтать объ автомобилѣ, но онъ боится, кажется, что это ужъ очень шикарно, все-таки стыдно, вѣдь онъ еще маленький. Но вообще то онъ не про сейчасъ думаетъ, а какъ онъ будетъ жить, когда вырастетъ, про всю жизнь...

Въ дверь стучать. Дверь открываетъ Рыжій.

— Не входите, нельзя ко мнѣ, я боленъ.

— Вотъ потому то, что вы больны, мнѣ и нужно вамъ сказать...

— Что такое? Говорите скорѣе, и уходите.

— Вамъ неприятно меня видѣть?

— Очень неприятно!

— Можно мнѣ сѣсть?

— Да ну говорите же, что вамъ нужно здѣсь?..

— Я хочу сѣсть, потому что буду говорить вамъ долго.

Мальчикъ завозился на постели, повернулся къ обоямъ, пальцемъ сталъ обводить коричневый цвѣтокъ.

— Я живу такъ близко около васъ, что не могу не быть невольнымъ наблюдателемъ вашей жизни. Я не знаю, какъ это случилось, и какъ это возможно, что васъ троихъ мальчиковъ бросили однихъ въ этотъ городъ, что вамъ позволили, что вамъ позволяютъ такъ жить. Я знаю, другой на моемъ мѣстѣ не съ вами бы сталъ разговаривать, а обратился бы къ вашимъ роднымъ...

Мальчикъ повернулся, сѣлъ на постели, смотрѣлъ на него съ выжидательной злобой, казалось, ждалъ какого-то слова.

Рыжій спутался.

— Не то, нѣтъ, не то. Вы не поймете меня, не понимаете. Я не врагъ вашъ, не шпионъ, не доносчикъ,—онъ хрустнулъ руками,—ахъ, если бы вы поняли. Вѣдь я хочу вамъ только добра...

Онъ былъ блѣдный. Онъ постригся, выбрился. Не было рыжихъ ключевъ на подбородкѣ. Но бритва не помолодила его. Наоборотъ открытая складка у рта уродовали его еще больше...

— Вы два дня приходите на разсвѣтѣ. Я прихожу въ это же время. Я васъ видѣлъ.

Мальчикъ вскочилъ.

— Вы что, мой отецъ?

Поднялъ руку, точно загоразиваясь:—Успокойтесь, я развѣ прошу у васъ отчета? Я хочу, хочу вамъ помочь, хочу вамъ сказать...

Теперь онъ почти кричалъ, а мальчикъ испуганно отодвигался къ стѣнѣ.

— Вы меня боитесь? Не бойтесь. Это пройдетъ, и я успокоюсь. Только слушайте, слушайте, вѣдь я старше васъ, на много старше. Я знаю, что такое жизнь. Я много пережилъ, перестрадалъ. Вѣдь я опытнѣе васъ, да? Вѣдь я могу дать вамъ хорошей совѣтъ? Слушайте, вы губите себя. При такой жизни, какую вы начали вести, васъ не надолго хватитъ. Посмотрите на свои глаза... а ваши щеки? Развѣ вамъ не страшно это?

Замолчалъ. Сидѣлъ мертвенно блѣдный.

— Вы не смѣете быть такимъ, понимаете, не смѣете!! Это вотъ я,—могу! Я, уродъ!! Васъ природа выдѣлила. Васъ природа одарила такимъ богатствомъ, которое вы не смѣете расточить... Вы понимаете, кто вы? Вы—красота! это—все, это—лучшій Божій даръ. Пусть люди совершаютъ преступленіе за преступленіемъ, идутъ отъ ужаса къ ужасу. Неисчислимыя страданія, войны, кровь, угнетеніе большинства, несправедливость, вопіющая безмѣрная несправедливость, но если это цѣна красоты... Да что, да можно ли говорить о цѣнѣ...

— Послушайте, у васъ, можетъ быть, есть папиросы?

— ??

— Вы, можетъ быть, сходите, купите? Очень хочется курить. Деньги у товарищей. У меня здѣсь нѣтъ. Пожалуйста... А деньги я отдамъ вамъ вечеромъ...

Рыжій собиралъ свое имущество. „Хабурь-чабурь“, какъ говорили въ тюрьмѣ. Единственно, кажется, что еще не забылъ изъ того жаргона. Собирать пришлось немного.

Такимъ, какъ онъ, полагается имѣть книги, у него не было и этого. Маленькій томикъ разрозненнаго, растрепаннаго Гейне.

„О Амстердамъ, Амстердамъ, когда же я снова буду въ Амстердамъ“...

Раскрылъ. Вынулъ изъ книжки заложенную въ ней открытку.

Купилъ тамъ—въ Парижѣ, дорогую карточку, Венеру Милосскую. Любилъ ее очень, все время берегъ. Не любилъ боковыхъ снимковъ. А вотъ такъ, какъ здѣсь. Прямо смотрѣла незрячими глазами дивная, божественная красота.

Всталъ на колѣни. Поцѣловалъ край картона. Потомъ взялъ перо, ручку, чернила. Писалъ: „Это все я. Я уѣзжаю, можетъ быть, совсѣмъ изъ жизни, все равно, съ вами я прощаюсь. Я хочу вамъ передать то, что у меня есть самого дорогого. О, если бы вы могли понять, какая сила въ жизни Красота...“

Было утро. Уже свѣтало, но когда проходилъ мимо двери мальчиковъ, у нихъ было тихо. Мальчики еще спали.

Симитницкій запѣвалъ, а остальные подхватывали.

„Пойдемъ,
Пойдемъ, Дуня,
Пойдемъ,
Пойдемъ, Дуня,
Пойдемъ, Дуня, во лѣсокъ, во лѣсокъ“...

Было оживленно и шумно. Столъ выдвинули! На немъ кипѣлъ самоваръ. Горѣла лампа. Володя рѣзалъ хлѣбъ и колбасу. Четыре откупоренныхъ бутылки пива стояли на столѣ, остальные въ углу у Славкиной кровати.

На свободномъ концѣ стола, Славка, Патька, Димопуло и Шлыковъ играли въ карты.

„Сорвемъ,
Сорвемъ, Дуня,
Сорвемъ,
Сорвемъ, Дуня,
Сорвемъ, Дуня, лопушокъ, лопушокъ“.

Славка проигрывалъ. Въ разстегнутой курточкѣ, со спутанными растрепанными кудрями, стоялъ онъ, блѣдный и злой. Димопуло, куря папиросу за папиросой, сквозь сизый дымъ смотрѣлъ на него пристально, не отрываясь.

Снизу въ дверь просунулась дѣвочка.

— Вамъ письмо.

Симитницкій взялъ.

— Это, Славка, тебѣ, да еще съ голой бабой.

— А ну, дай,—попросилъ Патька.

— Не хватай, пусть хозяинъ прочтетъ...

Славка, держи!

„Это все я. Я уѣзжаю, можетъ быть, совсѣмъ изъ жизни, все равно, съ вами я прощаюсь. Я хочу вамъ передать то, что у меня есть самого дорогого. О, если бы вы могли понять, какая сила въ жизни Красота. Если ваша жизнь будетъ неудачной, несчастной, только одна Красота облагородитъ ваши страданія. Полюбите Красоту, ищите ее, берегите ее. Послушайте, послушайте меня, не губите, берегите себя“.

— А она интересная?—нагнулся Шлыковъ.

— Кто она?

— Дѣвочка, которая пишетъ.

— Это не дѣвочка, а дуракъ!

Шлыковъ сдалъ карты.

— Господа, господа, не зѣвайте! Славка.

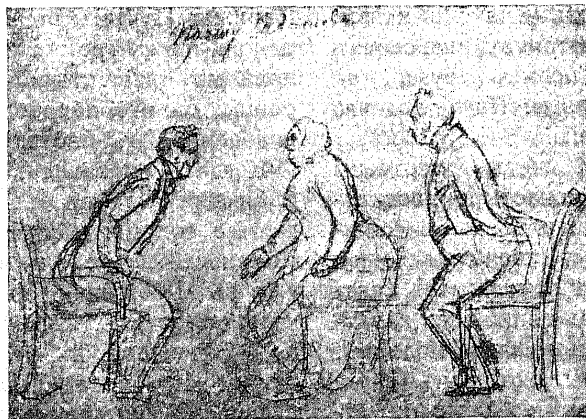
— Сейчасъ.

Славка перочиннымъ ножомъ грубо и неровно вырѣзалъ Венеру. Онъ пытался концомъ ножа приткнуть ее къ столу. Она скользила и падала...

— Э, валится! Да ну, стой же ты, Madame Красота!

А. Тришатовъ.

Москва. 1914 г. Февраль.

П. А. Федотовъ.

Какъ люди садятся.

Миніатюры.

I.

Б. Патлажанъ.

Флоренція - Парижъ.

Какъ только я очутился въ купе вагона „Флоренція-Парижъ“, я быстро размѣстилъ свой небольшой багажъ и подошелъ къ окну, чтобы бросить послѣдній прощальный взглядъ на Флоренцію.

Мнѣ было какъ то неловко и совѣстно уѣзжать, настроеніе такое, какъ-будто въ чемъ то провинился, сознательно же объяснить такое мое настроеніе я былъ не въ состояніи... Я пробылъ во Флоренціи всего три дня и все это время почти цѣликомъ проводилъ въ музеяхъ, церквахъ и монастыряхъ.

Флорентинскій музей и Флорентинская церковь въ сущности одно и то же: нѣтъ между ними той разницы настроенія и содержанія, какую мы замѣчаемъ между музеемъ и храмомъ прочихъ странъ. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что Флорентинская эпоха, какъ всякая яркая эпоха, наложила свой отпечатокъ на всѣ многообразныя проявленія жизни своего времени, или же тѣмъ, что Флорентинцы не видѣли такой рѣзкой разницы между искусствомъ и религіей, какую склонны усмотрѣть мы въ наше время... Несомнѣнно одно: родство церкви и музея произвело на меня сильное и глубокое впечатлѣніе.

Скоро поѣздъ тронулся, постепенно увеличивая скорость, и Флоренція, съ которой я такъ близко сошелся всего за три дня знакомства, осталась позади. Лишь нѣсколько колоколенъ поднялись надъ горизонтомъ, словно для того, чтобы въ свою очередь бросить прощальный взглядъ уходящему поѣзду...

Вотъ показался во всей своей красотѣ Флорентинскій пейзажъ, освѣщенный майской ночью. Онъ всматривался въ окна вагоновъ, ища своихъ поклонниковъ, старыхъ и новыхъ друзей, на которыхъ глядѣлъ съ любовью. Но не надолго я могъ отдаться его обаянію.

Художественные образы, живые мертвецы Флорентинскихъ музеевъ и монастырей, воскресали передъ моими глазами и тѣснымъ кольцомъ окружали меня. Я совершенно забылся и не чувствовалъ, что я въ поѣздѣ, мнѣ казалось, что я прогуливаюсь въ тѣнистыхъ клуатрахъ Флоренціи. Вотъ чистыя, какъ молитвы, лица Мадоннъ. Вотъ аскеты, которымъ двухаршинныя каморки казались необъятными мірами для ихъ душевной жизни; какъ они увѣрены, спокойны, безъ тѣни сомнѣній:—ихъ

тѣло—сонъ, душа ихъ—явь; фанатики духа, кажется, невидимые лучи соединяютъ ихъ взоры съ небомъ, съ вѣчностью, съ Богомъ. Не вѣрится, что это люди земли: душа ихъ не питается земными соками, въ глазахъ ихъ свѣтится высшая, неземная мудрость. Все богатство и счастье земное не для нихъ: глаза ихъ видятъ другое богатство, душа ихъ знаетъ другое счастье... А вотъ ангелы, летающіе ангелы неподражаемыхъ Сиенскихъ мастеровъ, при видѣ которыхъ мнѣ невольно вспомнился одинъ англійскій художникъ, который въ бесѣдѣ съ Оскаромъ Уайльдомъ, сказалъ: „чѣмъ больше люди будутъ погружаться въ бездну матеріализма, тѣмъ больше я буду писать ангеловъ,—пусть они выразятъ протестъ моей души“...

Всѣ эти художественные образы, этотъ апоэозъ человѣческой души съ ея далекими горизонтами, къ которымъ теперь и не стремятся, меня зачаровалъ. И поневолю хотѣлось представить себѣ творцовъ этихъ произведеній, которыхъ реальная и плотская жизнь почти не затрагивала и не вдохновляла: духовный міръ, какъ живительный источникъ, питалъ ихъ воображеніе, тѣло для нихъ только канва, на которой выводятся красивые и величественные узоры.

И сидя въ вагонѣ, я все время находился въ плѣну этихъ настроеній. Я чувствовалъ, что душа моя обогатилась и приободрилась...

Лишь изрѣдка, когда поѣздъ останавливался, и шумъ станціи и входящихъ пассажировъ отвлекалъ меня отъ этихъ переживаній, я замѣчалъ, что нахожусь въ поѣздѣ по дорогѣ въ Парижъ. И чѣмъ больше я удалялся отъ Флоренціи, тѣмъ громче какой-то внутренней голосъ мнѣ нашептывалъ, что я покидаю Флоренцію съ награбленнымъ добромъ и везу награбленное въ плотскій, развратный Парижъ...

Когда я проснулся, свѣтало. Сумерки утра блѣднѣли и таяли отъ горячихъ взоровъ восходящаго солнца. Цѣпь знакомыхъ горъ, синее Леманское озеро,—и я понялъ, что нахожусь уже въ Швейцаріи. Высокой и худой, похожей на громоотводъ, англичанки, все время читавшей Бедеккера, въ купе уже не было—я былъ одинъ. И у меня было прекрасное утреннее настроеніе, когда чувствуешь себя спокойнымъ и счастливымъ, не зная отчего, бодримъ и энергичнымъ, не зная зачѣмъ... Эти недоступ-

няя дню и вечеру минуты, когда еще не имѣешь вопросовъ и не ищешь отвѣтовъ, когда желанія и мысль безвольны, и память объята полусномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуешь себя живымъ, увѣреннымъ и сильнымъ...

Лишь когда поѣздъ подошелъ къ станціи, и я увидѣлъ хлопотливый перронъ, спѣшащихъ пассажировъ, улыбки, цвѣты, обѣщанія, прощанія—я опять вспомнилъ, что ѣду въ Парижъ, вспомнилъ Флоренцію, и одна за другой перелистывались въ памяти страницы моего прошлаго, близкаго и далекаго. Я былъ словно разбуженъ дѣйствительностью, и начался день...

Въ мое купе вошла молодая женщина съ красивымъ и взволнованнымъ лицомъ.

— Здѣсь есть свободное мѣсто,—обратилась она ко мнѣ.

— Всѣ мѣста свободны, кромѣ моего.

Она заняла мѣсто противъ меня у окна, уложила свой багажъ и вышла.

Стоя возлѣ вагона, ужъ передъ самымъ отходомъ поѣзда, она пожала руку какому-то господину, повидимому англичанину, и я слышалъ какъ она сказала: „Въ жизни столько трагедій,

будетъ еще одна. Должно быть, жизнь такъ нуждается въ трагедіяхъ, какъ мы въ счастья“.

Поѣздъ тронулся. Она вошла въ купе и сѣла на свое мѣсто противъ меня. Лицо ея было еще взволнованнѣе и красивѣе, чѣмъ раньше, и только нежеланіе показаться ужъ слишкомъ назойливымъ остановило меня, чтобы не зарисовать ее въ свой карманный альбомъ. Въ сущности вѣдь это дико восхищаться хотя бы внѣшнимъ выраженіемъ чужого горя и волненія; получается такое впечатлѣніе, будто художники величайшіе эгоисты и самые зачерствѣлые люди: пусть отчаяніе и ужасъ, но если это достойно кисти или рѣзца—они полны восторговъ...

Совершенно незамѣтно мчавшійся экспрессъ привезъ насъ въ Парижъ.

И лишь сойдя на перронъ, я вспомнилъ, что пріѣхалъ изъ Италіи, вспомнилъ всю дорогу со всѣми настроеніями, и еще большее чувство виновности охватило меня.

Парижъ. Парижъ...

Скульпторъ Б. Патлажанъ.

Парижъ 1914 г.

II.

В. Аренсъ.

Прогулка.

Мы ѣхали въ жаркій полдень смотрѣть знаменитыя *) поля нарцисовъ. Небо было безоблачно, кругомъ зеленѣли деревья и пестрѣла трава, усѣянная яркими пятнами полевыхъ маковъ, лиловыхъ колокольчиковъ и бѣлыхъ ромашекъ, съ золотисто-желтыми серединками.

Насъ было четверо: молодая, талантливая художница, двѣ беззаботныя барышни и я, начинающій поэтъ.

Несмотря на жару, разговоръ былъ оживленный и стремился впередъ, какъ широкая витая лента нашей дороги, исчезающая вдали за поворотомъ. Я больше молчала и слушала. Въ то же время, какъ почти всегда, около моего уха носилась мелодія, едва уловимая, готовая при малѣйшемъ толчкѣ извнѣ, при всякомъ яркомъ впечатлѣніи перейти въ мѣрную музыку стиха, передающаго радость чувства.

Мы проѣзжали мимо дачъ и гостинницъ. Мой взглядъ скользилъ по причудливымъ линіямъ зданій и по клумбамъ, яркихъ и нѣжныхъ тоновъ. Вдругъ мои глаза остановились на дорожкѣ, спускавшейся къ нашему шоссе, обсаженной лиловыми ирисами.

Одинъ цвѣтокъ почему-то особенно привлекалъ мое вниманіе. Былъ-ли онъ стройнѣе дру-

гихъ, или лепестки его были нѣжнѣе и болѣе похожи на бархатъ, не знаю, но я не могла оторвать отъ него глазъ.

Мнѣ вдругъ захотѣлось его сорвать. Но не сводя съ него любующагося взгляда, я проводила его глазами до послѣдняго поворота, пока онъ не исчезъ изъ вида. Сорвать не рѣшилась, не посмѣла, и онъ остался среди другихъ ирисовъ. А на душѣ какъ-то стало неспокойно. Я жалѣла, ужасно жалѣла, что не сорвала, что не держу его въ своихъ рукахъ, не смотрю близко, близко, не люблюсь бархатомъ его лепестковъ и гаммой лиловыхъ тоновъ. Но возвращаться не стоило, тѣмъ болѣе, что обратно должны были ѣхать тою же дорогою. И я успокоилась.

Дорога шла въ гору. Вдали виднѣлась вершина Rochers de Naye, еще покрытая снѣгомъ. По обѣимъ сторонамъ шоссе тянулись лѣса. Миловидные шалѣ лѣпились къ темно бронзовымъ скаламъ. Позвякивали колокольчики коровъ, пасущихся на сочной травѣ. Горные ручьи серебристыми звеньями унизывали камни. Еще поворотъ дороги и... передъ нами раскинулись бѣлоснѣжныя поля нарцисовъ. Бѣлыя, словно точенныя, звѣздочки, съ нѣжно атласными лепестками и опьяняющимъ запахомъ, они покрывали цѣлые склоны и, каза-

*) Во французской Швейцаріи мѣстечко „Les Avants“.

лось, что чистый снѣгъ выпалъ крупными, нѣжными хлопьями, не успѣвъ растаять подъ этимъ ослѣпительно яркимъ солнцемъ. На серебристомъ стеблѣ, съ такими же листьями, стройно стояли цвѣты и чуть-чуть шевелились, когда какая-нибудь жадная человѣческая рука рвала ихъ горстями.

Мы вошли въ эти поля, и я только помню, что неумоимо срывала цвѣтокъ за цвѣткомъ, складывая ихъ въ огромный снопокъ къ ногамъ художницы, усѣвшейся писать этюды.

Голова кружилась отъ аромата, руки уже устали срывать хрупкіе стебли, но мнѣ все было мало, я не могла остановиться. Это была такая гипнотизирующая красота, что хотѣлось хоть часть безбрежнаго поля перенести въ свою комнату.

Совсѣмъ обезсилѣвъ, я наконецъ опустила у ногъ художницы и стала смотрѣть кругомъ, чтобы сильнѣе запечатлѣть эту бѣлоснѣжную ширь.

Бросивъ эскизы, художница перебирала большой букетъ.

Одна изъ спутницъ все еще рвала цвѣты, а другая легла въ травѣ и смотрѣла на нарцисы, только вдыхая ихъ запахъ, но не срывая. Быть можетъ она была самая мудрая, или только безстрастная?

Утомленные, поднялись мы и пошли къ маленькой фермѣ, чтобы на открытой террасѣ выпить чашку кофе.

Какъ то внезапно картина перемѣнилась. Солнца уже не было видно; небо, какъ пологомъ задернулось хмурыми грозowymi тучами; воздухъ былъ наэлектризованъ... Нарцисы пахли сильнѣе...

Было какъ-то жутко отъ надвинувшейся грозы, которая раздражается всегда особенно бурно въ горахъ. Однако рѣшили ѣхать, чтобы встрѣтить ее въ пути.

Мы сѣли въ открытое ландо и положили на колѣни огромные снопы нарцисовъ. На душѣ уже не было такъ весело и беззаботно, какъ въ началѣ прогулки. Бесѣда не клеилась. Лица стали задумчивѣе, глубже и ярче горѣли глаза, а легкая истома отъ пережитата экстаза мѣшала говорить и двигаться.

Тучи, тяжелыя, лохматыя, ползли и все больше закрывали небо. Только впереди оставался еще просвѣтъ, точно общающій спокойствіе и тишину послѣ хаоса грозы. Движеніе и легкое покачиваніе коляски убаюкивало меня, и точно носилось передъ глазами все видѣнное.

П. А. Федотовъ. „Все сидѣль-съ“!..

Быстро спускались мы по дорогѣ. Уже снова показались гостиницы и дачи, съ ихъ садами. Вотъ клумбы розъ, вотъ поля кирпичнаго мака, а вотъ и дорожка, обсаженная ирисами. Сердце сжалось, глаза впились въ эту полоску лиловыхъ стройныхъ цвѣтовъ... Вотъ и онъ, тотъ самый, отъ котораго я не могла оторвать глазъ... Но почему онъ нагнулся?

Мы подѣхали ближе, и я чуть не вскрикнула... Мой ирисъ, эта прелестная лиловая бархатная головка, съ верхними лепестками, похожими на крылья мотылька, былъ сломанъ, и висѣлъ на своемъ стеблѣ, едва держась за какую-то невидимую частицу зеленаго покрова. Прелестный попрежнему, но осужденный на неминуемую гибель...

Я опять не могла оторвать отъ него глазъ, и попрежнему, точно прикованная, не посмѣла встать и взять его себѣ. Почему?! Не знаю. Только глубокая грусть закралась въ мое сердце, и до самага дома я не могла забытья.

Что же случилось съ граціознымъ лиловымъ ирисомъ? Неужели сила желанія была такъ велика, что сломила его?

Я никогда этого не забуду.

А вечеромъ, засыпая, мнѣ мерещились всюду нарцисы и легкой вѣтерокъ доносилъ изъ открытой двери балкона запахъ бѣлыхъ сорванныхъ цвѣтовъ...

В. Аренсъ.

Предѣлъ видѣній.

Разсказъ А. М. Баррэдъ.

Около разрушенной снарядами батареи лежало нѣсколько артиллеристовъ. Девять изъ нихъ были мертвы. Даррель, младшій офицеръ, былъ еще живъ. Наступившая ночь заставила замолчать орудія, и санитары уже начали свою работу, но Даррель еще не былъ открытъ.

Уже много часовъ лежалъ онъ такъ. Онъ не имѣлъ понятія о томъ, куда онъ раненъ, и чувствовалъ только жестокия мученія отъ движенія и еще худшія—отъ лежанія покойно. Бредъ охватилъ его уже давно и спасъ отъ размысленій.

Въ рѣдкія минуты сознанія, онъ нетерпѣливо ждалъ смерти, подобно измученному путешественнику, жаждущему увидѣть огни жилья.

Это былъ кошмарный день, и ночь не принесла облегченія. Вначалѣ стрѣльба заглушала стоны раненыхъ, теперь же отовсюду слышались ихъ голоса, какъ громкій протестъ противъ безумія и жестокости людей.

Даррель заставилъ себя хранить молчаніе: раненыхъ офицеровъ просили дѣлать какъ можно меньше шума. Онъ лежалъ неподвижно, не имѣя ни силы, ни желанія двигаться. Влѣво отъ него былъ лѣсокъ, въ которомъ перекликались совы. Эти звуки, тихіе, настойчивые и заунывные, пробудили въ немъ смутное сознаніе. Онъ часто слышалъ ихъ раньше. Въ Англіи, много лѣтъ тому назадъ, маленькій мальчикъ часто лежалъ безъ сна въ своей дѣтской, прислушиваясь къ голосамъ совъ, кричащихъ въ лѣсу, позади сада.

На мигъ Даррель очутился опять въ этой комнатѣ, смотрящій на синее небо, обрамленное окномъ и легко затянутое занавѣской.

Онъ снова видѣлъ Доббина, своего деревяннаго коня, и сложенные коробки, въ которыхъ мирно спали его оловянные солдатики.

Но онъ сознавалъ, что этотъ маленький мальчикъ и онъ были далеки другъ отъ друга: долгіе годы жизни отдѣляли ихъ; онъ чувствовалъ влажную землю подъ своей ладонью...

Неподвижная звѣзда, выглянувшая между облаками, казалась окомъ Божиимъ, посылавшимъ ему миръ и успокоеніе. Боль мало по малу покинула его, и свыше словно сошло благословенное забытье... Онъ сидѣлъ на конѣ и проѣзжалъ по разукрашеннымъ флагами улицамъ Лондона, вмѣстѣ со своимъ полкомъ, а съ тротуаровъ и изъ оконъ домовъ неслись восторженные крики толпы.

Когда сцена внезапно измѣнилась, онъ не

удивился, а принялъ это какъ должное, со спокойствіемъ чловѣка, видящаго сонъ.

Онъ былъ моложе, и было прелестное весеннее утро. Еще не видя фруктовыхъ деревьевъ, покрытыхъ бѣло-розовыми цвѣтами, и нѣжно зеленыхъ изгородей, онъ уже чувствовалъ, что была весна.

Онъ зналъ дорогу, какъ чловѣкъ знаетъ лицо своей матери. Слѣва изгородь окаймляла длинный, узкій фруктовый садъ. Изнутри изгородь эта была защищена колючей проволокой, потому что мальчики наносили страшный уронъ вишнямъ стараго фермера Мартина. Изгородь примыкала къ высокой красной стѣнѣ, между кирпичами которой пробивался мохъ. Даррель зналъ, что сейчасъ пройдетъ мимо большихъ, окованныхъ желѣзомъ, воротъ, съ нависшимъ надъ дорогой фонаремъ. Онъ забылъ, кто жилъ въ большомъ домѣ, да и не дѣлалъ усилій, чтобы вспомнить, такъ какъ это совершенно его не касалось. Черезъ полъ-мили дорога сворачивала въ красивую долину, гдѣ, прислонившись къ церкви, стоялъ уютный домикъ викарія. Всѣ мысли его были сосредоточены около этого домика, потому что тамъ жила Мэвисъ.

Онъ забылъ, что Мэвисъ выросла и обращалась съ нимъ все холоднѣе и холоднѣе, что маленькая дѣвочка, любившая мальчика, превратилась въ молодую дѣвушку, которая едва терпѣла мужчину. Иногда онъ думалъ, что она скрываетъ свою старую любовь къ нему, но у него не доставало храбрости спросить ее объ этомъ.

Однажды, когда старый домикъ былъ еще тише, чѣмъ обыкновенно, и шторы были спущены, онъ поцѣловалъ Мэвисъ въ первый разъ со времени дѣтства. Лицо ея было холодно и блѣдно, и его слезы увлажнили его... Потомъ ее унесли и спрятали глубоко подъ землей... Но Даррель забылъ все это. Сонъ его былъ очень милостивъ...

Наконецъ, онъ стоялъ передъ домикомъ викарія, и старая служанка Марта, такая смѣшная въ своемъ маленькомъ чепчикѣ, сидящемъ всегда удивительно прямо на ея сѣдой головѣ, стояла передъ нимъ въ дверяхъ. Глядя мимо нея, онъ могъ видѣть картину „Ессе Ното“, висящую надъ лѣстницей, оленьи рога надъ дверью въ столовую, знакомыя шляпы на вѣшалкѣ. Одна изъ лѣтнихъ шляпъ Мэвисъ висѣла тамъ—шляпа, отдѣланная вишнями.

Нѣтъ, миссъ Мэвисъ не было дома, но онъ долженъ былъ знать, гдѣ найти ее.

Отдѣлавшись отъ него такимъ образомъ,

старая Марта закрыла дверь. Очень странное поведеніе съ ея стороны! Что она хотѣла сказать? Онъ пошелъ назадъ, размышляя.

Онъ очутился на кладбищѣ, гдѣ могильные холмы были уже зеленые, и старые памятники торчали несуразно изъ земли.

Онъ тихонько засмѣялся. Конечно, тутъ не могло быть Мэвисъ. Но гдѣ же она?

Образъ маленькой десятилѣтней дѣвочки, играющей въ роцѣ около ручья, предсталъ предъ нимъ. Она промочила ноги и, снявъ башмаки и чулки, развѣсила ихъ на солнцѣ, не рѣшаясь идти домой съ очевиднымъ признакомъ своей шалости.

Онъ нашелъ ее тогда, и научилъ играть въ разбойники. Конечно, это случилось много лѣтъ назадъ, и онъ не могъ ожидать увидѣть ее тамъ теперъ. Но все-таки онъ направился къ роцѣ искать ее. Такъ всегда бываетъ во снѣ...

Онъ услышалъ журчаніе ручейка и, покинувъ тропинку, началъ пробираться черезъ кустарникъ, пока не вышелъ на большую поляну. Солнце сіяло, освѣщая цѣлый садъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и переливаясь бриллиантами въ бѣгущемъ ручейкѣ.

Кругомъ лѣсъ казался тихимъ и прохладнымъ.

Два маленькихъ башмачка, немилосердно промоченныхъ, и пара мокрыхъ чулочковъ лежали на пнѣ, подъ горячими лучами солнца.

Нагнувшись, чтобы поднять ихъ, онъ услышалъ свое имя и звонкій смѣхъ.

Онъ выпрямился и оглядѣлся.

— Мэвисъ, позвалъ онъ, гдѣ же ты?

Она выбѣжала къ нему изъ-за большого дерева. Онъ глядѣлъ на нее удивленно, не ожидая видѣть такого маленькаго ребенка. Онъ наклонился, и ея губки прижались къ его щекѣ.

— Я думалъ, что ты уже совѣмъ взрослая дѣвушка,—прошепталъ онъ.

Она покачала головкой, улыбаясь и откидывая назадъ свои локоны.

— О нѣтъ, нѣтъ,—сказала она,—ты думаешь о другой Мэвисъ.

Пойдемъ со мной, дорогой,—продолжала она,—пойдемъ со мной туда, гдѣ ты будешь счастливъ!..

Пальцы ребенка охватили его руку...

Видѣнія исчезли, но онъ не проснулся.

—

Человѣкъ съ фонаремъ выступилъ изъ мрака и наклонился. Не двигаясь, онъ обратился къ нѣсколькимъ санитарамъ, безшумно слѣдовавшимъ за нимъ.

— Тутъ есть еще человѣкъ двѣнадцать,—сказалъ онъ заглушеннымъ голосомъ.—Одинъ офицеръ...

Какой то тихій голосъ что то спросилъ.

Вновь прибывшій покачалъ головой.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—всѣ мертвы...

Съ англ. пер В. Нѣмчинова.

* * *

Sed tu, Catulle, destinatus obdura...

Cat.

Монахъ влюбленный, вечеръ черный,
Къ колѣнямъ города приникъ,
И въ лифтѣ грузномъ неprovорно
Уплылъ твой бѣлый воротникъ.

Уже слабѣетъ, замирая,
Многоголосыхъ улицъ гулъ
А я бесильно повторяю:
„Катуллъ, будь твердъ! Будь твердъ, Катуллъ“.

Victus.

РЮРИКЪ ИВНЕВЪ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ОБЛАЧКО НАДЪ СТЕПЬЮ.

I.

Твой душный вижу и тяжелый,
И въ то-же время нѣжный взглядъ.
Жужжать надъ головою пчелы
И птицы крыльями шуршатъ.

И эта роща будто знаетъ
Всю невозможность прежнихъ дней,
И грудь мою приподнимаетъ
Чудеснымъ шелестомъ вѣтвей.

И боль и нѣжность вспоминая,
Отъ нѣги опьянѣвъ слегка,
Слѣжу, какъ въ небѣ возникая,
Беззвучно таютъ облака.

II.

Что ни день—то новая радость
И новая горечь за ней.
Этихъ встрѣчъ ненадолго сладость
Среди душныхъ лѣтнихъ аллей!

Я молчу. Ты что нибудь скажешь,
Съ Невы вѣтеркомъ понесетъ;
Развязавшійся бантикъ завяжешь
Какъ будто случайно,—и всё.

Минуты... и гарь вокзала,
И запахъ пыльных чехловъ.
Какъ безлюдно, какъ пусто стало
Вокругъ, безъ твоихъ шаговъ.

Всю горечь разлукъ неизбежныхъ
Кому до конца понять?
О, если бы ласточкой нѣжной
Надъ Краснымъ Селомъ летать!

III.

Съ другими ѣздить, и грѣшить
Съ другими.
Въ душѣ всегда твое носить
Святое имя.

О, какъ любовь тогда легка,
Какъ чудны встрѣчи,
И дѣвственнѣе облака,
И тверже вечеръ.

Весь мѣръ и всё, что есть вокругъ,—
Слѣпая гадость,
И только ты, мой нѣжный другъ,
Изъ губъ, изъ глазъ, изъ нѣжныхъ рукъ
Даешь святую радость.

IV.

Куда дѣвались: гордость, воля,
Куда вся жизнь обращена?
Молчить, плывущая надъ полемъ,
Шарообразная луна.

Какъ больно вспомнить окрикъ дерзкій
Повелѣвающего рта,
И знать, что только это вѣско,
А остальное—пустота.

Что навсегда душой привязанъ
Къ твоей болѣзни и тоскѣ,
Къ неистовымъ твоимъ проказамъ,
Къ любимой, нѣжной, злой рукѣ.

Пересѣкаю всю Россію,
Но предо мной одно: вокзалъ,
И въ немъ горятъ твои слѣпые
И сумасшедшіе глаза.

V.

По небу облачко плыветъ,
Плыветъ и таетъ.
Душа всю горечь отдаетъ
И догараетъ.

На клумбахъ нѣжные цвѣты,
Играютъ дѣти.
Гляжу въ несвѣтлыя черты
Пустыхъ столѣтій.

По небу облачко плыветъ
Навстрѣчу крыльямъ.
Окрашенъ кровью чахлый ротъ
И горькой былою.

Изнемогающій языкъ,
Больной и нѣжный—
Непостижимое постигъ:
Покой безбрежный.

VI.

Не чистымъ, не гордымъ
Иду въ монастырь,—
Согбеннымъ, затихшимъ,
Убитымъ иду.

Господь Соляцесный,
Пойми и прости
Ужасную душу
Въ ладоняхъ зажми.

Господь убиенный,
Воскресшій Господь,
Я твой, черезъ горе,
Черезъ ложь и порокъ.

Слезой воздушной
Своей окропи
Воздушную душу
И ѣдкую кровь.

VII.

Всё отъ тебя зависитъ,
Только тебя люблю.
Черная ночь, какъ въ Тифлисѣ.
Съвера не узнаю.

Дальше идти невозможно:
Монастырь?.. или острогъ?
Мой несчастный, мой тревожный
Голосъ—ты слышишь, Богъ?

Паутинкою сердце бьется
И чернѣетъ больная кровь.
Надъ могилой моею вознесется—
Гибельная любовь.

Рюрикъ Ивневъ.

Одинокій зѣвака.

(Павель Андреевичъ Федотовъ. 1815—1852).

Его называли „русскимъ Гогартомъ“.

Но не потому, чтобъ Федотовъ по приему письма и рисунка своего, по характеру своей композиціи, словомъ, по чисто художественному облику своему проявлялъ особое сходство съ знаменитымъ английскимъ художникомъ-моралистомъ. Въ основѣ такого сопоставленія лежалъ критерій другого порядка. Оба указанные художника вносили въ произведенія свои изрядную долю тенденціи. Они не просто писали, а каждымъ произведеніемъ своимъ поучали, наставляли, выдвигая смѣшныя стороны не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ сословныхъ группъ. Вотъ въ этомъ то педагогическомъ элементѣ и усматривали современники Федотова главное достоинство его произведеній. Оттого то въ видѣ особой чести величали его „русскимъ Гогартомъ“.

Да и самъ Федотовъ такъ же смотрѣлъ на значеніе своей художественной работы. По крайней мѣрѣ, такъ именно опредѣлялъ онъ взглядъ свой. „За обѣдомъ, послѣ выставки“,—разсказываетъ личный другъ Федотова, небезызвѣстный писатель А. В. Дружининъ, *)—„Федотовъ много говорилъ о томъ, что каждое изъ его произведеній должно содѣйствовать исправленію нравовъ. Въ „Послѣдствіи пирушки“—сказалъ онъ—всякій зритель усмотритъ вредъ отъ нерасчетливой жизни, отъ дурныхъ сообщниковъ. „Сватовство“ приведетъ на мысль униженное положеніе празднаго человѣка, ищущаго поправки обстоятельствъ посредствомъ нелѣпаго брака“.

Весьма характерно, что тотчасъ же вслѣдъ за цитированнымъ отрывкомъ Дружининъ приводитъ и возраженіе одного изъ собесѣдниковъ Федотова:

„Павель Андреевичъ, эти уроки о вредѣ праздности и дурной компаніи скажетъ человѣку всякій писака, даже изъ бездарныхъ: всякая правдоподобная сентенція попадетъ въ цѣль вѣрнѣе художественнаго труда. Твоя сила не въ поученіи нравовъ, или, если хочешь, только не черезъ такую мораль, а черезъ зрѣлище изящнаго. Двигаясь тобой описаннымъ путемъ, можно сразу попасть на общія мѣста (lieux communs)“.

Но такъ сильна была, очевидно, вѣра въ то, будто педагогика и искусство нераздѣлимы, что Дружининъ не находить даже нужнымъ оспаривать эту реплику. Столь же неубѣдительною оказалась она и въ глазахъ Федотова.

Федотовъ званіе „Гогарта“ принималъ за великую для себя честь. Мечталъ съѣздить въ Англію для изученія твореній Вильни и Гогарта, занимался

ради этого английскимъ языкомъ. А въ оцѣнкѣ Гогарта центръ тяжести переноситъ на проповѣдь. Читаешь „Воспоминанія“ Дружинина и прямо поражаешься. Работалъ Федотовъ, какъ подвижникъ, какъ одержимый. Въ произведеніяхъ своихъ сумѣлъ проявить себя подлиннымъ художникомъ, а чуть рѣчь зайдетъ о художественномъ сгедо, ни звука о самой стхѣ живописи, о слагающихъ ее элементахъ, о пониманіи авторомъ основныхъ задачъ формы,—сейчасъ же разсужденія о морали, поученіи, исправленіи и тому подобная шарманка.

И вѣдь что поразительно. Такая тупость въ пониманіи задачъ искусства продержалась въ русскомъ обществѣ еще лѣтъ пятьдесятъ послѣ Федотова. Ф. А. Вулгаковъ, въ 1893 г., издавая альбомъ произведеній Федотова, вмѣняетъ послѣднему въ особую заслугу то, что онъ поставилъ цѣлью своею „исправлять, назидать, испѣлять, просвѣтлять жизнь“.

Не умѣли смотрѣть на живопись. Умѣли только вычитывать въ ней содержаніе. Не видѣли, до чего относительно слабы такіа „гогартовскія“ вещи Федотова, какъ „Старость художника“, „Модный магазинъ“, „Первое утро обманутаго молодого“, „Смерть Фидельки“. *) Не замѣчали, какъ много въ нихъ чрезмѣрной утрировки, переходящей въ гримасу, какой хаосъ въ композиціи, какая порою растерзанность въ рисункѣ. Мораль покрывала все. Пересказъ и его поучительность опредѣляли достоинство художественнаго произведенія.

Весьма знаменательно, что въ выборѣ художественнаго пути на Федотова большое вліяніе оказалъ баснописецъ Крыловъ. Федотовъ первоначально собирался посвятить себя батальной живописи, „но, говоритъ онъ въ автобіографіи своей, страсть къ нравственно-критическимъ сценамъ изъ обыкновенной жизни, прорывавшаяся въ немъ еще и прежде,—теперь, когда получилъ онъ поощрительный отзывъ и благословеніе на дѣло народнаго живописателя отъ И. А. Крылова, теперь страсть эта на свободѣ развила въ полнѣ“. „Кто былъ на прошлогодней выставкѣ, тотъ знаетъ вліяніе моихъ картинъ на публику. Вѣроятно, онъ около нихъ не озябъ“.

Публика, дѣйствительно, отходила душою около „Разборчивой невѣсты“, „Утра чиновника“, „Сватовства маіора“. Въ этихъ вещахъ такъ много было забавнаго разсказа, и такъ все въ нихъ было понятно, ясно, такое все свое, знакомое. Но Федотову все же казалось, что картина, чего добраго, мало говоритъ зрителю, и онъ сопровождалъ ихъ стихами собственнаго производства, весьма остроумно называя ихъ „рацеями“.

*) Полное собраніе сочиненій А. В. Дружинина, т. VII „Воспоминанія о П. А. Федотовѣ“. Приведены въ книгѣ Ф. И. Вулгакова: „П. А. Федотовъ и его произведенія“.

*) Всѣ эти сценіи Федотова находятся въ Третьяковской галлерей.

„И вотъ извольте посмотрѣть (говорить „раецъ“ къ „Сватовству маіора“)

Какъ хованинъ купецъ,
Невѣстинъ отецъ,
Не сладить съ сюртукомъ,
Онъ знакомъ съ армякомъ,
Какъ онъ бьется, пыхтитъ,
Застегнуться спѣшить,—
На распашку принять неучтиво.
Вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ и наша невѣста
Не найдетъ сдуру мѣста:
Мужчина чужой!
Ай срамъ-то какой!
Ай срамъ-то какой!

Живопись еще не имѣла самостоятельнаго права на существованіе. Оправданіемъ ей служила литература. Оттого-то и Фетодова величали порою „Гоголемъ русской живописи“. Однако сходства между Гоголемъ и Фетодовымъ нѣтъ никакого. Только то развѣ, что оба они изображали быть. Но въ то время, какъ Гоголь былъ безпощаденъ и суровъ въ своемъ юморѣ, Фетодовъ неизмѣнно оставался ласково-благодуннымъ. Его, въ сущности говоря, совершенно понапрасну зачислили въ категорию моралистовъ. Ни съ методическимъ Гогартомъ, ни съ страстнымъ и неустовымъ Гоголемъ тихій, незлобивый Фетодовъ не имѣлъ ничего общаго. Врожденная деликатность не позволяла ему обидѣть кого бы то ни было. Онъ только посмѣивался снисходительно надъ людскими слабостями, карать же, бичевать, подвергать позорному разоблаченію, онъ неспособенъ былъ органически. Только по какому-то ослѣпленію, изъ-за преклоненія своего предъ литературою, брался онъ за чуждыя натурѣ своей заданія.

Не моралистомъ былъ онъ, а художникомъ. Возня съ сочинительствомъ картинъ сильно его утомляла и изводила, и онъ отходилъ душою лишь на прогулкахъ, которыя любилъ страстно, совершалъ неукоснительно каждый день и которыя въ сущности и являлись для него подлинной художественной пищей.

„Я—одинокій зѣвака“, такъ превосходно охарактеризовалъ себя какъ-то Фетодовъ.

Если знать біографію Фетодова, такой отзывъ можетъ показаться крайнимъ парадоксомъ.

Сынъ бѣднаго отставнаго офицера, Фетодовъ съ дѣтства росъ въ нуждѣ. Воспитаніе получилъ въ корпусѣ. Окончилъ его первымъ въ 1833 г., выпущенъ былъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Способности къ рисованію сказались въ немъ рано. А склонность къ „созерцательнымъ занятіямъ“, какъ говорилъ онъ самъ, развилась особенно сильно благодаря обстановкѣ, среди которой росъ онъ ребенкомъ. „Жизнь небогатаго, даже попросту бѣднаго дитяти, обильна разнообразіемъ, которое почти недоступно ребенку изъ достаточнаго семейства,—ребенку, развивающемуся въ тѣсномъ кругу изъ своихъ родителей, гувернантки да двухъ-трехъ друзей дома,—

особь по большей части благовоспитанныхъ, стало быть, не имѣющихъ ничего особенно дѣйствующаго на дѣтскую фантазію. Возьмите теперь мое дѣтство: я всякій день видѣлъ десятки народа самаго разнообразнаго, живописнаго и сверхъ всего этого сближеннаго со мною... Представители разныхъ сословій встрѣчались на каждомъ шагу,—и у тетусекъ, и у кумы отца, и у приходскаго священника, около сѣнника и на сосѣднихъ дворахъ... Сила дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если будетъ позволено такъ выразиться, основной фондъ моего дарованія“.

Эта склонность къ наблюденію рано сочеталась и съ работой карандашемъ, „силу котораго онъ испыталъ уже въ корпусѣ, гдѣ гордо поправлялъ рисунки другихъ, и за это получалъ булки“. Будучи офицеромъ, сталъ Фетодовъ посѣщать и академію художествъ, а въ 1844 г. вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя занятіямъ живописью.

Именно „посвятилъ“. Жилъ въ крайней бѣдности, работалъ днемъ и вечерами, ставя цѣлью своею отнюдь не увеличеніе заработка, а лишь достиженіе наибольшаго совершенства въ исполненіи.

Былъ строгъ къ работѣ своей до безпощадности, а потому продавалъ мало. Къ тому же содержалъ впавшую въ крайнюю бѣдность семью отца своего... И никогда ни въ чемъ не нарушилъ обѣта служенію искусству. Широко распространенное въ обществѣ мнѣніе, будто гений и распутство неразлучны, страшно возмущало Фетодова. „Нѣтъ, говорилъ онъ, мое мнѣніе всегда будетъ въ пользу ежеминутнаго труда и жизни самой воздержной, самой спокойной“.

Таковъ и былъ онъ въ своей жизни. Скромный труженикъ.

И все же самая правильная характеристика Фетодова—„одинокій зѣвака“.

Какъ и у всѣхъ, жизнь Фетодова распадалась на будни и праздники. Будни Фетодовскіе—это сочинительство картинъ. Это—выходъ его отъ одиночества къ обществу. Искренне вѣря, что призваніе художника читать проповѣди, онъ заботливо облачался въ официальные, праздничныя одежды, выступалъ на паперть и начиналъ обличать, высмѣивать... „Свѣжій кавалеръ“, „Сватовство маіора“, „Модная жена“... На первыхъ порахъ это удовлетворяло его. Картины имѣли шумный успѣхъ, объ нихъ писали, спорили. Между авторомъ и публикой словно бы устанавливалась нѣкая живая связь.

Но по мѣрѣ того, какъ полнѣе отдавался Фетодовъ художественной работѣ, его сильнѣе захватывала страсть къ живописи, устремленія же литературно-моралистическія отпадали. Уже и въ раннихъ вещахъ не удавалось Фетодову выдержать грознаго тона. Въмѣсто фанфаръ обличенія въ нихъ слышалось благодушное: „эхъ вы, люди—человѣчишки, жалкіе, маленькіе“... А „Вдовушка“ (1851 г.) уже совер-

шенно лишена всякаго намека на „бичь“. Она вся напоена поэзіей грусти.

Еще мрачнѣе, еще большимъ чувствомъ одиночества проникнута послѣдняя картина Федотова: „Анкорь, еще анкорь“. На какой-то стоянкѣ молодой офицерикъ разгоняетъ скуку, заставляя пуделя прыгать черезъ палочку. Зима, маленькая комната едва освѣщена догорающимъ огаркомъ; сквозь окно видна залитая луннымъ свѣтомъ деревенская улица, занесенная снѣгомъ. Офицеръ лежитъ и покрикиваетъ: „Анкорь, еще анкорь“... Въ темномъ углу мрачный деньщикъ угрюмо отплевывается на сторону...

Выходъ къ обществу смѣнился переходомъ къ одиночеству. Федотовъ продолжалъ писать „картины“. Любовь къ литературѣ была въ немъ столь же сильна, какъ и любовь къ живописи. Но онъ отказался „поучать“. Все вниманіе свое перенесъ на работу чисто-художественную, для публики незамѣтную, для художника—единственно-цѣнную. Глядя на раннія вещи Федотова, публика неизмѣнно отмѣчала, что все въ нихъ, всѣ предметы, всѣ мелочи переданы, словно „правдашныя“. И цѣнила это, какъ цѣнила и сторону содержательную. Но лишь немногіе въ состояніи были понять „красоту“ Федотовскихъ картинъ, лишь немногіе замѣчали, какъ тонко и въ какомъ благородномъ общемъ тонѣ онъ выдержаны, какъ продумана въ нихъ композиція, какой мѣткій и характерный рисунокъ. Для Федотова же именно эта сторона и пріобрѣтала все большій и большій интересъ. „Вдовушка“—это чудный „intérieur“, достойный кисти старшихъ голландцевъ. И еще выше въ живописномъ отношеніи „Анкорь“.

Такъ выявился въ художникъ художникъ. Такъ отходилъ онъ отъ служенія обществу къ служенію искусству.

И если сочинительство картинъ отбросилъ онъ, какъ нудное, никчемное, тягостное, то въ разрѣшеніи задачъ живописныхъ находилъ неизсякаемый источникъ наслажденія. Уже будучи извѣстностью, встрѣтилъ Федотовъ на пути своемъ дѣвушку, которую полюбилъ горячо.

Знаешь ли, душечка, какъ ты мнѣ нравишься:

Лучше молчи—пощади!..

Просто бѣда пришла—съ сердцемъ не справиться:

Такъ и трепещетъ въ груди! *)

*) Слова къ романсу, написанному Федотовымъ.

Федотовъ, П. А.

Богомольный мужъ.

(Въ автографѣ слова „къ обѣдни“ замѣнены цензоромъ въ 1856 г. „по дѣламъ“.)

Но связать съ нею судьбу свою Федотовъ отказался. „Чтобъ идти, и идти прямо, я долженъ оставаться одинокимъ зѣвакой до конца дней моихъ“.

Лучшимъ наслажденіемъ, подлиннымъ праздникомъ бывали для Федотова дни, когда могъ онъ безъ помѣхи толкаться среди народа, въ толпѣ, всецѣло отдаваясь страсти своей къ наблюденію. Плодомъ такого рода прогулокъ явилась серія рисунковъ, часть которыхъ воспроизведена въ настоящемъ номерѣ.

По обычаю своему, Федотовъ сопровождалъ ихъ мѣтками подписями, но прелесть ихъ не въ одномъ юморѣ, тонкомъ и сдержанномъ, а въ силѣ и красотѣ рисунка. Эти превосходныя произведенія хранятся посейчасъ у частныхъ лицъ, тогда какъ весьма слабыя „гогартовскія“ сочиненія удостоились чести попасть въ Третьяковскую галерею.

Тутъ не простая случайность. Тутъ проявленіе общаго взгляда русскаго общества на искусство, не вытравившагося включительно и по сейчасъ. Можно ли сравнивать полныя глубокаго содержанія композиціи съ набросками „одинокаго зѣваки“?

Возже мой, какъ правъ былъ оппонентъ Федотова: „...твоя сила не въ поученіи нравовъ, или, если хочешь, только не черезъ такую мораль, а черезъ зрѣлища изящнаго“.

Конечно, и „поученіе нравовъ“ имѣетъ свою цѣнность. Но на то имѣются другія средства, помимо художества. Цѣлью же искусства „поученіе нравовъ“ служить не можетъ. Хотя косвенно оно, несомнѣнно, ведетъ къ ней. Основа художественной дѣятельности— созерцаніе. А для полноты созерцанія необходимо отрѣшеніе отъ волевого начала.

Художникъ только постольку и созерцаетъ жизнь, поскольку становится внѣ всякихъ заданій. Вознося за собою зрителя, онъ даетъ ему возможность смотрѣть на жизнь сверху внизъ съ такой высоты, гдѣ исчезаютъ частности, мелочи и выступаютъ высокіе принципы. Въ этомъ источникъ облагораживающаго воздѣйствія искусства.

„Одинокій звѣвака“ былъ созерцателемъ. „Русскій Гогартъ“ и „Гоголь русской живописи“ были моралистами.

Слишкомъ ранняя смерть не дала возможности Федотову закрѣпить въ русскомъ искусствѣ открывшееся ему пониманіе бытовой живописи. Его позднія, зрѣлыя вещи остались заслоненными болѣе дешевыми, равными литературными сочиненіями. Объ

этомъ нельзя не пожалѣть. Быть можетъ, примѣромъ своимъ Федотовъ сумѣлъ бы предостеречь отъ повторенія своей ошибки цѣлый рядъ талантливыхъ художниковъ, Перова, Прянишникова, Маковского, лучшіе* годы своего творчества тоже отдавшихъ проповѣди.

Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ русское общество знакомо лишь съ Федотовымъ — литераторомъ и не знаетъ „одинокаго звѣвака“.

Не знаетъ общество наше и того, какимъ подвижничествомъ бываетъ житіе „одинокихъ звѣвакъ“. Сколько безавѣтной любви вкладываютъ они въ свое невидное дѣло. И какую бездну лишений выносятъ въ награду за вѣрность призванію. Тотъ же Федотовъ, на почвѣ страшнаго переутомленія, особенно сказавшагося на зрѣніи, заболѣлъ душевнымъ недугомъ. Пять мѣсяцевъ находился онъ на излѣченіи въ какой-то мрачной конурѣ подъ лѣстницей частной лѣчебницы. Никто не навѣщалъ его. Только Коршуновъ, бывший деньщикъ Федотова, безотлучно состоялъ при баринѣ. Недѣли за двѣ до смерти, Федотовъ пришелъ въ себя. У него начала быстро развиваться водянка. Умеръ въ полной памяти и въ полномъ одиночествѣ.

А за гробомъ „одинокаго звѣваки“ шла огромная толпа.

С. К. Исаковъ.

Самосожженіе поэта.

(Стихи Рюрика Ивнева).

Когда въ плавильную печь бросили статую „счастливаго принца“, не расплавилось только одно свинцовое сердце, и выбросили его въ кучу мусора. Но посланный Богомъ ангелъ взялъ это сердце и отвесъ его въ сіяющіе райскіе чертоги, какъ самое дорогое, что онъ нашелъ на землѣ.

Эта сказка Оскара Уайльда точно трогательное напоминаніе намъ взрослымъ, что надъ судомъ городского мэра и даже профессора эстетики—есть другой судъ, судъ высшей красоты и любви, судъ всепрощающаго Бога.

Къ Богу отнесутъ бѣлыя крылья раскаянія самое темное, самое тяжелое, самое свинцовое человѣческое сердце, и если это сердце будетъ сердцемъ поэта, сколько пѣсень-звѣздъ зажжетъ оно на своемъ покаянномъ пути! Вспомнимъ только „Sagesse“, книгу полную такихъ пѣсень-звѣздъ и пѣсень-солнцъ, которыя зажигалъ во тьмѣ своей тюрьмы, разговаривая съ Богомъ, раучге Lélian.

Пусть вотъ въ этихъ нѣтъ мудрости Верлена, но въ нихъ столько своего неподдѣльнаго отчаянія и настоящаго дѣтскаго плача, въ этихъ строчкахъ просящихъ:

„Дорогой, Изумительный Боже...

„Я хотѣлъ бы, ввявъ руку и положивъ

„Ее себѣ на грудь, заплакать

„Мой Господи! Я еле живъ...

„Прости, Господи, мои грѣхи

„Прости, Господи, темныя мысли...

въ этихъ строчкахъ, взятыхъ мною изъ двухъ тоненькихъ книжекъ нашего русскаго поэта: „Самосожженіе“ и „Пламя пышетъ“.

„Пламя пышетъ“, „Самосожженіе“ листъ 1-ый, „Самосожженіе“ листъ 2-ой—какія исключительныя названія, и огонь не только въ названіяхъ, огонь во всѣхъ стихахъ, точно пламя струится и бѣжитъ по всѣмъ этимъ буквамъ и строчкамъ, точно поэтъ всю свою жизнь захотѣлъ обратить въ страшную, памятную ночь другого поэта, и вотъ сжигаетъ одну за другой и 1-ую, и 2-ую, и 3-ью части своей „Мертвой Души“.

Душа—ужасная, душа—больная, душа—черная, кажется, нѣтъ такого грязнаго и обиднаго слова, которымъ бы не ударилъ по своей душѣ—этотъ кающійся, этотъ „флагеллантъ“ въ стихахъ.

Свистъ бича, взмахъ плетки, кнутъ, палка, об-

струганная палка—слова излюбленныя въ его поэтическомъ словарѣ:

„Ударъ пряму отъ злобной палки“...
 „Теперь твой ударъ ужасенъ“...
 „Крикъ сдавленный, ударъ и боль“...
 „Распластайте меня на стѣнѣ,
 Грузъ горячій къ ногамъ привяжите,
 Проводите по голой спинѣ
 Раскаленно-желѣзными нити;
 А потомъ воспалите глаза
 И обрѣжьте усталыя губы...“

Это уже застѣнокъ, „садъ пытокъ“, въ которомъ распинаетъ и жжетъ „свою душу, свою кровь, свое тѣло“, неистовый въ своемъ самоуничтоженіи, поэтъ. Нѣтъ ничего, что бы ни отвергъ, что бы ни осудилъ онъ въ себѣ:

„И сердце... но есть ли оно?
 И голосъ... Воже! Поймешь ли?
 Почему, я, какъ темное дно,
 Почему я такой не хорошій?“

Осталось только одно—на худыхъ колѣняхъ держать маленькую книжку молитвенника, и сухими руками перебирать черныя четки!!

И повѣрить, что этотъ „обезжизнившійся старикъ“ былъ призванъ въ ту мобилизацію молодости, когда на завоеваніе новой красоты, русский Футуризмъ кинулъ цѣлую фалангу молодыхъ поэтовъ.

Трубы и фанфары „Петербургскаго глашатая“ только сослужили службу красивой винѣтки, и подъ обложкой съ кубическими мальчиками остался обыкновенный Петербургскій мальчикъ, безпомощный и грустный, какъ-то по женски несчастный и по женски безалаберный, интимно и нервно рассказавшій намъ о Петербургѣ, о его блѣдномъ небѣ, о его туманѣ, объ афишѣ Валентины Лиятъ, мокнувшей на столбѣ, о комнатахъ студентовъ, гдѣ на спиртовкѣ кипятится молоко и безпрерывно бренчитъ балалайка, о рѣкѣ, извивающейся у Синяго моста, о Невскомъ вѣтрѣ и... и о себѣ конечно, о себѣ, съ начинающимся туберкулезомъ, о себѣ, глотающемъ противные порошки отъ бессонницы, о себѣ, кутающемся въ теплый шарфъ, о себѣ, изнервничавшемся, усталомъ и больномъ.

„Ахъ, не надо жестокостей и укуловъ
 „Я изнервничался, дайте мнѣ покой...“

Поэты-неврастеники, ощутившіеся въ рядахъ штурмующихъ колоннъ молодости—они услышали марсельезу машины, гимнъ „красоты-быстроты“, словесловія Его Величеству Будущему и безвольно подчинились приказу: „Городъ“! Къ несчастью они отождествили городъ со своей городской квартирой и интимно рассказали о всемъ ея содержимомъ вплоть до бриллиантна, лежащаго на туалетѣ, до борнаго мыла, до своей „посланной не любящей рукой“ по-

стели. По истинѣ, права была критика, когда назвала ихъ поэзію поэзіей „конкретной“ и „интимной“, и еще „волнующей“ назвала критика ихъ поэзію, а я бы назвалъ—жалостной.

Жалостную и жалобную поэзію создали они потому, что не любовники своей Музы, „блудные мальчики“, позабывшіе „отчій домъ“—сердце Женщины—они, уйдя скитаться въ погонѣ за „наркотическими откровеніями“ и невозможною любовью, заставили дрожать скрытыми слезами самую спокойную ноту своей поэзіи, своей вѣчно ожидающейся Сольвейгъ.

И вотъ потому, что гдѣ то всегда поетъ она свою „колыбельную“, точно что-то вдругъ услышитъ сердце, и забьется, и заплачетъ, и вспомнитъ:

„Скажи, къ чьимъ ногамъ прильнуть,
 Гдѣ мать моя? Гдѣ мой домъ?..“

а тамъ опять „Морозный Петербургъ зажжетъ огни домовъ, все станетъ какъ всегда и радостно, и пусто, а на душѣ опять любовное клеймо“.. и подъ „теплой байкой“ чужая теплая рука отыщетъ руку и возьметъ и сожметъ, и уведетъ съ собой!.. Даже не вздохнетъ безпомощная душа о своей потерянной гордости и волѣ, и въ безалаберныхъ стыдныхъ мечтахъ останутся только

„Ваша шаль и теплый диванъ“...

„Можетъ быть, моя безпомощность Вамъ нравится
 И на мою безалаберность смотрите снисходительно Вы.
 Если Вамъ мысль внезапная, нѣжная, явится—
 Вы не смотрите на глаза мои, обведенныя каймой
 синевы.“

Я не знаю ничего. Что было? Что будетъ далѣе?
 Знаю только, что встрѣтились наши взоры вчера“...

и вотъ

„Только картины, театры и люди,
 Только веселья шутки теперь“...

но

„Долго тянуться это не будетъ,
 Горе стучится въ сердце и въ дверь.“

И никакой будущей радости не вѣрить уже душа, привязанная къ чужой болѣзни и тоскѣ, безпомощно покорившаяся сладкому гипнозу „слѣпыхъ и сумасшедшихъ глазъ“.

Дойти до преступленія, до желѣза на ногахъ, до арестантскаго халата, все равно, всему подчиниться, все принять и все позволить

„Все отъ тебя зависитъ,
 Только тебя люблю!..“

Любовь—вотъ оно, то свинцовое сердце золотого мальчика изъ Уайльдвской сказки, ве разбивающаяся, не сгорающая драгоценность!

Листокъ за листкомъ сваяла и унесла птица-тоска, птица-обида, птица-стѣянніе все золото обычно красиваго, здороваго, веселаго, нормальнаго въ

простого... Самъ осудилъ себя, самъ бросилъ въ огонь стиховъ бѣдную изуродованную жизнь, и вотъ то, что осталось—неопалимая пѣсня любви, любви, про которую сказано: та, что сильнѣе смерти

„Паутинкою сердце бьется
И червѣетъ больная кровь.
Надъ могилой моею вознесется
Гибельная любовь.“

Богъ, источникъ всякой любви, соберетъ всю любовь земную, и не будетъ той самой терпкой капли, которая бы пролилась мимо его серебряной чаши, а на землѣ, на землѣ останутся вѣчные свидѣтели гибели одной души, тоскующіе, больные, испуганные стихи, эти вѣчно летящіе „Ивиковы журавли“ совершившаго самосожженіе, поэта.

А. Добрый.

Мертвые не умираютъ.

Морисъ Метерлинкъ.

Когда видишь ужасающую гибель столько молодыхъ жизней, когда видишь, что столько физическихъ и моральныхъ силъ, столько силъ интеллектуальныхъ, столько пышныхъ надеждъ безопасно убиты при первой ихъ попыткѣ развернуться, то готовъ впасть въ отчаяніе. Никогда еще столь чудесная энергія, столь чудесная надежда не бросались одна за другой, такъ беспорядочно и безостановочно, въ небытіе, откуда нѣтъ отвѣта. Никогда еще чело-вѣчество, съ тѣхъ поръ, какъ оно стало существовать, не тратило подобнымъ образомъ своихъ сокровищъ, своей сущности, своего будущаго.

Вотъ уже болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ, какъ на всѣхъ поляхъ битвы первыми по необходимости умираютъ самые храбрые, самые искренніе, самые пылкіе и самые преданные. А менѣе мужественные, менѣе благородные, слабые, больные, словомъ, люди менѣе желательные одни имѣютъ нѣкоторые шансы уцѣлѣть въ настоящей рѣзнѣ.

Происходитъ какой-то чудовищный отборъ навыворотъ, который какъ-будто методически осуществляетъ цѣль разрушенія рода. Начинаютъ съ безпокойствомъ спрашивать себя, въ какомъ же положеніи очутится земля послѣ великаго испытанія, что станетъ съ чело-вѣчествомъ, обезглавленнымъ, ослабленнымъ во всемъ, что было въ немъ лучшаго и вышаго.

Понятно, что это одинъ изъ самыхъ мрачныхъ вопросовъ, какіе только выдвигались тревожнымъ настроеніемъ людей. Вѣдь здѣсь налицо матеріальная истина, передъ которой остаешься безоружнымъ. И если принять ее такой, какою она представляется, то нельзя найти никакого средства противъ зла, намъ угрожающаго. Но матеріальныя и осязательныя истины всегда являются только отраженіемъ истинъ, болѣе значительныхъ и болѣе глубокихъ. Съ другой стороны, чело-вѣчeskій родъ является какъ будто природной силой, столь необходимой и въ такой степени неистребимой, что доселѣ онъ всегда не только превозмогалъ всѣ, хотя бы самыя ужасныя испытанія, но умѣлъ даже извлекать изъ нихъ выгоду и выходить изъ нихъ болѣе великимъ—болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ былъ раньше.

Само собой понятно, что миръ предпочтительнѣе войны. Это два термина, которые бессмысленно и сравнивать. Само собой понятно, что если бы этотъ катаклизмъ, вызванный безуміемъ, которому нѣтъ названія, не обрушился на міръ, если бы треть, или даже четверть баснословныхъ суммъ, затраченныхъ на уничтоженіе и истребленіе, была удѣлена на мирныя задачи, то всѣ несправедливости, отравляющія атмосферу, которой мы дышимъ, были бы прекрасно исправлены, и социальный вопросъ, этотъ великій вопросъ, который справедливость ставитъ передъ будущимъ чело-вѣчества, былъ бы разъ навсегда разрѣшенъ для общаго благополучія; а между тѣмъ теперь, ни наши дѣти, ни наши внуки, быть можетъ, этого благополучія не узнаютъ. Само собой понятно, что исчезновеніе двухъ или трехъ миллионъ молодыхъ жизней, подкошенныхъ въ моментъ, когда онѣ готовились расцвѣсти, оставить въ исторіи пропасть, и эту пропасть не легко будетъ заполнить, хотя бы потому уже, что среди этихъ мертвыхъ находились гениальные умы; они не вернутся назадъ, а между тѣмъ они несли съ собой рядъ открытій и изобрѣтеній, которыя теперь не будутъ, быть-можетъ, сдѣланы раньше, чѣмъ черезъ столѣтія. Но, конечно, мы никогда не узнаемъ всѣхъ послѣдствій этой задержки прогресса и безпримѣрной траты жизней.

Но и согласившись со всѣмъ сказаннымъ, все же можно приободриться. Непоправимыхъ потерь нѣтъ. Все преобразовывается, ничто не погибаетъ, и то, что кажется сведеннымъ къ небытію, на самомъ дѣлѣ отнюдь не уничтожено. Нашъ моральный міръ, подобно нашему міру физическому, является огромной сферой, сферой, герметически закупоренной, откуда ничто не можетъ уйти, откуда ничто не можетъ упасть, чтобы раствориться въ пространствѣ. Все, что существуетъ, все, что дѣлается на этой землѣ, на ней же остается и на ней же приноситъ свои плоды. И худшія расхищенія—это только матеріальныя или духовныя богатства, на мгновеніе выброшенные, но возвращающіяся въ иной формѣ. Весь этотъ героизмъ, со всѣхъ сторонъ распространяемый, не оставляетъ нашего міра. И если храбрость нашихъ бойцовъ кажется всѣмъ имъ присущей и въ то же время такой необычной, то объясняется она

тѣмъ, что вся мощь мертвыхъ перешла въ тѣхъ, кто остается въ живыхъ. Всѣ эти силы мудрости, терпѣнія, чести, самопожертвованія вырастаютъ со дня на день, и мы, находящіеся вдали отъ опасности, мы тоже чувствуемъ, какъ онѣ поднимаются въ насъ, хотя мы и не знаемъ, откуда онѣ приходятъ; эти силы ни что иное, какъ душа героевъ, которую собираютъ и поглощаютъ наши души. Хорошо, если хоть на минуту смотришь на невидимыя вещи такъ, какъ будто бы ихъ можно видѣть. Къ этому и стремились всегда великія религіи, которыя, каждая въ свойственной ей формѣ, выставляли истины скрытыя, глубокія, инстинктивныя, универсальныя, — истины, руководящія человѣчествомъ. Всѣ религіи предчувствовали и признавали эту высшую изъ высшихъ истину: общеніе между живыми и мертвыми, и давали ей разнообразныя имена, подчеркивающія ту же мистическую увѣренность: отраженіе добрыхъ дѣлъ на судѣ умершихъ у христіанъ, переселеніе или перевоплощеніе душъ у буддистовъ, шинтоизмъ или культъ предковъ у японцевъ, которые, болѣе чѣмъ какой-либо другой народъ, убѣждены, что мертвые не перестаютъ жить и управлять всѣми нашими поступками, и сами въ свою очередь возвышаются нашей добродѣтелью и становятся богами.

„Одной изъ неожиданностей будущаго, — говорилъ какъ-то Лафкадіо Гернъ, писатель, лучше другихъ изучившій и понявшій этотъ удивительный культъ предковъ, — одной изъ неожиданностей будущаго будетъ, несомнѣнно, возвращеніе къ вѣрованіямъ и идеямъ, давно уже покинутымъ, въ силу убѣжденія, что въ нихъ нѣтъ никакой доли истины. Многіе, слѣдуя простой рутинѣ, называютъ ихъ все еще варварскими, языческими, средневѣковыми. Однако, съ каждымъ днемъ научныя изслѣдованія приносятъ намъ новыя доказательства, что дикарь, варваръ, идолопоклонникъ, монахъ, что всѣ они разными путями подошли близко къ нѣкоторымъ пунктамъ той же вѣчной истины, какъ и какой-нибудь мыслитель нашего вѣка. Мы узнаемъ теперь также, что теоріи астрологовъ и алхимиковъ оказываются ложными лишь отчасти, а не всецѣло. Мы имѣемъ даже основаніе думать, что будущая наука откроетъ зародыши истины

во всякой грезѣ о мірѣ невидимомъ, во всякой гипотезѣ о мірѣ скрытомъ отъ нашихъ взоровъ.

Къ этимъ строкамъ можно было бы сдѣлать немало добавленій, а именно, все, что метапсихика, самая недавняя отъ нашихъ отраслей знанія, раскрываетъ относительно чудесныхъ способностей нашего бессознательнаго. Но чтобы непосредственно подойти къ тому, о чемъ мы уже говорили, укажемъ на слѣдующее. Развѣ не замѣчали, что послѣ грандіозныхъ битвъ временъ имперіи число рожденій умножалось поразительно, какъ-будто жизни, грубо скошенныя въ ихъ расцвѣтѣ, въ дѣйствительности не умирали, а только торопились появиться среди насъ, чтобы закончить свой жизненный бѣгъ. Если бѣ можно было слѣдить глазами за тѣмъ, что происходитъ въ идеальномъ мірѣ, господствующемъ надъ нами со всѣхъ сторонъ, то, безъ сомнѣнія, можно было бы констатировать, что тамъ дѣйствуютъ тѣ самыя моральныя силы, которыя, казалось, погби на поляхъ рѣзни. Онѣ знаютъ, куда имъ направиться, онѣ знаютъ свою цѣль и не вѣдаютъ колебаній. Что оставляютъ наши удивительные мертвецы, они оставляютъ намъ, и когда они погибаютъ за насъ, то не метафорически, не иносказательно они оставляютъ намъ свою жизнь, а вполне реально, самымъ непосредственнымъ образомъ. Каждый человѣкъ, падающій на славномъ посту, выдѣляетъ доблесть, спускающуюся на насъ, и насильственностью преждевременнаго конца ничто не затеривается, ничто не испаряется. Сразу, въ большомъ количествѣ онъ отдаетъ намъ то, что онъ далъ бы въ долгой жизни, полной долга и любви. Смерть не осиливаетъ жизни, она ничего не можетъ сдѣлать противъ нея. Совокупность жизненной силы всегда остается себѣ равной. Что отнимается у тѣхъ, кто падаетъ, передается тѣмъ, кто продолжаетъ держаться. Если уменьшается число свѣтильниковъ, то высота пламени поднимается. Смерть ничего не выигрываетъ, пока остаются живые. Чѣмъ больше опустошенія она дѣлаетъ, тѣмъ больше она уменьшаетъ интенсивность жизни, которой она не достигаетъ, чѣмъ больше она продолжаетъ свои иллюзорныя побѣды, тѣмъ больше даетъ намъ доказательствъ, что въ концѣ концовъ человѣчество ее побѣдитъ.

Перев. съ французскаго Н. Г.

Военныя бесѣды.

Г. Алексѣевъ.

Духъ и техника.

Чѣмъ сильнѣе орудія, направленныя для нанесенія вреда человѣку, тѣмъ крѣпче цѣпи, сдерживающія бурные порывы человѣчества.

Эта формула въ основѣ всѣхъ стратегическихъ и тактическихъ плановъ вѣмцевъ. Она объясняетъ намъ „мирную“ работу германскаго штаба по подготовкѣ техническихъ средствъ борьбы.

Этотъ теоретическій выводъ германскихъ психологовъ далъ толчокъ творчеству на устрашеніе и гибель человѣчества.

Въ теченіе сорока лѣтъ крупковскія мастерскія безостановочно сооружали чудовищныя страшилища, мертвыя машины разрушенія и смерти.

За наиболѣе „полезныя“ усовершенствованія выда-

вались крупныя преміи, а изобрѣтатели новинокъ поощрялись государственными наградами.

Изувѣръ-профессоръ, додумавшійся до истребленія всего живого ядовитыми газами, былъ вознагражденъ, какъ за спасеніе отечества.

Всѣ эти разныя средства борьбы имѣютъ цѣлью подорвать духъ противника, убить его не только физически, разрушивъ преграды и закрытія, но и убить психически, т. е. подорвать вѣру въ возможность сопротивленія, заставить просить пощады и мира.

На первомъ планѣ всѣхъ боевыхъ германскихъ выступленій именно это стремленіе.

Правда, идея воздѣйствія артиллерійскимъ огнемъ на психику, въ цѣляхъ поколебать и подорвать духъ противника, рождена не нѣмцемъ.

Таково вообще назначеніе артиллерійскаго огня при подготовкѣ атакъ цѣхоты со временъ Наполеона, но нѣмцы довели эту „подготовку“ до невѣроятныхъ размѣровъ, направивъ противъ живой цѣли орудія, предназначенныя для разрушенія желѣзо-бетона и гранита.

Наши враги признали допустимыми всѣ безъ исключенія средства и способы уничтоженія людей и, благодаря этому, современная война развивается въ чудовищныхъ, небывалыхъ еще въ мірѣ, сверхчеловѣческихъ условіяхъ. Мы оказались технически слабѣе, но за 14 мѣсяцевъ нѣмцы не сломали нашего сопротивленія; они захватили изрядный кусокъ нашей территоріи, но не побѣдили русскую армію.

Духъ русской арміи оказался сильнѣе германской техники.

Нѣмцы разрушили наши крѣпости, раздробили сталь, желѣзо, бетонъ, но не побѣдили, не поколебали рѣшимости: „разбить нѣмца“.

Послѣ изнурительнаго отступленія, получивъ снаряды, наши славныя полки отбрасываютъ германцевъ, захватываютъ десятки ихъ тяжелыхъ пушекъ и, вновь, отступая, уводятъ съ собою десятки тысячъ плѣнныхъ!

Чтобы оцѣнить всю сверхчеловѣческую доблесть и героизмъ нашихъ беззаветно храбрыхъ рядовыхъ бойцовъ, чтобы воздать имъ должное отъ лица благодарной родины, надо представить себѣ кошмарную тяжесть боевой обстановки, надо разобраться въ общей картинѣ современнаго боя, надо представить себѣ весь ужасъ душевныхъ переживаній, подъ огнемъ тяжелой артиллеріи, среди ядовитыхъ удушливыхъ газовъ, въ дождѣ разрывныхъ пулеметныхъ пуль!.. Намъ, сидящимъ за тысячи верстъ, судящимъ объ успѣхахъ и неудачахъ по числу захваченныхъ плѣнныхъ, пулеметовъ и пушекъ, трудно составить себѣ даже отдаленное представленіе объ этой боевой страдѣ нашей великой арміи.

Батальныя картины прошлыхъ войнъ, изображающія стройныя полки съ распушенными знаменами и

съ полководами на бѣлыхъ коняхъ впереди, не имѣютъ теперь мѣста. Современный бой начинается, развивается, а перѣдко и завершается на такихъ разстояніяхъ, съ которыхъ въ недавнія времена о боѣ даже и помышлять не могли.

Прислушайтесь къ безхитростнымъ откровеннымъ разговорамъ участниковъ, вникните въ ихъ душевныя переживанія, и передъ вами встанетъ во всей своей красотѣ величіе ратнаго подвига нашей богатырской арміи, ясно обнаружится полное ничтожество вооруженнаго съ головы до ногъ германскаго юнкера передъ нашимъ духовнымъ чудо-богатыремъ.

Наша „отступающая“ армія уже одержала небывалую въ исторіи міровыхъ войнъ побѣду въ борьбѣ челоѣческаго духа съ мертвыми машинами германской техники! Иначе нельзя охарактеризовать этого неравнаго поединка трехлинейной винтовки съ 42-хъ сантиметровой пушкой.

Намъ слѣдуетъ лишь использовать эту блестящую побѣду до конца. Надо всѣми силами ускорить снабженіе нашихъ армій равными техническими средствами борьбы, и конечный успѣхъ будетъ обезпеченъ.

Разбирая событія на русско-германскомъ фронтѣ, лордъ Вальфуръ охарактеризовалъ общую картину слѣдующими словами: *„Посмотрите на Россію. Я не знаю болѣе поразительнаго зрѣлища, чѣмъ это соревнованіе между живыми людьми и механическими силами. Было ли чѣмъ-либо проявлено большее геройство, чѣмъ русскимъ солдатомъ? Обнаруживалъ ли кто-либо столь великую мощь сопротивленія или силу натиска, когда этого требовали обстоятельства?..“*

Съ глубокимъ и полнымъ довѣріемъ ждемъ мы того времени, когда неравенство въ механическихъ силахъ будетъ устранено, и русскому солдату будетъ дана возможность бороться въ одинаковыхъ условіяхъ. Мы знаемъ, что когда настанетъ этотъ день, то за всѣ перенесенныя Россіей страданія и за проявленный ею героизмъ, который вызываетъ восхищеніе во всемъ мірѣ, наградою ей будетъ конечно торжество ея оружія“.

Такъ оцѣниваютъ отступательный маршъ нашей арміи наши союзники. Такъ говорятъ и старые ветераны минувшихъ войнъ. Такъ опредѣляютъ военныя авторитеты. *Мы можемъ, мы должны вѣрить въ полную и окончательную побѣду!*

Тыловыя настроенія.

Непосредственно прилегающая къ театру войны полоса мѣстности, на которой сосредоточены склады для питанія арміи жизненными и боевыми припасами, называется „операционною базой“.

Чѣмъ больше армія, тѣмъ большее пространство занимаетъ она по фронту и въ глубину театра воен-

ныхъ дѣйствій, и тѣмъ обширнѣе въ тѣхъ же измѣреніяхъ ея база.

При колоссальной численности современныхъ армій, базой является вся государственная территория, вся страна.

Въ Россіи нѣтъ такого уголка, гдѣ не чувствовался бы пульсъ войны, гдѣ не работали бы военно-промышленныя и земскія организаціи.

Отъ успѣха этой тыловой работы зависитъ снабженіе нашей арміи всякаго рода припасами и техническими средствами борьбы.

Эта наглядная, такъ сказать, — осязаемая связь между страной и арміей является показателемъ общихъ объединенныхъ народныхъ усилій въ организаціи столь желанной для всѣхъ побѣды.

Міровая исторія войнъ убѣдительно свидѣтельствуетъ, что и въ настроеніяхъ арміи и народной массы устанавливается тѣсная связь, имѣющая огромное вліяніе на развитіе военныхъ событій.

Армія чутко прислушивается къ голосу изнутри страны и, жертвуя своею жизнью на боевомъ полѣ, продолжаетъ интересоваться событіями внутренней государственной и общественной жизни.

И если многочисленныя факты даютъ намъ право утверждать, что „духъ“ нашей арміи побѣдилъ германскую технику, то событія нашей внутренней жизни заставляютъ насъ отмѣтить, что съ роспускомъ Думы нервное настроеніе внутри страны нѣсколько обострилось.

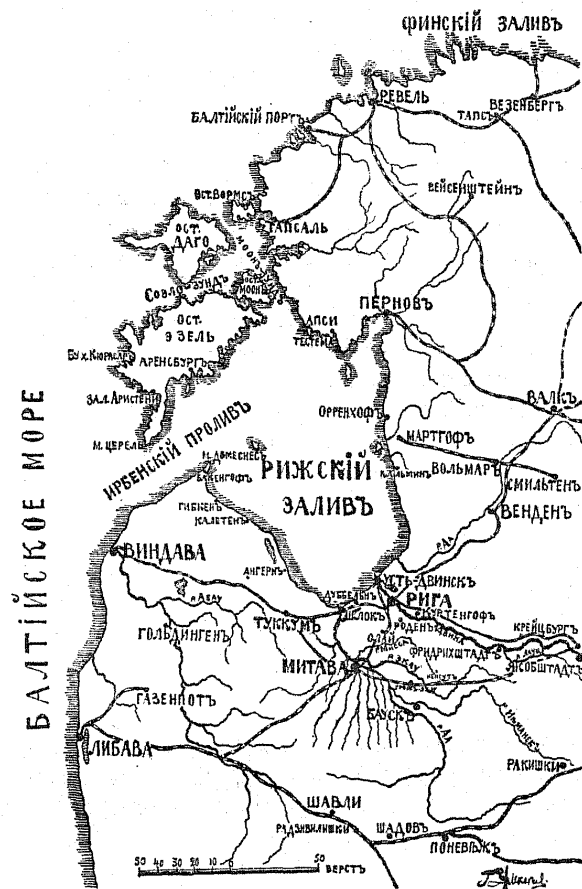
Тылъ нервничаетъ и, провозгласивъ: „все для арміи“, совершенно не считается съ тѣмъ, что нервное настроеніе страны неизбѣжно отразится на настроеніи арміи. Теперь, когда всѣ граждане составляютъ резервъ арміи, больше чѣмъ необходима умѣренная осторожность со всякаго рода политическими мѣропріятіями по устроенію нашей внутренней государственной жизни, и непрерывная работа Государственной Думы необходима не только для успѣшной тыловой работы по снабженію арміи, но и для поддержанія бодрого, побѣдоноснаго духа, какъ внутри страны, такъ и въ рядахъ нашей славной арміи.

Не слѣдуетъ забывать, что самая строгая цензура частной переписки не предохранитъ армію отъ проникновенія зловредныхъ и недѣльныхъ слуховъ и расказней, перекатывающихся изъ глубокаго тыла въ передовые окопы.

Лучшимъ опроверженіемъ всѣхъ преступныхъ сплетенъ и слуховъ можетъ послужить лишь свободный голосъ народныхъ представителей, уже высказавшихся за продолженіе войны до полной конечной побѣды.

Поэтому, нельзя не пожелать возможно скорѣйшаго возобновленія работы Государственной Думы.

При спокойствіи внутри страны, предводительствуемая Верховнымъ Вождемъ армія несомнѣнно сохра-

нить тотъ высокій побѣдоносный духъ, который необходимъ для противудара нѣмецкому вторженію.

Не будутъ волновать общество и переходы балканскихъ нейтралитетовъ изъ „разоруженнаго“ въ „вооруженный“ и обратно.

Русская армія переживаетъ величайшій историческій подсчетъ своей духовной силы, и усиленіе нѣмцевъ тремя-четырьмя сотнями тысячъ вѣроломныхъ предателей не должно насъ возбудить. Наоборотъ, чѣмъ скорѣе выяснится туманъ балканскаго нейтралитета, тѣмъ лучше. Россія должна быть готова ко всякимъ случайностямъ. Необходимо только поддерживать на достигнутой уже высотѣ духъ нашей славной арміи. Тылъ долженъ быть спокоенъ.

Усилія нѣмцевъ.

Два мѣсяца упорныхъ аррьергардныхъ боевъ непрерывно колеблютъ фронтальную линію боевыхъ столкновеній, которая, въ общемъ, продолжаетъ сдвигаться на востокъ. Южаѣ Пинска боевое счастье благоприятствуетъ нашимъ маневрамъ, гдѣ за полтора мѣсяца нами захвачено около 90 тысячъ плѣнныхъ, 70 орудій всевозможныхъ калибровъ и свыше сотни пулеметовъ. На сѣверномъ нашемъ крылѣ, отъ Риги до Вильны бои развивались въ болѣе тяжелыхъ для насъ условіяхъ, особенно съ конца августа, когда обнаружился германскій нажимъ на уча-

стокъ: Вильна—Двинскъ. 4 сентября нѣмцамъ удалось протаранить нашъ фронтъ въ мѣстѣ нажима и бросить въ образовавшійся промежутокъ многочисленную конницу, съ цѣлью воздѣйствія на глубокіе тыловые пути нашихъ главныхъ силъ.

Этимъ маневромъ противнику удалось разбить Виленскій и Двинскій районы и охватить ихъ съ противоположныхъ сторонъ. Германская конница проникла въ районъ озера Богинскаго, находящагося въ 69 верстахъ къ юго-западу отъ Двинска и къ желѣзнодорожному узлу линій: Вильна—Минскъ, Лида—Полоцкъ, къ станціи Молодечно, находящейся въ 100 верстахъ къ юго-востоку отъ Вильны. Небольшіе разѣзды пытались добраться до Минска и Полоцка, но были отогнаны. Наши отряды у Вильны и Двинска попали въ крайне затруднительныя условія. У Вильны создалась угроза окруженія и захвата, къ чему были направлены чрезвычайныя усилія германскаго штаба. Однако и на этотъ разъ наши закаленные полки съ честью выбрались изъ мертвой германской петли, при чемъ противнику былъ нанесенъ уронъ по крайней мѣрѣ равный понесенному нами. Разрозненные части германской конницы въ четырехугольникъ: Двинскъ—Полоцкъ—Молодечно—Вильна, хотя и успѣли немного похозяйничать и кое-гдѣ разрушили желѣзнодорожное полотно, отброшены нашими кавалерійскими полками и кѣнно-охотничьими командами назадъ, на свою пѣхоту.

Этотъ бросокъ германской кавалерійской массы является послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ въ погонѣ нѣмцевъ хоть бы и за частичнымъ, но крупнымъ рекламнымъ успѣхомъ, который необходимъ нѣмцамъ для завершенія ихъ осенняго натиска. Имъ необходимо остановиться, необходимо передохнуть. Захваченные нами въ послѣднихъ бояхъ германскіе офицеры и солдаты далеко не оправдываютъ надеждъ генерала Гинденбурга на „крѣпость германскихъ нервовъ“. Видъ этихъ плѣнныхъ крайне жалокъ, они измучены и физически, и нервно. Зарегистрированы случаи психическаго разстройства на почвѣ нервнаго и физическаго переутомленія.

Наступая, нѣмцы все время ждуть нашего контр-удара. Между тѣмъ, геройское упорство нашихъ незначительныхъ арьергардовъ заставляютъ германскій штабъ постоянно вводить въ бой почти всѣ свои силы. И это—изо дня въ день, въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ.

Цѣль арьергардныхъ боевъ—выиграть время, прикрывать отступленіе главныхъ силъ арміи, чтобы онѣ могли спокойно и не торопясь отойти въ указанный районъ.

Какъ только эта задача выполнена, арьергарды прекращаютъ бой и уходятъ вслѣдъ за главными силами, чтобы на заранѣе подготовленной тыловой позиціи снова встрѣтить наступающаго противника и снова задержать его боемъ, и такъ безъ конца, до тѣхъ поръ, пока главныя силы арміи не займутъ

намѣченныхъ своимъ стратегическимъ планомъ позицій.

Принимая во вниманіе, что переходъ изъ походнаго порядка въ боевой и обратно крупныхъ численностью германскихъ армій требуетъ довольно много времени и утомляетъ войска, можно утверждать, что германская армія настолько переутомлена и подергана, что ей просто органически необходимо остановиться и передохнуть.

Но, какъ только нѣмцы останавливаются, наши арьергарды переходятъ въ контр-наступленія и заставляютъ противника вести бой всѣми своими силами.

Поэтому, ближайшей задачей германскаго штаба является стремленіе обезопасить себя отъ этихъ изводящихъ и очень чувствительныхъ контр-ударовъ, что возможно лишь послѣ одержанія хотя бы и частичнаго, но крупнаго успѣха.

Воспользовавшись случайнымъ прорывомъ между Вильной и Двинскомъ, германскій штабъ въ погонѣ за такимъ успѣхомъ и принявъ крайне рискованное и исключительное рѣшеніе, въ результатѣ котораго была брошена кавалерійская масса на Молодечно, поддержанная пѣхотой, воздушными бомбометателями и артиллеріей. Часть захваченныхъ нами въ этомъ пунктѣ германскихъ орудій уже работаетъ противъ нѣмцевъ.

Наши полки благополучно выбрались изъ Вильны, давъ возможность предварительно эвакуировать до чиста самый городъ.

Въ настоящее время пріобрѣтаетъ чрезвычайный интересъ нашъ сѣверный фронтальный участокъ отъ Двинска до Риги. Въ Рижскомъ районѣ развиваются крайне упорные бои, съ сильнымъ наклономъ успѣха въ нашу пользу. Послѣ ликвидаціи германскаго визита въ Рижскій заливъ, неоднократно повторялись налеты вражескихъ гидроаэроплановъ и таубэ, что свидѣтельствуетъ, что Рига продолжаетъ еще дразнить нѣмецкое воображеніе. При создавшейся обстановкѣ, нашъ успѣхъ въ этомъ районѣ, особенно въ направленіяхъ: Нейгутъ—Ваускъ и Шлокъ—Тукумъ долженъ сыграть нѣкоторую роль въ надвигающихся событіяхъ, о которыхъ, по вполне понятнымъ причинамъ, говорить теперь было бы большою неосторожностью, и мы ограничимся лишь помѣщеніемъ карты этого района, по которой читатель сможетъ слѣдить за ходомъ послѣдующихъ дѣйствій.

На турецкомъ фронтѣ.

Въ Дарданеллахъ развивается медленный успѣхъ нашихъ союзниковъ, постепенно выбивающихъ турокъ изъ неприступныхъ горныхъ позицій. Войска, высадившіяся у Суэца, соединились въ концѣ августа съ австраійскими и новозеландскими корпусами, и въ первыхъ числахъ сентября съ этими же корпусами соединился сѣверный флангъ арміи генерала Гамильтона. Теперь можно ожидать планомѣр-

ныхъ и согласованныхъ дѣйствій всего союзнаго фронта, что вѣроятно и скажется въ недалекомъ будущемъ.

Въ Закавказьѣ происходятъ частичныя и очень удачныя для насъ столкновения по всему фронту. Слѣдуетъ отмѣтить успѣшныя операціи нашего Черноморскаго флота, который оказываетъ крайне цѣнное содѣйствіе и нашей кавказской арміи, и нашимъ союзникамъ на Галлипольскомъ полуостровѣ.

Снабженіе топливомъ построенныхъ нефтями въ Константинополь заводовъ подвозомъ на многочисленныхъ парусникахъ прекратилось, какъ только нашъ флотъ упрочилъ за собой неоспоримое господство на Черномъ морѣ. Благодаря недостатку топлива, германская военная промышленность въ Константинополь не въ состояніи питать турецкую армію, которая очутилась въ весьма тяжеломъ положеніи и на Галлипольскомъ полуостровѣ, и на нашемъ Кавказскомъ фронтѣ.

Испытывая крайнюю нужду въ топливѣ, турки попытались организовать подвозъ угля подъ защитой военныхъ судовъ. Первая такая попытка была пресѣчена 23 августа нашими двумя миноносцами: „Провзительнымъ“ и „Быстрымъ“, подъ командой капитана 1-го ранга князя Трубецкого. Въ ночь на 23-е августа отъ Сангулдака къ Босфору направились 4 большихъ парохода и баржа, съ предѣльнымъ грузомъ угля.

Этотъ транспортъ конвоировали слѣдующія военныя суда турецкаго флота: крейсеръ „Гамидіе“ въ 3.800 тоннъ водоизмѣщенія, вооруженный двумя 150-миллиметровыми и восемью 120-миллиметровыми орудіями; 2 конвойныхъ и лучшихъ миноносца въ 620 тоннъ водоизмѣщеніемъ каждый. Около семи часовъ утра два наши миноносца: „Провзительный“ и „Быстрый“, вооруженные каждый тремя 100-миллиметровыми орудіями, открыли турецкія суда и, несмотря на превосходство силъ врага, открыли огонь. Около 9¹/₂ часовъ на „Гамидіе“ было подбито носовое шестидюймовое орудіе, и непріятельскій крейсеръ успѣшно бѣжалъ къ Босфору.

Наши миноносцы вернулись къ брошеннымъ турками транспортамъ и захватили ихъ вблизи Сангулдака.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ августа у нашего Крымскаго побережья была обнаружена германо-турецкая подводная лодка, за которой была организована нашими моряками охота. Въ началѣ сентября выглянулъ изъ Босфора подлѣчившійся „Лебень“ и, встрѣченный огнемъ нашихъ миноносцевъ, успѣшно скрылся за береговыя батареи.

Сербскій фронтъ.

Первый періодъ австро-сербской войны представляетъ блестящій образецъ героическаго сопротивленія малыхъ числомъ, но сильныхъ своимъ высокимъ и беззащитнымъ порывомъ, сербскихъ войскъ, вставшихъ

грудью за честь и свободу своей изстрадавшейся родины!

Вдесятеро превосходящій численностью, несоизмѣримо сильнѣйшій своимъ техническимъ оборудованиемъ врагъ былъ разбитъ, уничтоженъ и изгнанъ съ сербской земли горстью храбрецовъ, съ которыми австрійскій штабъ не хотѣлъ даже считаться, а на свое вторженіе въ Сербію смотрѣлъ, какъ на „карательную экспедицію“!

Пусть славное прошлое доблестной сербской арміи послужитъ намъ залогомъ не менѣе свѣтлаго будущаго! Исторія войнъ даетъ много примѣровъ повторенія совершившихся событій, а сейчасъ происходитъ точно такое же маневрированіе австрійцевъ вдоль сербской границы, какъ вначалѣ войны, годъ тому назадъ.

Въ ожиданіи развитія дальнѣйшихъ событій, крайне интересно прослѣдить теперь ходъ войны перваго періода и подвести итоги вполне опредѣлившимся результатамъ. Первая бомбардировка Бѣлграда состоялась 16-го іюля прошлаго года. Въ этотъ знаменательный день раздался первый выстрѣлъ, вызвавшій пожаръ міровой войны. Въ теченіи первыхъ двухъ недѣль сербы успѣшно отражали попытки австрійцевъ переправиться черезъ Дунай и Саву. Только 29-го іюля австрійцамъ удалось форсировать рѣку Саву у Шабаца и рѣку Дрину у Лѣшницы и Ложницы.

Такимъ образомъ, вторженіе австрійцевъ въ Сербію произошло съ западной границы, гдѣ находились сравнительно слабыя сербскіе отряды, главныя же силы были сосредоточены въ долинѣ рѣки Моравы. Форсированнымъ маршемъ, проходя по 50 верстъ въ сутки, сербы ринулись навстрѣчу австрійцамъ и нанесли имъ жестокое пораженіе у Церъ-Плавини и въ долинѣ Ядара.

При переправѣ безпорядочно отступавшихъ остатки арміи генерала Франка черезъ р. Дрину одинъ изъ австрійскихъ корпусовъ былъ почти совершенно истребленъ, причемъ сербы захватили 8¹/₂ тысячъ плѣнныхъ, 8 тяжелыхъ гаубицъ, 53 полевыхъ орудія, 114 патронныхъ двукошекъ и продовольственный обозъ всего корпуса. 13 августа сербы выбили австрійцевъ изъ Шабаца и перешли въ наступленіе. 27-го августа сербы заняли Землянъ и оттѣснили австрійцевъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Нѣсколько оправившись, австрійцы вторично вторглись въ Сербію и у Мачвы вновь были разбиты и отброшены за границу. Эти неудачи не охладили наступательнаго пыла генерала Франка, и онъ въ третій разъ вторгся на сербскую территорию на фронтѣ Зворникъ—Любовья, энергично наступая въ районъ Крушани, гдѣ австрійская армія была остановлена.

Въ то же время сербы предприняли наступленіе въ предѣлы Босніи и Герцеговины, и въ первыхъ числахъ сентября соединились у Горажди съ черногорской арміей. 20-го сентября соединенная сербско-

черногорская армія овладѣла командующими высотами въ окрестностяхъ Сараева, что чрезвычайно сильно обезпечило австрійскій штабъ. Генераль Франкъ былъ отозванъ, главнокомандующимъ назначенъ генераль Потіорекъ, которому было приказано разгромить и уничтожить Сербію окончательно. Началась массовая переброска войскъ къ Сараеву, и въ бояхъ съ 6-го по 9-ое октября австрійцы вытѣснили сербско-черногорскую армію изъ Босніи. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ переправиться черезъ Дунай у Смедерева и у Орсовы, австрійцы навалились на сербскую армію въ направленіи на Вальево, и 4 го ноября сербы вынуждены были отступить на позиціи у Колубары, гдѣ съ 6-го по 16-ое ноября развивался упорнѣйшій и жестокой бой. Австрійцы силились прорвать сербскій фронтъ и продвигались своимъ правымъ крыломъ въ охватъ лѣваго фланга сербскихъ войскъ. 16-го сентября, уступая численно превосходящему врагу, сербы очистили Бѣлградъ и начали отходить на внутреннюю оборонительную линію: Смедерево-Космай-Чачакъ.

18-го ноября австрійцы вступили въ Бѣлградъ. Генераль Потіорекъ торжествовалъ побѣду. Въ Вѣну была послана пышная реляція, въ которой сообщалось объ энергичномъ преслѣдованіи разбитой сербской арміи, для окончательнаго использования плодовъ Колубарской побѣды.

Опыяненные такимъ крупнымъ успѣхомъ австрійцы двигались вслѣдъ за сербами, по размытымъ дождями горнымъ дорогамъ, нѣсколькими отдѣльными колоннами. 20-го ноября „разгромленные“ сербы внезапной контръ-атакой опрокинули австрійскій

центръ, а 22-го ноября атаковали разобъединенные съ центромъ австрійскіе фланги.

Результатъ этихъ блестящихъ контръ-ударовъ превзошелъ возможные ожиданія. 23-го ноября австрійцы обратились въ паническое бѣгство, бросая артиллерию, пулеметы, ружья и обозы. Жалкіе остатки австрійцевъ пытались задержаться на Дунаѣ, но были сбиты, и 1-го декабря сербы вступили въ Бѣлградъ. Такъ закончилось четвертое по счету вторженіе австрійцевъ, оставившихъ на этотъ разъ сербамъ: 126 исправныхъ орудій, 362 зарядныхъ ящика, 70 пулеметовъ, 280 офицеровъ, 45 тысячъ нижнихъ чиновъ, массу оружія и обозовъ. На сербской территоріи не осталось ни одного вооруженнаго австрійца. Австрійскій штабъ настолько растерялся, что не смогъ объяснить своего разгрома никакими „стратегическими“ соображеніями.

Генераль Потіорекъ былъ преданъ суду, а эрцгерцогу Евгенію было получено сформированіе новой арміи, которая должна была— „стереть Сербію съ лица земли“.

Эта пятая „карательная экспедиція“ австрійцевъ въ Сербію была предотвращена наступленіемъ нашихъ войскъ въ Галицію и въ Карпаты. Въ теченіе семи мѣсяцевъ на сербскомъ фронтѣ царилъ полное затишье, и лишь теперь, въ самые послѣдніе дни, австрійцы заговорили о новомъ походѣ въ Сербію. Въ полномъ смыслѣ слова: „побѣдоносная“ сербская армія имѣла достаточно времени, чтобы залѣчить свои раны и сплотиться для отраженія новаго натиска Австрійцы изнурены непрерывными боями и настолько сильно завязли на нашемъ фронтѣ, что

несмотря на всѣ признаки готовящагося наступленія врядь ли осилить эту новую германскую авантюру по восстановленію прямого сообщенія между Берлиномъ и Константинополемъ.

Въ августѣ тревога на Балканахъ усилилась. Неясные слухи о болгаро-турецкомъ соглашеніи оказались печальной правдой. Порабощенный и терроризованный германскимъ правительствомъ Фердинанда, болгарскій народъ оказался въ союзѣ съ нашими врагами. Надѣясь на помощь Вильгельма, болгарскій

царь мобилизовалъ свою армію. Создалась новая угроза многострадальной Сербіи, и четверное согласіе сказало уже свой грозный и безповоротный приговоръ: „Кто не съ нами, тотъ противъ насъ!“ Разгромъ Сербіи не будетъ допущенъ. Обѣщанная Вильгельмомъ Фердинанду 300 тысячная армія необходима нѣмцамъ для защиты собственнаго фатерланда. Въ слѣдующей статьѣ мы отмѣтимъ значеніе успѣховъ нашихъ союзниковъ и воздѣйствіе на военнаго Фердинанда.

Г. Алексѣевъ.

Къ моменту.

Черняевъ.

Вокругъ неизжитого.

П. Черкасскій.

Что современная война проходитъ подъ флагомъ разрѣшенія очередныхъ національныхъ проблемъ и что большинство разсматриваетъ теперешнюю мировую катастрофу, какъ завершеніе никогда не прекращавшейся борьбы народовъ за право національнаго и государственнаго самоопредѣленія—все это

теперь не вызываетъ спора и сдѣлалось исходной точкой перспективъ, связанныхъ съ побѣдой противогерманской коалиціи. Но условившись и договорившись о цѣляхъ, какъ это часто бываетъ, люди расходятся, или просто умалчиваютъ, о средствахъ и выводахъ изъ нихъ,—ведущихъ къ приближенію да-

лекихъ возможностей, намѣтившихся въ области національнаго вопроса.

Такъ, на примѣръ, въ одинъ изъ періодовъ настоящей войны крайне остро былъ поставленъ вопросъ о связи между національнымъ и государственнымъ самоопредѣленіемъ народности. Нельзя сказать, что острота такой постановки вопроса уже прошла сейчасъ, ибо затяжка балканскаго кризиса обусловлена установившимся среди балканскаго общественнаго мнѣнія взглядомъ, что нація получаетъ наибольшую возможность выявленія своего подлиннаго лица лишь въ рамкахъ національной же государственности.

Стремленіе отдѣльныхъ государствъ придать себѣ строго законченный національный характеръ, конечно, вполне естественно, ибо каждой націи, какъ и индивиду, свойственно замыкаться въ рамки исторически сложившихся бытовыхъ и культурныхъ навыковъ, но безболѣзненное образование крупнаго единаго государственно-національнаго организма можетъ совершаться лишь тамъ, гдѣ этнографическія и политическія границы даннаго государства совпадаютъ. Такимъ путемъ шло въ XIX-мъ вѣкѣ объединеніе Италіи, въ однородную племенную массу которой не попало ни одной чуждой народности. Наоборотъ, если взять балканскія государства, то раздвинуть государственные предѣлы до естественныхъ національныхъ рубежей ни одной изъ задунайскихъ монархій не представляется возможнымъ, въ силу сложности условий, которыми регулируется территориальное верховенство современныхъ государствъ. Такъ вѣтъ границы нынѣшней Греціи живетъ много грековъ въ южной Албаніи, центръ которой, Валлона, находится теперь въ рукахъ итальянцевъ, ибо этотъ албанскій портъ, по своему географическому положенію, является ключемъ къ Адриатическому морю, а потому для Италіи это пунктъ большой стратегической важности. Затѣмъ греки расселены довольно компактными массами въ южной Македоніи, Фракіи, на островахъ Архипелага и по Эгейскому побережью Малой Азіи, не говоря о томъ, что греческій элементъ, въ городахъ ближняго Востока вообще является замѣтной составной частью. Такимъ образомъ границы греческаго національнаго государства должны бы пройти по территоріямъ Сербіи, Болгаріи, Турціи и захватить итальянскія острова въ Архипелагѣ. Конечно, Сербія отдать грекамъ южную Македонію не можетъ потому, что вмѣстѣ съ городскимъ греческимъ элементомъ перешла бы къ Греціи и сплошная масса славянскаго сельскаго населенія. Болгарамъ Фракія нужна, какъ выходъ въ Эгейское море, а для итальянцевъ Спорадскіе острова и Валлона есть стратегическіе пункты. Точно такъ-же въ предѣлахъ Румыніи находится болгарская Добруджа, отошедшая къ ней по Бухарестскому договору, дабы „уравновѣсать“ силы обѣихъ сосѣдокъ. Румынскія провинціи есть въ Россіи,—Весса-

рабія, присоединенная для того, чтобы создать намъ выходъ къ устьямъ Дуная, а также въ Австро-Венгріи,—Трансильванія и часть Баната. Сербскія племена живутъ сплошной массой въ Австро-Венгріи по Босніи, Герцеговинѣ, Далмаціи, Кроаціи и другимъ провинціямъ.

Нельзя, конечно, утверждать, что эти границы являются незыблемыми и вполне соответствующими истиннымъ вуждамъ каждой страны, но и послѣ ихъ исправленія все-таки балканскія государства будутъ далеки отъ идеала національныхъ государствъ. Рядомъ за пограничной чертой, подъ чужимъ владѣтельствомъ, будутъ жить единоплеменники, и тяга къ воссоединенію будетъ сильна съ обѣихъ сторонъ. Но этому будутъ мѣшать самыя непреодолимыя препятствія, ибо никогда Болгарія не можетъ отдать Фракію Греціи, такъ какъ этимъ она лишилась бы своихъ морскихъ портовъ. Какъ на яркомъ примѣрѣ противорѣчій между національными стремленіями народовъ и ихъ государственнымъ интересами, слѣдуетъ подробнѣе остановиться на сербо-итальянскомъ спорѣ о судьбѣ Адриатическаго побережья Австріи, который предшествовалъ итальянскому выступленію. Сербы, стремясь къ воссоединенію разрозненныхъ сербскихъ племенъ, претендовали чуть-ли ни на все Адриатическое побережье, населенное босняками, герцоговинцами, далматинцами и хорватами, т. е. народностями сербскаго племени, но здѣсь они повстрѣчались съ претензіями иного рода. На большую часть Адриатическаго побережья, примѣрно до Спалато, заявила притязанія Италія, исходящая изъ соображеній историческихъ и стратегическихъ. Во-первыхъ, итальянцы разсматриваютъ Адриатическое море, какъ внутреннее итальянское море, ибо сѣверный его берегъ,—Истрія, Кроація и Далмація—до сихъ поръ носятъ слѣды итальянской культуры, сохранившейся со временъ господства венеціанцевъ и генуэзцевъ, заселившихъ города итальянскимъ элементомъ, а во-вторыхъ, безопасность Адриатическаго берега Аппенинскаго полуострова требуетъ, чтобы противоположная прибрежная сторона, т. е. названныя провинціи, отошли къ Италіи. Такія притязанія Рима тройственнымъ согласіемъ признаны отвѣчающими жизненнымъ интересамъ Итальянскаго королевства, и близко время, когда Адриатическое море превратится „въ итальянское озеро“. Съ осуществленіемъ этой завѣтной мечты многихъ итальянскихъ патриотовъ—Италія теряетъ характеръ строго національнаго государства и превращается въ „государство-национальностей“, ибо къ его латинскому составу будетъ привита довольно большая славянская вѣтвь. Съ другой стороны идеологи „Великой Сербіи“, должны почти навсегда проститься съ мечтой—увидѣть сербскія племена слитыми въ одно государственное цѣлое.

Здѣсь для вождя національнаго движенія—создается трагическая антитеза, вносящая раздвоеніе

въ конечныя цѣли всякаго національнаго движенія. Такой конечной цѣлью для націи является государство, но задачи послѣдняго часто не соотвѣтствуютъ задачамъ первой.

Въ моменты образованія государства изъ разрозненныхъ до тѣхъ поръ національныхъ ячеекъ—приходится рѣшать проблемы безопасности такого государства, и его границы иногда отодвигаются, по стратегическимъ соображеніямъ, до какихъ-либо естественныхъ рубежей: рѣкъ, горныхъ хребтовъ и т. д., хотя бы для цѣли національнаго объединенія такія приращенія были совершенно излишни. Ростъ экономического благосостоянія населенія, развитіе крупной промышленности и, часто связанное съ этимъ, уменьшеніе емкости внутренняго рынка—ведетъ къ поиску виѣшнихъ рынковъ, а послѣднее иногда обязываетъ къ захвату территорій, представляющихъ цѣнность въ видѣ удобныхъ путей сообщенія, необходимыхъ портовъ и опорныхъ пунктовъ. Борьба за политическое вліяніе между сосѣдями тоже обязываетъ зачастую къ захватамъ и имперіалистической политикѣ. Такая линія поведенія вытекаетъ какъ бы изъ самой природы современнаго государства, и нація, поднимавшаяся до степени крупной державы, въ своемъ потокѣ расширенія можетъ разорвать живую ткань другого національнаго тѣла, что неизбѣжно вызоветъ соотвѣтствующій протестъ со стороны приѣшеннаго.

Черезъ всю свою исторію человечество пронесло нетронутою никогда неугасавшую искру національнаго сознанія. Эта искра можетъ перестать горѣть лишь съ исчезновеніемъ племени, поглощеннымъ или истребленнымъ завоевателемъ. Въ нашъ вѣкъ о поглощеніи другихъ народностей можно говорить лишь въ отношенія какихъ нибудь отсталыхъ и малочисленныхъ племенъ, напримѣръ, краснокожихъ въ Канадѣ, но стереть съ лица земли народъ уже осознавшій себя и свои національныя черты, представляется невозможнымъ. Между современнымъ государствомъ, по преимуществу централистическимъ, и отдѣльными націями—его составными частями—идетъ глухая борьба. Государство нынѣшнихъ дней построено въ интересахъ державной націи, его ядра, и, въ большинствѣ случаевъ, совершенно игнорируетъ права національнаго меньшинства. Совмѣстить націю и государство, какъ мы видѣли, по многимъ условіямъ нельзя, а потому вмѣсто теперешнихъ національныхъ государствъ должны возникнуть—государства національностей.

Эволюція въ этомъ направленіи идетъ давно и

исторія привела многоплеменные страны—къ единственному компромиссу между государствомъ и націей—федерациі. При федеративномъ строѣ государства, послѣднее распадается на столько частей, сколько въ немъ есть національныхъ разновидностей. Культурная и политическая автономія племенной группы отдаетъ національныя судьбы въ ея же руки. Централизованное государство старается пригнать всю пестроту своего многоликаго этнографическаго состава подъ одинъ опредѣленный уровень; федеральное государство стремится закрѣпить эту многоликость созданіемъ національныхъ ячеекъ, снабженныхъ атрибутами государственной власти. Швейцарская федерациія въ національномъ отношеніи заключаетъ въ себѣ три группы: нѣмецкую, французскую и итальянскую. Основной ея ячейкой, какъ извѣстно, является кантонъ, вѣдающій національные интересы своего населенія, а руководство всей страной принадлежитъ федеральному совѣту. Такая система, какъ мы видимъ на примѣрѣ Швейцаріи, парализуетъ національную вражду составныхъ частей государства, и тѣ же нѣмцы, французы и итальянцы, нынѣшніе смертельные враги, живутъ мирно бокъ-о-бокъ и болѣе всего думаютъ о благѣ своей родины. Национальная группа, случайно отколовшаяся отъ основнаго ядра, какъ швейцарскіе французы, будутъ стремиться къ воссоединенію съ нимъ лишь въ томъ случаѣ, если государство, имъ руководящее, станетъ стремиться ее денационализировать. Такъ болгары Салоникъ, боясь эллинизации, думаютъ о воссоединеніи съ Болгаріей, а голландцы Трансваала держатся за государственную связь съ Британіей, ибо национальной судьбѣ буровъ не угрожаетъ никакая опасностьъ отъ этой связи.

Въ отвѣтственный моментъ нынѣшней войны слѣдуетъ вернуться къ этому „неизжитому вопросу“ о судьбахъ націй и государствъ, ибо даже эта война, ведущаяся подъ флагомъ національной свободы, не можетъ создать строго національныхъ государствъ, а въ иныхъ случаяхъ грозитъ увеличить пестроту существующихъ. Очевидно одно—примирить народы смогутъ лишь федерациі, гдѣ каждому есть мѣсто, гдѣ государство держится не силой принужденія, а глубокой внутренней связью взаимныхъ выгодъ, гдѣ оно можетъ возрости до гигантскихъ размѣровъ „имперіи, въ которой не заходитъ солнце“, какъ гордо говорятъ англичане о своей родинѣ, въ то же время оставаясь истинной матерью для всѣхъ своихъ сыновъ.

П. Черкасскій.

Война и задачи коопераціи.

К. Пажитновъ.

Среди грандіозныхъ столкновеній и кровопролитныхъ боевъ закончился первый годъ безпримѣрной въ лѣтописяхъ исторіи войны, начался второй—и теперь уже для всѣхъ видно, какого огромнаго напряженія силъ потребуетъ она отъ общества, и какъ велики и сложны выдвигаемая ею задачи. Для успѣшнаго разрѣшенія ихъ, силъ одного правительства не можетъ быть достаточно, какъ это показалъ печальный опытъ истекшихъ 12—14 мѣсяцевъ. Война всколыхнула народную жизнь сверху до низу, и только творческія силы самого народа могутъ наладить ее вновь, при новыхъ условіяхъ, и внести порядокъ въ ту сумятицу и хаосъ, который сталъ обнаруживаться особенно замѣтно въ послѣднее время. Мысль о необходимости пробужденія самодѣятельности и организаціи народныхъ силъ возникла уже съ первыхъ дней войны.

Первымъ выраженіемъ этой мобилизаціи общественныхъ силъ явилось у насъ образованіе всероссійскаго земскаго и городского союзовъ, съ постепенно все болѣе и болѣе расширяющимися задачами. Затѣмъ, въ связи съ обнаруженіемъ недостатка военныхъ припасовъ и предметовъ военного снаряженія, началась такъ назыв. мобилизація промышленности, и стали образовываться повсемѣстно губернскія военно-промышленныя организаціи съ центральнымъ комитетомъ во главѣ. Однако эта мобилизація общественныхъ силъ, въ значительной мѣрѣ является односторонней, ибо охватываетъ только средніе классы, представляющіе интересы землевладѣнія и капитала, и не проникаетъ, слѣдовательно, въ глубь народной жизни. Вполнѣ своевременнымъ является поэтому образованіе центральнаго кооперативнаго комитета, который долженъ послужить центромъ объединенія трудовыхъ, демократическихъ элементовъ, и быть выразителемъ нуждъ, взглядовъ и настроеній народныхъ массъ. На ближайшее время этимъ центральнымъ кооперативнымъ комитетомъ намѣченъ слѣдующій планъ дѣятельности. 1) Прежде всего необходимо озаботиться организаціей уѣздныхъ и другихъ мелко-районныхъ кооперативныхъ комитетовъ, а затѣмъ—губернскихъ и областныхъ. Цѣлый рядъ такихъ комитетовъ уже организованъ, а въ другихъ мѣстахъ идутъ необходимыя, подготовительныя работы, (таковы напр., Московская, Петроградская, Ярославская, Костромская, Тульская, Воронежская, Рязанская, Вологодская, Тверская, Харьковская и др. губерніи). 2) Наряду съ этой организаціонной работой Центральный Кооперативный Комитетъ предполагаетъ сосредоточить свои силы въ ближайшее время на слѣдующихъ задачахъ: а) снабженіе и снаряженіе арміи. Въ этомъ отношеніи главное вниманіе должно быть удѣлено вопросу о привлеченіи кустарей къ работѣ на армію. Достигнуть этого возможно расширеніемъ

работы существующихъ кустарныхъ артелей, образованіемъ новыхъ и привлеченіемъ къ дѣлу другихъ кооперативныхъ организацій,—кредитныхъ, потребительныхъ и пр., которыя могли бы взять на себя раздачу работы окружающимъ кустарямъ. Центральн. Коопер. Комитетъ беретъ на себя сношенія съ другими общественными организаціями, работающими въ дѣлѣ снабженія арміи, и заботится объ устраненіи всѣхъ препятствій, тормозящихъ работу губернскихъ кооперативныхъ комитетовъ. Затѣмъ кооперативы могли бы сыграть крупную роль въ дѣлѣ снабженія арміи продуктами сельскаго хозяйства: хлѣбомъ, масломъ и т. д. Однако, въ настоящее время, нѣкоторые уполномоченные главнаго управленія землеустройства и земледѣлія систематически обходятъ мѣстныя кооперативныя организаціи, предпочитая частныхъ поставщиковъ. Считаая такое отстраненіе кооперативовъ совершенно недопустимымъ, Центральный комитетъ намѣренъ самымъ энергичнымъ образомъ бороться съ этимъ явленіемъ; для выясненія же политики г.г. уполномоченныхъ, на мѣстахъ предполагается произвести спеціальную анкету. б) Снабженіе населенія городовъ и промышленныхъ центровъ продуктами первой необходимости, борьба съ дороговизной и организація экономической жизни страны. Въ этихъ видахъ необходима цѣлая система мѣръ и самое тѣсное сотрудничество кооперативныхъ комитетовъ съ городскими и земскими союзами. в) Поддержаніе хозяйства ушедшихъ на войну и помощь жертвамъ ея. Въ настоящее время, въ связи съ значительнымъ продвиженіемъ противника въ глубь страны, особенно обострился вопросъ о помощи бѣженцамъ и выселенцамъ. Центральный Кооперативный Комитетъ предполагаетъ обратиться къ кооперативамъ съ особымъ воззваніемъ о сборѣ пожертвованій въ ихъ пользу. Кромѣ того, кооперативы могли бы дать приютъ, хлѣбъ и работу большому числу семей бѣженцевъ. Въ районахъ дѣятельности кооперативовъ несомнѣнно имѣются свободныя помѣщенія, которыя могли бы быть приспособлены для расселенія бѣженцевъ; кооперативные комитеты могли бы взять на себя заботу о снабженіи этихъ семей всѣмъ необходимымъ—за счетъ мѣстныхъ средствъ или правительственнаго пособія, а также озаботиться пріисканіемъ работы для трудоспособныхъ членовъ семей бѣженцевъ. Наконецъ, кооперативныя организаціи, особенно тѣ изъ нихъ, которыя занимаются исполненіемъ заказовъ для нуждъ арміи, могли бы вѣроятно дать занятіе большому числу бѣженцевъ, и такимъ образомъ облегчить имъ содержаніе ихъ семей. 3) Кромѣ того, на первую же очередь выдвигается проведеніе черезъ Государственную Думу законопроекта о кооперативныхъ товариществахъ и ихъ союзахъ (объ этомъ законопроектѣ мы говорили

въ предшествующемъ № журнала). Благодаря усилямъ центральныхъ кооперативныхъ учреждений Москвы и Петрограда, законопроектъ этотъ былъ встрѣченъ сочувственно и ему обеспечено большинство въ Государственной Думѣ.

Успѣхъ начатаго дѣла по организаціи всероссійскаго союза кооперативовъ для разрѣшенія задачъ, выдвинутыхъ войною, будетъ зависѣть, конечно, отъ той поддержки, которую встрѣтитъ Центральный Кооперативный комитетъ на мѣстахъ. Нужно не только покрыть всю Россію сѣтью кооперативныхъ комитетовъ, но и установить между ними живую связь.

Конечно — говорить въ своемъ воззваніи Центральный Кооперативный Комитетъ — можетъ встрѣтиться въ нашей работѣ много препятствій; но намъ не первый разъ приходится ихъ преодолевать, и мы найдемъ силы съ ними справиться... Мы создали великое народное движеніе съ 35 тысячами товариществъ и съ 10 милліонами членовъ. ...Въ тяжелую

годину народнаго бѣдствія, всѣ живыя силы народа должны воспрянуть на общее дѣло“...

Трудовые демократическіе элементы должны употребить всѣ свои усилія къ тому, чтобы при наблюдающемся нынѣ разстройствѣ народно-хозяйственной жизни страны были приняты во вниманіе и надлежащимъ образомъ обеспечены интересы народныхъ массъ, и чтобы тяготы войны распредѣлялись болѣе или менѣе равномерно между высшими и низшими классами, соразмѣрно ихъ имущественной обеспеченности. И однимъ изъ главныхъ средствъ къ достиженію этой цѣли является планомѣрное объединеніе всѣхъ многотысячныхъ, но разрозненныхъ нынѣ, кооперативныхъ ячеекъ, которое бы сливало маленькіе ручейки, скромно журчащіе на мѣстахъ, въ широкій и мощный потокъ, видный и слышный на всемъ пространствѣ страны, отъ одного конца до другого.

К. Пажитновъ.

Противорѣчія современнаго земства.

Борисъ Фромметтъ.

Для тѣхъ, кто сомнѣвался въ силѣ и значеніи земства, современная война оказалась безпощадной учительницей.

Съ помощью земства выросли госпитали; земскіе люди отравились ухаживать за ранеными на передовыя позиціи и жертвовали своими жизнями, чтобы спасти жизни другихъ; земство же, сколько могло, приходило на помощь населенію, оставшемуся дома — и такъ нуждавшемуся во всевозможной, самой разнообразной помощи — въ тяжелые трудные дни безпримѣрной войны.

Помощь раненымъ въ значительной мѣрѣ легла на земство, и, тѣмъ не менѣе, Всероссійскіе Союзы земствъ и городовъ прекрасно справились со своей задачей. Передаютъ, что виднѣйшіе бюрократы выражали удивленіе, съ какой быстротой земскіе люди справились съ колоссальными, неожиданно выросшими передъ ними задачами.

Оказалось, что русскій талантъ, если ему не мѣшаютъ и даютъ только проявляться, работаетъ съ меньшими результатами, чѣмъ германская организованность.

Успѣхи Всероссійскаго Земскаго Союза, дѣйствительно, почти безпримѣрны.

Лишь 25 іюля 1914 года Московская губернская управа предложила экстренному собранію создать общеземскую организацію помощи раненымъ. 30 іюля состоялся съѣздъ представителей земствъ, который конституировалъ общеземскій союзъ, и къ союзу тогда же примкнули 42 губерніи. А къ 15 ноября, т. е. всего спустя 3½ мѣсяца, черезъ распредѣлительные пункты эвакуаціоннаго отдѣла общеземскаго союза

прошло 200 тысячъ нашихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ и 20 тысячъ плѣнныхъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что возможную силу объединенаго земства реакціонеры учитывали уже давно. Когда Д. Н. Шиповъ еще во время русско-японской войны дѣлалъ первые шаги въ сторону созданія общеземской организаціи, „Московскія Вѣдомости“ утверждали, яко бы Д. Н. Шиповъ „вноситъ политику въ святое дѣло помощи больнымъ и раненымъ“.

Та же узость взглядовъ ощущалась и въ дни настоящей войны. Всероссійскій Земскій Союзъ, правда, допустили помогать раненымъ, но не ему поручили поставки на армію, не съ нимъ считались. Каковы были результаты этого, говорить не нужно... Если же мы вспомнимъ, что съ труднѣйшимъ дѣломъ помощи раненымъ Всероссійскій Союзъ блестяще справился, то придется признать: объединенныя земства сѣумѣли бы справиться и съ иными задачами лучше чиновниковъ (напримѣръ, въ области поставокъ на армію, дѣятельность Земскаго Союза была бы плодотворнѣе и окрашена другимъ цвѣтомъ, нежели дѣятельность интендантовъ). Поручкой этому должна служить также и 50-лѣтняя исторія земства.

Въ 1868 г. земскіе расходы составляли всего 14½ милл. рублей, въ 1890 г. — 45 милл. руб., въ 1902 г. — 90 милл., въ 1907 г. — 123 милл., а въ 1912 г. — 220 милл. Къ началу же 1914 года, расходы земствъ 34 старыхъ губерній превысили 250 милл. руб.; съ расходами же новыхъ земствъ сообщенія; за послѣдніе же годы — ростъ земской земскихъ школъ, земской медицины, улучшеніе путей

Этотъ ростъ земскихъ бюджетовъ означаетъ ростъ достигли 300 милл. рублѣй.

агрономіи и содѣйствіе земства крестьянскимъ кооперативамъ.

Введеніе земства для крестьянъ, не знавшихъ послѣдняго, обычно играетъ необычайно важную просвѣтительно-общественную роль.

Какъ-то въ „Волынской Почтѣ“ я встрѣтилъ замѣтку, посвященную подобному явленію. Авторъ статьи писалъ: „Десять лѣтъ тому назадъ волынской крестьянинъ ничѣмъ не интересовался. Онъ зналъ только снимать шапку передъ паномъ и передъ почтовымъ колокольчикомъ. Но пришли другія времена... и крестьянинъ получилъ земство. Правда, земство не идеаль, но оно хотя отчасти сдѣлало одушину въ его существованіи, давшю ему возможность почувствовать себя участникомъ жизни не только своей клуни, но и цѣлаго уѣзда, цѣлой губерніи. Крестьянинъ пошелъ гласнымъ въ земскія управы. Деревню наводнили агрономы, инструктора, техники. Крестьянинъ проснулся. И сразу инымъ языкомъ заговорила бѣдная, глухая, забитая волынская деревня“...

Таковы положительныя стороны земства.

Но много есть у земства и отрицательнаго, иногда прямо противоположнаго тому, о чемъ говорилось только что.

Если земство поневолѣ воспитываетъ крестьянъ, то современное земство часто стремится воспитать ихъ какъ можно меньше, оставляя въ сторонѣ отъ близкаго участія въ самоуправленіи.

Для характеристики создаваемаго положенія я воспользуюсь словами члена Гос. Думы В. И. Дзюбинскаго, который въ одной изъ своихъ статей писалъ въ журналѣ „Крестьянское земледѣліе“:

„Если государственное управленіе въ настоящее время сосредоточено и находится въ рукахъ господствующаго дворянскаго сословія, то еще большее значеніе имѣетъ этотъ классъ помѣщиковъ въ самоуправленіи мѣстномъ. Вся конструкція современнаго земства построена на преобладаніи гласныхъ дворянъ-помѣщиковъ численностью. Въ большинствѣ уѣздовъ число гласныхъ дворянъ на нѣсколько головъ (приблизительно на одну четверть общаго состава) превышаетъ число гласныхъ отъ крестьянъ и разночинцевъ, въ частности же крестьянамъ принадлежитъ одна четверть мѣсть въ земскомъ самоуправленіи. Въ то же время при выборѣ гласныхъ крестьянъ примѣняются тройные выборы. Въ началѣ избираются десятидворные на волостной сходѣ, затѣмъ волостной сходъ избираетъ уполномоченныхъ, и уже уполномоченные избираютъ изъ своей среды опредѣленное закономъ число гласныхъ. Самые выборы произво-

дятся безо всякой подготовки къ нимъ населенія, а потому говорить о какой-либо избирательной кампаніи земскихъ гласныхъ не приходится. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне къ выборамъ земскихъ гласныхъ относятся безучастно и чисто механически избираютъ удобныхъ начальству волостныхъ старшинъ, писарей и другихъ лицъ изъ среды самого населенія“.

За этой главной причиною недостатковъ земства идетъ рядъ другихъ, порожденныхъ ею. Земскіе служащіе не всегда въ достаточной мѣрѣ охотно откликаются на запросы крестьянъ; мало развиты такія организаціи, какъ школьныя и санитарныя попечительства, въ которыхъ крестьяне могли бы направлять работу школы или больницы своей деревни, родного села.

Административное вмѣшательство идетъ рука объ руку съ преобладаніемъ въ земствѣ помѣщиковъ, иногда раззорившихся, почти обнищавшихъ, но по прежнему въ земскомъ управленіи играющихъ роль руководителей и опекуновъ крестьянства.

Они налагаютъ извѣстный отпечатокъ на всѣ земскія начинанія. Возьмемъ хотя бы земскія газеты. Что можетъ быть необходимѣе и полезнѣе газеты для крестьянъ, посвященной мѣстнымъ нуждамъ и издаваемой не частнымъ предпринимателемъ, а земствомъ. Земскія газеты (особенно еженедѣльныя) приносятъ, дѣйствительно, огромную пользу. Но нерѣдко, подъ давленіемъ управы, работники земской печати дѣлаютъ ихъ суше, менѣе занимательными, потому что опасаются иные управцы, — „какъ бы чего не вышло“... И не административныхъ осложненій даже боятся они, а того, что крестьяне проявятъ большій интересъ къ земству, большую активность, а тогда...

„Васнѣ эту можно бы и болѣе пояснить, да чтобъ гусей не раздражить“...

Гордѣвъ узелъ противорѣчій современнаго земства, надо надѣяться, скоро будетъ разрубленъ самою жизнью.

Расширеніе избирательнаго права, введеніе мелкой земской единицы, реформа земства — приблизятъ наше мѣстное самоуправленіе къ той деревнѣ, которой оно должно служить.

Только тогда расцвѣтетъ земство, и лишь тогда 50-лѣтній опытъ дастъ тѣ блестящіе всходы, первые ростки котораго, хоть и пробивающіеся съ великимъ трудомъ, можно было замѣтить въ дѣятельности Всероссийскаго Земскаго Союза.

Борисъ Фромметтъ.

Вѣчная поэзія *).

Статья М. Моравской „Волнующая поэзія“, помѣщенная въ августовскомъ номерѣ „Н. Журнала для всѣхъ“ настоятельно требуетъ возраженій. Если-бы это былъ рефератъ, прочитанный передъ поэтами и критиками, т. е. людьми живущими въ литературѣ, то дѣло обстояло бы иначе—тамъ возраженій было бы, быть можетъ, даже слишкомъ много. Статья же обращается къ читателю, т. е. человѣку случайному въ словесномъ искусствѣ, которому, и безъ этой статьи, много твердили о пагубности эстетизма, о „лиловыхъ туманахъ“ и прочихъ жупелахъ и пугалахъ обывательщины. Въ силу этого я и хочу сказать нѣсколько словъ о „волнующей поэзіи“, какъ ее понимаетъ М. Моравская.

На первомъ планѣ М. Моравская ставитъ упрощенную сюжетику „новой“ поэзіи, забывая о томъ, что кромѣ музеевъ и дворцовъ есть церкви, громадныя и пышныя соборы, въ которыхъ молятся и скорбятъ десятки тысячъ очень конкретныхъ людей. Переживанія ихъ, какъ и муки Мармеладова, Раскольникова или Алеши Карамазова далеко не примитивны, не жазненны въ смыслѣ „ошупыванія руками“. Вообще надо сказать, что руки, да и весь физиологическій аппаратъ человѣка, очень плохой критерій истинности и подлинности—величайшія тревоги человѣка невѣсомы и, конечно, муки Гамлета и Бориса Годунова много страшнѣе всяческихъ ощутимыхъ и несомнѣнныхъ язвъ.

Одной изъ выдающихся особенностей „новой“ поэзіи М. Моравская считаетъ „одухотворенность обычныхъ вещей“. Каюсь въ одномъ—одушевление всего сущаго казалось мнѣ извѣчнымъ признакомъ всякаго творчества, а не одной „волнующей“ поэзіи. Творчество Перваго Художника и состояло въ томъ, что въ хаосъ, предмірную косность, Онъ вдувалъ душу живу. И съ тѣхъ поръ художники, эти юроды, посвященные благодатью созидающаго духа, постоянно одухотворяли все взятое ими въ руки. Надо ли напоминать о томъ, какъ живы вещи у Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, какія мелочи озаряетъ влюбленнымъ пѣніемъ Фетъ, какъ изъ обыденности строить сказку Блокъ? Думаю, что тутъ споры немыслимы—тамъ, гдѣ нѣтъ живыхъ вещей, тамъ только каталогъ, тамъ нѣтъ творца.

Дальнѣйшее отличіе „волнующей“ поэзіи—ея ритмъ и „близость его къ музыкѣ“. Мнѣ хотѣлось бы счи-

тать послѣднія слова просто обмолвкой—во-первыхъ куда же спрячь г-жа Моравская музыку Пушкина, Фета, Блока, аллитераціи Сологуба, въ родѣ слѣдующихъ:

Вѣлѣй лилей, алѣе лала
Вѣла была ты и ала.

музыку, на самомъ дѣлѣ сливающую слово со звукомъ? А во вторыхъ—въ чемъ смыслъ этой аналогіи? Современная музыка пользуется ритмами какими угодно—Римскій-Корсаковъ, во многомъ обязанный Вагнеру и французамъ, беретъ богослужебныя ритмы, и оттого его мистерія о Китежѣ становится еще глубже, таинственнѣе и значительнѣе, хотя авторъ ея и былъ типичнымъ современнымъ музыкантомъ.

„Классическое стихосложеніе связываетъ современную лирику“—увѣряетъ М. Моравская. Еще со времени Державина русскій стихъ приобрѣлъ полную свободу и независимость отъ школьной указки—походъ противъ „классицизма“ кажется мнѣ лично, послѣ завоеваній Бальмонта, Кузмина, Фед. Сологуба и Вяч. Иванова, нѣсколько запоздалымъ и бесполезнымъ.

Кромѣ того, неужели форма такъ владѣетъ художникомъ, а не наоборотъ? Примѣромъ можетъ служить книга тріолетовъ Сологуба, превратившаго старинную полузабытую форму въ источникъ новыхъ наслаждений и, написанная гекзаметрами „Попада“ Павла Радимова—исключительная по яркости и искренности поэма, рисующая столь любезный М. Моравской повседневному бытъ.

Въ дальнѣйшемъ утверждается, что „волнующая“ поэзія народна, такъ какъ приближается къ современной частушкѣ. Вопросъ о частушкѣ и ея художественномъ значеніи весьма споренъ; я лично склоненъ отнести къ ней отрицательно, какъ къ порожденію фабрично-мѣщанскаго уклада, принесеннаго въ деревню вмѣстѣ съ „кадрелью“ и прочими прелестями нашихъ дней. Самому мнѣ неоднократно пришлось въ поѣздкахъ по сѣверу Россіи слушать частушки въ сельской обстановкѣ, и онѣ всегда возмущали меня своей плоской кощунственностью среди мистической, единственной по глубинѣ и очарованію сѣверной природы.

Мнѣ купи, папа, галоши
Дешевыя рубля въ два,
Безъ галошъ гулять не буду:
Не семи годочковъ я.

Очень весело горитъ
Лампа съ абажурикомъ.
Не велятъ дома сидѣть
Съ дролечкой мазурикомъ.

Тятка съ мамкой волотыя,
Половину чугуна;
Приведу дролю на домъ
Тятка съ мамкой фигу на.

*) Редакція, не согласная въ цѣломъ съ мыслями, высказанными авторомъ статьи „Вѣчная поэзія“, въ особенности съ его рѣзко отрицательной оцѣнкой современной народной частушки, все-таки нашла возможнымъ помѣстить упомянутую статью, считая, что въ виду современности затронутой Маріей Моравской темы, читателю „Н. Ж. для Всѣхъ“ будетъ интересно ознакомиться и съ иными взглядами на задачи и характеръ поэзіи, существующими въ средѣ „поэтовъ послѣдняго привыва“.

Тятка съ мамкой все бранятся:
 Стала лишняя у нихъ,
 Богъ бы далъ мнѣ выбрать пару,
 Наплерала бы на нихъ.
 Не любишь, такъ выплевать:
 Безъ тебя найдется пятъ.
 Неужели изъ пяти
 Такой дрянн не найти?

(„Народныя пѣсни Тотемскаго у. Вол. губ.“), собр. свящ. Оеод. Малевенскимъ и „Жизнь крестьянской дѣвушки сѣверянки по народнымъ частушкамъ“ статья В. М. Симакова „Изв. Арх. о-ва изуч. русскаго сѣвера“ № 7 1911).

Вотъ наудачу взятые образчики современнаго народнаго творчества, къ которымъ приближается столь восхваляемая М. Моравской „волнующая поэзія“. Я думаю, что примѣры слишкомъ убѣдительны, чтобы приходилось еще много доказывать—и содержаніе, и наянливая, гармошечная форма, и кухарочно-шофферскій ихъ жаргонъ ясно говорить „когого духа“ онѣ, откуда идутъ и чего стоятъ.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько общихъ словъ о конкретности въ поэзіи и новаторствѣ М. Моравской.

Стремленіе конкретизировать искусство, въ смыслѣ приближенія его къ фотографіи и граммофону, существуетъ давно; у насъ въ Россіи оно, какъ и все, оплошь да рядомъ чрезвычайно остро и буйно—своего рода „вселенская смазь“ исторіи искусства. Стоитъ ли говорить о томъ, что метафизическая сущность творчества непоколебима—что отъ псалмовъ и пророчествъ, черезъ дивныя средніе вѣка и ажурный, изумительный по своимъ тайнамъ, романтизмъ, мы донесли огонь Божьей лампы до нашихъ дней.

Всякая борьба въ этой области бесполезна—преклоненіе передъ мистической красотой присуща человѣку такъ же конкретно и извѣчно, какъ дыханіе и жажда. Деревня, создавшая частушку, забыла псалмы и еще не услышала Пушкина.

Порой опять гармоніей упоюсь,
 Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

Когда она вспомнить первое и узнаетъ второе, тогда къ ней опять вернется способность настоящаго, истиннаго творчества, творчества создавшаго сказки и пѣсни прежнихъ лѣтъ. Видѣть въ частушкахъ душу народа, значить не любить его, а главное, не уважать. У народной души свои тайны—пусть сейчасъ для нихъ не найдено еще языка, не въ частушкахъ намъ его искать надо, а ждать и молиться о раскрытіи сердца народнаго.

Относительно „новизны“ сказаннаго М. Моравской, скажу лишь слѣдующее—меня поражаетъ жажда чего-либо новенькаго у современныхъ писателей. Достоевскій писалъ какъ-то: „Всѣ мы самосочиняемся“. Я думаю, что процессъ „самосочиненія“ и долженъ занимать писателя—все, что ведетъ меня къ самооткровенію, къ продолженію себя еще на главу, и есть оригинальность и современность. Такимъ образомъ упраздняется значительность какихъ-либо „измовъ“; — „измъ“ является *post factum*, а не сочиняется въ качествѣ знамени, водружаемаго надъ школой—пустымъ домомъ, безъ оконъ и дверей, гдѣ еще пахнетъ известкой и краской. Только этимъ путемъ художникъ создаетъ новое, истинно національное и всемірное, достигаетъ великихъ вершинъ, съ которыхъ и видить весь Божій міръ, и въ малости его, и въ радостномъ, прекрасномъ величіи.

Димитрій Крючковъ.

О волнующей поэзіи.

(Отвѣтъ на статью М. Моравской).

Свою замѣтку „Волнующая поэзія“ (Нов. Журн. для всѣхъ, № 8) г-жа М. Моравская начинаетъ съ утвержденія, „что въ послѣдніе годы на с м ѣ н у *) символизма возникаетъ новое поэтическое движеніе,—это поэзія конкретная, близкая къ жизни, близкая каждому будничному дню“. Думается, что врядъ ли возможно теперь намъ говорить о с м ѣ н ѣ символизма. О сущности символизма писалось и говорилось уже достаточно, и мнѣ только придется повторить, что всякое истинное произведеніе поэзіи—символично. Символь въ поэзіи—величина постоянная. Это ея душа. Символисты—Вальмонтъ, Андрей Вѣлль, символисты—Пушкинъ, Тютчевъ, Гете. Близко или далеко отъ будничныхъ дней будетъ стоять поэзія, будутъ ли ея темами—„Демонъ“, „Аэропланъ“ или „Фабрика“,—образы истинной поэзіи всегда будутъ символами.

*) Курсивъ ведѣ мой. Н. А.

Долгъ поэта—быть правдивымъ въ своемъ творчествѣ, его дѣло—искать настоящія имена для явленій міра. Никакого опредѣленнаго круга тамъ для поэзіи указать нельзя. Поэтъ прежде всего свободенъ. Конечно, это—старая истина, и если я ее повторяю, то только потому, что въ замѣткѣ г-жи М. Моравской вижу посягательство на эту законную свободу. Что же касается до темъ „повседневной жизни“—развѣ это такъ ново? Не было ли этой „повседневности“ въ стихахъ тѣхъ же отвергаемыхъ символистовъ?

„Современная лирика уже не гонится за патентованной красотой, она чужда эстетства, ни музеевъ ни дворцовъ въ ней не увидите“,—пишетъ г-жа Моравская. На это можно возразить тѣмъ, что каждый поэтъ, отыскивая настоящія имена для явленій міра, находитъ свою красоту и отвергаетъ „патентованную“, если принять это опредѣленіе. Что же касается до дворцовъ и музеевъ, которыхъ

не увидишь въ новой поэзіи, то г-жа Моравская противорѣчитъ себѣ, ибо нѣсколько ниже пишетъ: „И все разнообразіе міра, вся современность и прошлое, война и миръ, гроза и тишина, кушолъ церкви и мохъ на землянкахъ, все это входитъ въ современную поэзію, если отражаетъ волненіе души“. Съ этимъ положеніемъ, конечно, трудно не согласиться. Здѣсь поэзіи дана законная свобода, при которой, и дворцы, и музеи, и даже эстетство—все можетъ имѣть мѣсто.

Поэты „последняго призыва“ по словамъ г-жи Моравской „не описываютъ жизни, они даютъ ее почувствовать. Образы сами по себѣ для нихъ не существуютъ, они важны лишь какъ выразители душевнаго волненія автора. Но вѣдь и поэты „блѣлыхъ призывовъ“ не ставили себѣ цѣлью описывать жизнь, ибо задача эта вообще чужда истинному искусству. А „образы сами по себѣ“ не существуютъ ни для одного поэта въ мірѣ.

„Душу и ея волненія изображаютъ поэты послѣдняго призыва. Самыми конкретными образами они говорятъ о самомъ ирреальномъ, о душевномъ волненіи“, пишетъ г-жа Моравская, опять-таки забывая, что это и есть путь всякой поэзіи. А образы символическіе и есть самые конкретные и въ многогранности своей говорятъ о самомъ ирреальномъ.

Но, забывая о символизмѣ, г-жа Моравская все-таки не можетъ не сказать, что въ изображеніи новой поэзіи „всѣ обыденные предметы глубоко романтичны“. Не является ли такое понятіе романтизма неудачной замѣной символизма?

Покончивъ съ опредѣленіемъ сущности новой поэзіи, г-жа Моравская переходитъ къ ея формамъ и говорить, что классическія тѣсныя рамки ямбовъ и хореевъ связываютъ новую поэзію. Воспользуясь опять старой истиной и повторю: форма и содержаніе неотдѣлимы. Дѣло поэта облечь то или иное стихотвореніе въ нужную форму. Естественно, что воплѣвъ приемлемымъ будетъ поэтъ, который совсѣмъ откажется отъ старыхъ классическихъ формъ и создастъ свои, новыя. Искателей всегда только можно приѣтствовать! Но бѣда въ томъ, что поэты „последняго призыва“ въ исканіяхъ новыхъ формъ — про-

должатели. Г-жа Моравская сама ссылается на стихи Тютчева, написанные освобожденнымъ метромъ. Такимъ неравностоящимъ стихомъ уже давно писалъ Гейне, а у насъ А. Блокъ и Вячеславъ Ивановъ („Пѣсни изъ лабиринта“). Точно также далеко не новыми являются и ассонансы.

Совершенное же недоумѣніе вызываетъ слѣдующее утвержденіе г-жи Моравской: „Классическое стихосложеніе подходитъ для эпоса, для описанія красивыхъ вещей, для спокойныхъ стиховъ“. А развѣ классическое стихосложеніе не подошло для лирики Пушкина или Фета? Только ли красивыя вещи описывалъ, напр., Случевскій? И развѣ такъ спокойны стихи въ изображеніи хотя бы „Полтавской битвы“?

Такое же недоумѣніе вызываютъ и заключительныя строки статьи г-жи Моравской о томъ, „что возникающая въ послѣдніе годы поэзія — коренное русское движеніе, а не „Прекрасная иностранка“, какой была въ Россіи поэзія эстетовъ“.

Я не знаю, какихъ эстетовъ М. Моравская имѣетъ въ виду, но муза русскихъ поэтовъ всегда была русской! Мысль эта для меня настолько ясна и очевидна, что для подтвержденія ея не хочется прибѣгать ни къ какимъ доказательствамъ. Если же въ послѣдніе годы поэзія и появлялась въ образѣ „Прекрасной иностранки“, то это было слишкомъ мимолетно, чтобы мы навсегда признали ее таковой. Поэзія—коренное русское движеніе еще съ Пушкина, муза котораго „счастливо встрѣтилась съ поэзіей народной“.

За послѣдніе годы мы были свидѣтелями немовѣрно-быстраго возникновенія поэтическихъ школъ: одна смѣняла другую. (Вспомнимъ акмеизмъ, футуризмъ и пр.). Статья г-жи Моравской является въ нѣкоторой степени тоже маленькимъ манифестомъ (или по-крайней мѣрѣ носитъ черты его) новой поэтической школы. Но такъ ли нужны всѣ эти групповыя, часто очень мелкія, подраздѣленія? И когда насъ коснется живой токъ по длинной волнующей поэзіи, намъ все равно къ какому толку или поколѣнію принадлежалъ поэтъ, по какому методу создано его твореніе.

Николай Ашукинъ.

Сентябрь, 1915 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Георгій Ивановъ. „Памятникъ Славы“, Стихотворенія. Петроградъ, изд. „Лукоморье“, стр. 79. ц. 1 р.

Литературное дарованіе Г. Иванова представляется намъ столь-же несомнѣннымъ, какъ и скромные размѣры этого дарованія. Такія стихотворенія, какъ „Рождество въ скиту“ или „Суженый“, созданы настоящимъ поэтическимъ чувствомъ.

„Ну, крещенское гаданье,
Ты гляди, не обмани!“

говоритъ поэтъ, и этими словами тонко и вѣрно

передаетъ задорно-интимное настроеніе гадающей дѣвушки. Еще лучше заканчиваетъ онъ это-же стихотвореніе:

„Блѣлый крестикъ на груди...
Милый, шибче иди!
Я ждала тебя давно,
Заживемъ, какъ суждено!“ (Стр. 68).

Такихъ подлинно-живыхъ строкъ въ его книгѣ не мало; къ сожалѣнію, гораздо меньше у него стихотвореній, которыя въ цѣломъ звучали бы такъ же хорошо. Очевидно для этого Г. Иванову не хватаетъ ни-

поэтической силы, ни вкуса. Но первая еще можетъ у него вырасти, а второй развиться и облагородиться. Въ послѣднемъ качествѣ Г. Ивановъ особенно нуждается, о чемъ ясно говорятъ его стихи, посвященные настоящей войнѣ, напр.:

„Германія! Союзники твои—
Насиліе, предательство, да плети!
Въ развалинахъ Лувенъ и Шантильи,
Горятъ книгохранилища столѣтій“ (стр. 21)

Сколько-нибудь развитый вкусъ не только помѣшалъ бы поэту напечатать такіе „стихи“, но даже не позволилъ бы ему и написать ихъ. Невольно также бросается въ глаза слѣдующій двусмысленный образъ:

„Сраженный въ сердце, рухнетъ Каинъ
И Абель мечъ отброситъ свой!“ (Стр. 22).

Абель, убивающій Каина,—это что-то не библейское и врядъ-ли „замысловатость“ этого образа прикрываетъ собой мысль разумную.

Если Г. Ивановъ будетъ относиться къ жизни съ большей глубиной и любовью, то мы увѣрены, что онъ дастъ читателямъ книги, болѣе значительныя и менѣе неровныя, чѣмъ „Памятникъ Славы“.

Александръ Тиняковъ.

Александръ Журинъ. Радостный кругъ. 2-я книга стиховъ. К-во „Новая жизнь“. м. 1915, ц. 1. 25 к.

Въ творчествѣ А. Журина есть крупное достоинство: почти всѣ его стихи оправданы внутренней страстностью, истиннымъ волненіемъ. Мировоззрѣніе автора опредѣляется заглавіемъ; оно неглубоко, какъ всякій оптимизмъ. Поэтъ самонадѣянно восклицаетъ:

„Мой духъ не знаетъ надъ собой
Ни власти Бога, ни народа“...

Изрѣдка г. Журинъ явно поддается чужимъ воздействиямъ. Такъ, „Сонеты-акrostихи“, „Монологъ“, „Письмо къ А. М. П.“ можно приписать Сергѣю Соловьеву. На нѣкоторыхъ стихахъ (напр., „Въ кафешантанѣ“) замѣтно внѣшнее вліяніе Игоря Свверянина. Намъ запомнилось безслорно значительное стихотвореніе „Метеоръ“, красивые и довольно самостоятельные трюлеты, а также милые и нѣжные стихи—„Городокъ“, „Элегія“ и нѣкоторые другіе.

Иин. Оксеновъ.

Мих. Долиновъ. Радуга. Элегія, идилліи, буколички, оды и мадригалы. К-во „Лукоморье“. П. 1915. ц. 75 коп.

Книга М. Долинова—прежде всего книга большой культурности: Парни, Тютчевъ и Вячеславъ Ивановъ воспитали поэта со стороны формы. Впрочемъ, „Тайныя розы“ Вяч. Иванова у г. Долинова потеряли свою таинственность... Въ первомъ же стихотвореніи М. Долиновъ говоритъ:

„... И только радуги холодной
Въ душѣ останется стезя“...

— И точно легкимъ холодкомъ вѣетъ на читателя отъ прихотливыхъ стиховъ, заключенныхъ въ изящную книжкѣ. Мы надѣемся, что М. Долиновъ современемъ освободится отъ своей, въ общемъ ненужной, изысканности; элементы дальнѣйшаго пути, есть, какъ намъ кажется, въ стихотвореніяхъ „Геній“, „Артезианцы“ и „Парусъ“.

Иин. Оксеновъ.

Борисъ Садовской. Лебединыя клики. Повѣсти. К-во б. М. В. Попова. П. 1915. ц. 1 р. 25 к.

Въ книгѣ помѣщены двѣ повѣсти: „Лебединыя клики“ („Княгиня Зинаида“) и „Двуглавый орелъ“.

Садовской—не Лажечниковъ и не Дюма; но онъ и не Ауслендеръ: нѣчто отъ Гоголевской силы есть въ его языкѣ, мощномъ и сочномъ. Любитъ онъ образы величавые и строгіе—наиболѣе убѣдительные; знаетъ, что въ русской старинѣ, въ ея великолѣпіи и убожествѣ, есть неотразимое чарованіе, а въ кроткомъ ликѣ русской природы—вѣщее смиреніе.

„Въ лучинномъ отсвѣтѣ, блѣдномъ и мерцающемъ, вся Русь неоглядная широкая снится, мерещится, стелется, дремлетъ надъ сугробами и блистаетъ въ звѣздахъ. Одна родимая въковѣчная пряха, Христомъ обреченная пѣть и грустить безсловесно“.

Историческій романъ—призваніе Садовского, а когда Садовской пишетъ критическіе этюды сомнительнаго качества, вродѣ „Озими“, онъ забываетъ о своемъ истинномъ пути.

Иин. Оксеновъ.

Вѣра Рудичъ. Ступени. Изд. 3-ье, К-во „Прометей“ Н. Н. Михайлова. Петроградъ. 1915 г. ц. 50 к.

Семнадцатилѣтняя дѣвочка въ розовомъ платѣ, съ бѣлой вѣткой-яблонного цвѣта—она вбѣгаетъ изъ весенняго сада вверхъ на ступени, съ радостнымъ смѣхомъ и закурившейся головой.

И шесть „ступеней“, одну за другой, пройдетъ сердце, чтобы сорокалѣтняя женщина съ грустной улыбкой оглянулась на то, что „было“.

А было такъ много, развѣ есть слова, развѣ хватить какихъ-нибудь словъ, а было такъ мало, вотъ все оно въ одномъ маленькомъ словѣ „любовь“!

Черезъ всѣ шесть ступеней, черезъ 20 лѣтъ своей женской жизни, какъ огонекъ свѣчи, пронесла она одно безнадежно-любимое имя...

Любовь нелюбимой!

Онъ давалъ ей только грязь раздраженныхъ возможностей, точно жестокимъ бичомъ билъ ее по тѣмъ губамъ, которыя протягивала женщина, чтобы поцѣловать его отталкивающія руки.

Любить—безсвязно молясь: „Господи, очисти и дай, чтобы было лучше“... Любить—въ беспросвѣтной мугища освѣщенные окна его дома... Любить—отказавшись отъ всѣхъ высокихъ требованій... Любить—сказавъ себѣ: „Не любить!.. конецъ!“...

Какъ голова побитаго уходитъ въ плечи, пусть уходитъ тѣло въ грязь, вѣдь такъ сладко нежеланнымъ губамъ пить липкій медъ послѣдняго уже униженія.

Люди, люди, это вѣдь такъ страшно, когда наступитъ для женщины ея „двѣнадцатый часъ“...

Въ „безумномъ каррьерѣ“ растоптанъ бѣло-розовый садъ всякой красоты. И городской Эросъ, въ видѣ номерного мальчика, получаетъ обильный „на чай“, выпуская на улицу человѣческую пару.

Съ неослабѣвающимъ волненіемъ читаешь эту женскую исповѣдь, на обложкѣ которой помѣчено—изданіе третье. Книжка дошла до читателя, и это—хорошо!

А. Тришатовъ.

Александръ Корона. Лампа Аладина. Книга пѣсенъ. И-во „Поззія“. Петроградъ. Стр. 138. Ц. 1 р. 25 к.

Если бы книжка г. Корона появилась на свѣтъ лѣтъ семь-восемь тому назадъ, когда съ легкой руки Кузмина наши эстеты совершали путешествія на Востокъ,—она и тогда не обратила бы на себя никакого вниманія. Теперь же, въ 1915 году, эта книжка является настоящимъ анахронизмомъ.

„Творчество“ г. Корона—весьма не искренне; наро-

читая примитивность и неискренность пѣсенъ скучны; образы блѣдны и не новы; языкъ шероховатъ. Въ „Лампѣ Аладина“ не горитъ никакого огня.

Преступно пустая книжка г. Корона украшена тонкими виньетками работы С. Грузенберга.

Ии. Оксеновъ.

Анна Марь. Тебѣ единому согрѣшила. Повѣсть. К-во „Прометей“ Н. Н. Михайлова, ц. 80 к. ...Останавливалась у витринъ. Нитка громадныхъ аметистовъ восхитила ее... и черезъ нѣсколько страницъ: „Lumen in coelo“. Ахъ, эти слова, будто выкованная изъ золота и драгоценныхъ камней“...

Что любила она больше—римскую церковь или витрины ювелировъ? Вѣдь сверкающіе камни—это предѣлъ ея оцѣнки. Даже пережитый экстазъ, даже живое чувство она сводила къ драгоценностямъ: „Воспоминаніе о ксендзѣ Лоскусѣ, какъ воспоминаніе о голосѣ, поющемъ въ Notre Dame de Râquis, осталось въ ея сердцѣ, одѣтое парчею и драгоценными камнями“.

Кажется, видишь ее, чуть согнувшуюся, со свѣтлыми волосами и уставлыми глазами на блѣдномъ лицѣ, какъ она скользитъ изъ костела въ костелъ. Изъ Notre Dame de Râquis въ костелъ св. Антонія. Изъ „Священнаго сердца Иисуса“ въ „Непорочное зачатіе“. У зеленыхъ занавѣсокъ окошекъ конфессіонала, у стѣнъ плебаніи, въ костельномъ дворѣ, что ищеть, чего хочетъ она—эта „католичка безъ Бога“, „фанатичка мертвыхъ вещей“? ...О только бы увидѣть сутану и пальто съ пелериной! Съ одного взгляда она замѣчала ростъ, цвѣтъ волосъ, выраженіе глазъ, складъ губъ, улыбку и походку. Голова римскаго воина—это ксендзъ Лоскусъ. А ксендзъ Лоцко—близина его лба, нѣжный рисунокъ рта... Негритянскія, точно кровью вымазанная губы—ксендзъ Игнатій Рафалко... Почему это все были ксендзы? Почему? Такъ захотѣлъ авторъ,—внутренней убѣдительности въ этомъ нѣтъ никакой. Въ своихъ аметистовыхъ кольцахъ она могла бы такъ-же замирать около мужскихъ уборныхъ въ „Синемъ-Топазѣ“, запоминая и цвѣтъ волосъ и линіи профиля маленькихъ актеровъ, двухминутныхъ героевъ провинціального варьете. И тщетно авторъ старается облагородить свою героиню, одѣвая ее въ платья, прекрасныя „какъ рѣдкіе цвѣтокъ“ и заставляя читать: „Причастіе—моя жизнь“ и „Осушенные слезы“...

Трагедія ея жизни, что она не прочитала Сѣверякина,—эта между молитвенникомъ и пудрой „тоскующая Нелли“.

Конечно она умерла на югѣ, „у моря“, умерла какъ оперная Травиата, и послѣднее, что она видѣла, была кружевная комжа и лиловая стула.

А. Добрый.

Военные рассказы.

В. Козловъ. Подъ грозою. Рассказы. Петроградъ. 1915. Стр. 156, цѣна 1 р. 50 к.

Борисъ Мирскій. Рассказы. Петроградъ. 1915. Стр. 234, цѣна 1 р. 25 к.

Борисъ Лазаревскій. Во время войны. Петроградъ. 1915. Стр. 168, цѣна 1 р. 50 к.

Восемь рассказовъ В. Козлова произведутъ на читателя самое лучшее впечатлѣніе. Рисуетъ ли авторъ, какъ подъ влияніемъ надвинувшейся опасности забыли свои старые счеты поляки и евреи, и соединенными силами идутъ на помощь русской власти („Подъ грозой“), какъ грабятъ раненыхъ нѣмецкіе мародеры („Хриstopродавцы“), какъ устроенъ шпіонажъ у нѣмцевъ и русскихъ („Хитрецы“), какъ утилизируются на войнѣ преступные элементы („Правосудіе“), чѣмъ могутъ помочь мальчика-добровольцы („Цвѣты войны“) и т. п.,—всегда находитъ авторъ настоящія нужныя

слова, чтобы создать и художественное впечатлѣніе, и порывъ сочувствія родинѣ и ея радѣтелямъ, и перенести читателя въ подлинный уголокъ обширнаго театра военныхъ дѣйствій. Авторъ какъ будто самъ пережилъ все, что онъ описываетъ, но сумѣлъ отнестись ко всему прежде всего какъ художникъ, мудро и умѣренно тратящій свои краски.

Рассказы Бориса Мирскаго вѣрнѣе было бы назвать „миніатюрами“, такъ они кратки и закончены. Лишь въ немногихъ изъ нихъ рисуются сцены на театрѣ военныхъ дѣйствій, большинство же изображаетъ чувства и настроенія, вызванныя объявленіемъ войны и ея ужасами. При этомъ автору одинаково близки и русская еврейка Сарра, оказавшаяся въ моментъ войны куртизанкой въ Константинополь и потому пріотившая русскаго художника, и французскій журналистъ, и англійскій офицеръ, и нѣмецкій шпіонъ подъ видомъ профессора, и мальчикъ-турченочекъ, оказавшійся по просьбѣ жидовскаго русскимъ, и умалишенные, и лакей ресторана, и т. п. Бодрая и дѣльная манера изложенія, прекрасное ориентированіе дѣйствія въ различныхъ странахъ, напоминаетъ лучше изъ рассказовъ Мопассана.

Самый лучший рассказъ въ сборникѣ—„Ресторанная крыса“ показываетъ, что ужасы войны будятъ въ авторѣ, несмотря ни на что, высшія христіанскія чувства. Въ общемъ книга чрезвычайно умна, художественна и интересна, и прочтется съ удовольствіемъ.

Рассказы Бориса Лазаревскаго „Во время войны“ остались такими же, какими были и до войны. Чисто вѣнше пристегнуты къ нимъ нѣкоторыя событія войны, по существу же авторъ занятъ только любовными ощущеніями своихъ героевъ, а особенно героинь. Это не было бы еще бѣдой, если бы любовь не представлялась чаще всего какъ почти болѣзненное вождѣленіе (рассказъ „Тяготѣніе“). Большинство рассказовъ напоминаетъ анекдоты; нѣтъ въ нихъ ни настоящей психологии, ни художественности; гладко написаны, изрѣдка пошловаты, но хорошо, что скоро забываются.

А. Кратовъ.

С. Т. Семеновъ. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. Петроградъ. 1915. Изданіе „Жизнь и знаніе“. Стр. 137, цѣна 2 руб.

Авторъ этой книги—писатель изъ крестьянъ, введенный въ литературу Л. Н. Толстымъ, но до сихъ поръ не оставившій крестьянскаго труда и не порвавшій связи съ деревней. Книга носитъ полу-автобиографическій, полу-публицистическій характеръ. Она чрезвычайно интересна, какъ очеркъ крестьянской жизни, со стороны лица, очень близкаго изображаемой имъ средѣ. Въ частности, особенное вниманіе возбуждаетъ описаніе настроеній крестьянства въ связи съ Японской войной, 1905-мъ годомъ и закономъ о выходѣ изъ общины.

Автору, конечно, пришлось извѣдать и прелести административнаго произвола... Есть въ книгѣ и бѣлая мѣста. Но книга въ общемъ консервативная и „крѣпкая земля“.

И. К.

Л. Н. Андреевъ. Въ сей грозный часъ. Статьи. К-во „Прометей“. Стр. 110, цѣна 50 к.

Вся чистая прибыль съ этой книги поступаетъ на нужды русскихъ и сербскихъ воиновъ, но книгу можно рекомендовать не только въ виду ея благой цѣли. Интересно, въ самомъ дѣлѣ, какъ откликается на злободневныя событія въ качествѣ публициста одинъ изъ прославленнѣйшихъ нашихъ художниковъ.

Всѣ статьи написаны съ большимъ подъемомъ, въ нихъ нѣтъ политическаго оппортунизма, зато много нравственнаго негодованія, воодушевленія, призыва къ справедливости и правдѣ. Не объ одной Россіи болѣетъ

книга, но и о Болгаріи, Сербіи, Франціи, а особенно о Бельгіи. Къ сожалѣнію, для нашей цензуры многія мѣста статей оказались непріемлемыми, и въ результатѣ цѣлый рядъ страницъ пестритъ бѣлыми провалами. Однако основныя мысли автора вполне ясны. Призывая къ войнѣ съ обнаглѣвшимъ врагомъ, авторъ не забываетъ, что дороже всего миръ и культура, трезвость и правда.

Книга интересна для всѣхъ, кого интересуетъ творчество Андреева вообще.

И. К.

Борисъ Кушнеръ. Родина и народы. Москва. 1915. Стр. 24, цѣна 25 коп.

Въ брошюрѣ этой, чрезвычайно интересной въ виду обострившагося теперь въ Россіи національнаго вопроса, авторъ старается доказать, что евреи наравнѣ съ другими народами обладаютъ чувствомъ родины и вовсе не относятся къ обитаемой ими странѣ, какъ чужестранное племя. Казалось бы, что эта мысль ясна и неопредѣльна, но ее, къ сожалѣнію, приходится доказывать тѣмъ читателямъ, которые питаются предрассудками наивнаго или злонамѣреннаго антисемитизма.

Способъ доказательства автора таковъ: намѣтивъ кратко исторію расселенія евреевъ послѣ разрушенія Иерусалима, онъ разсматриваетъ длину пути, пройденнаго евреями за два тысячелѣтія, отдаленность этого пути отъ Палестины, продолжительность пребыванія евреевъ на мѣстахъ ихъ теперешнихъ поселеній, характеръ и причины передвиженій евреевъ и, наконецъ, вопросъ объ отсутствіи особаго государства у евреевъ. Всѣ эти пункты разсматриваются въ связи съ аналогичными пунктами исторіи другихъ народовъ, особенно славянъ, и въ итогѣ авторъ заключаетъ, что „исторія евреевъ ничѣмъ не отличается отъ исторіи остальныхъ европейскихъ народовъ“, а потому они, какъ и прочіе народы, могутъ обладать чувствомъ родины по отношенію къ обитаемой ими странѣ.

Многіе русскіе писатели и публицисты засвидѣтельствовали любовь евреевъ къ Россіи, какъ къ родинѣ, и объ этомъ не можетъ быть спора. Но все же авторъ не принялъ въ расчетъ того, что и евреи Франціи, Германіи, Италіи и т. д. тоже любятъ свою родину и все же исторія евреевъ всѣхъ странъ—одна и та же, не только въ древности и въ средніе вѣка, но отчасти и до послѣдняго времени. Даже тамъ, гдѣ евреи уравниваются въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ, судьба ихъ не такова, какъ у другихъ народовъ. Поэтому общую мысль автора, что „исторія евреевъ ничѣмъ не отличается отъ исторіи другихъ народовъ“, едва ли можно признать вѣрною. Еврейскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ вполне правильно только въ плоскости религіозной, какъ рѣшалъ его Вл. Соловьевъ, справедливо выдѣлявшій евреевъ, какъ создателей Ветхаго и Новаго Завета, вложившихся въ религію и культуру всѣхъ народовъ больше всѣхъ народовъ міра. По ироніи исторіи, равноправіе дали евреямъ индифферентныя къ религіи либеральныя правительства, а правительства, славящіяся своимъ религіознымъ рвеніемъ, поступали съ евреями по-язычески, что въ значительной степени способствуетъ дехристіанизации передовыхъ элементовъ нашего общества. Правъ былъ Вл. Соловьевъ, указывая, что еврейскій вопросъ есть вопросъ не еврейскій, а христіанскій.

А. Кратовъ.

Н. М. Лаговъ. Армения. Изданіе Н. П. Карбасникова. Стр. 134, цѣна 1 руб.

Немногочисленный (отъ 2 до 4 милліоновъ), но древній и жизнеспособный культурный армячскій народъ имѣетъ судьбу, нѣсколько сходную съ судьбой евреевъ.

Недаромъ на зарѣ исторіи армянъ, при князѣ Храчѣ, поселены были въ Армении 10 тысячъ евреевъ и одинъ изъ послѣднихъ—Багаратъ сталъ родоначальникомъ царей, правившихъ армянами нѣсколько вѣковъ (они были царями и въ Грузіи подъ именемъ Багратионовъ). При царѣ Вагаршакѣ старинный еврейскій родъ Багратуни, Моисеева закона, получилъ наслѣдственную привилегію во время церемоній возлагать на царя его корону и командовать конницей, а другой еврейскій родъ Гентуни получилъ привилегію надѣвать царю перчатки. Въ 885 году халифъ Магометъ возвелъ на армянскій престолъ Ашота I изъ рода Багратуни, правившаго страной до 1021 года и приведшаго ее въ цвѣтущее состояніе. Въ 14 вѣкѣ страной правили представители младшей вѣтви багратидовъ, заявившіе себя искусными политиками.

Въ настоящее время, когда Армения является театромъ военныхъ дѣйствій, Россія призвана болѣе другихъ странъ сказать свое слово въ пользу Армении, какъ она уже не разъ говорила его въ противовѣсъ Германіи и Турціи, причинявшимъ армянамъ одно зло. Необходимо, чтобы и русскіе читатели познакомились поближе съ исторіей и положеніемъ армянъ, волею судьбы вкрапленныхъ въ исторію Россіи.

Представляя собою компиляцію, главнымъ образомъ, по французскимъ источникамъ, книга г. Лагова составлена съ любовью и знаніемъ дѣла, прекрасно изложена и снабжена многочисленными иллюстраціями. Двѣ главы заняты историческимъ очеркомъ, двѣ главы посвящены описанію природы Армении и главнѣйшихъ ея городовъ и монастырей, наконецъ, еще двѣ главы описываютъ населеніе, его языкъ, литературу, религію, искусство.

Для первоначальнаго знакомства съ исторіей и положеніемъ армянъ книга вполне хороша.

И. К.

Л. Д. Синицкій. Европа. Изданіе „Универсальной библиотеки“ Москва. 1915. Стр. 154, цѣна 80 коп.

Именно теперь, когда вся Европа объята пожаромъ войны, полезна эта книга, составленная „для старшихъ классовъ гимназій и для самообразования“, но интересная и для всякаго читателя, желающаго подновить въ своей памяти основныя факты культурной исторіи и географіи Европы.

Указавъ въ введеніи на культурное взаимодѣйствіе различныхъ странъ, все усиливающееся съ развитіемъ средствъ и путей сообщенія, авторъ разсматриваетъ въ первой главѣ условія, способствующія культурному расцвѣту Европы и даетъ очеркъ ея природы и населенія. Дальнѣйшія три главы разсматриваютъ 1) страны съ германскимъ населеніемъ (8 странъ), 2) страны съ романскимъ населеніемъ (5 странъ) и 3) юго-восточный уголь Западной Европы (Балканскій полуостровъ и его преддверье). Не говоря о Россіи специально, авторъ часто имѣетъ ее въ виду, дѣлая различныя сопоставленія съ нею.

Книга написана сжатымъ, дѣловымъ языкомъ. Въ ней 31 иллюстрація, удачно исполненныя. Повтореніе по ней географіи Европы весьма полезно и облегчитъ читателю чтеніе газетъ, каждый день изобилующихъ все новыми географическими названіями, по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій.

И. К.

С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Ч. I. Стр. 224. Ч. II. Стр. 234. Ц. 2 рубля. Петроградъ, изд. т-ва М. О. Вольфъ.

Задача, поставленная себѣ авторомъ этой книги, крайне обширна и чрезвычайно сложна; нужно было выбирать между многотомнымъ, многолѣтнимъ научнымъ изслѣдованіемъ и популярнымъ эскизомъ по исторіи русской книги, и С. Ф. Либровичъ склонился на сторону по-

слѣдняго, не впадая, однако, за исключеніемъ лишь немногихъ мѣстъ, въ чрезмѣрную элементарность и упрощенность изложенія.

Отношеніе къ книгѣ съ уваженіемъ и любознательностью, въ силу ея вещественныхъ достоинствъ большой публикѣ до сихъ поръ чуждо; все еще находятся люди, усматривающіе въ украшеніи книги ничтожную забаву праздныхъ эстетовъ, а не самостоятельную область художественнаго творчества. Съ внѣшностью книги обстоитъ дѣло такъ же, какъ и съ церковною обрядностью, — неуловляющій ихъ значительности, страдаетъ огрубеніемъ сердечнымъ, неспособностью видѣть дальше оболочки предметовъ, элементарностью духа. Недаромъ же библіофилы, въ большинствѣ случаевъ, чуткіе и деликатные люди, — къ душевному, интимному изяществу обязываютъ ихъ накопленные и искомыми сокровища.

Списатель книгъ на Руси радовался своему дѣтищу изукрашенному, „какъ радуется женихъ при видѣ невесты своей“, и эта радость, это стремленіе къ украшенію книгъ, таящихъ въ себѣ неисчерпаемыя богатства, растетъ все больше и больше въ древней Руси. На эгомъ пути такъ много сдѣлано Иваномъ Федоровымъ, кн. К. К. Острожскимъ и Иоанномъ Грознымъ — царемъ быть можетъ на вѣки воплотившемъ въ своей все еще неразгаданной, душѣ всю неизслѣдованную глубину и колдовскую сложность русскаго духа.

Величавымъ шагомъ идетъ усовершенствованіе русскои книги, вплоть до крушенія московскаго періода. Петромъ нарушается весь ритмъ древне-русской жизни, и наряду съ ратнымъ строемъ измѣняется и книга — „Шестодневъ“ уступаетъ мѣсто „Руководенію въ ариеметику“, надолго задерживается работа надъ красотою книги, какъ таковой, и лишь въ царствованіе Фелицы книгопечатное искусство торжествуетъ новыя побѣды.

Въ книгѣ Либровича можно найти и немало злободневнаго — стоитъ лишь прослѣдить внимательно роль нѣмцевъ въ книжномъ дѣлѣ на Руси, ихъ неустанныя стремленія забрать его всецѣло въ свои руки. Думается, что невольно нѣкоторые факты, сообщенные С. Ф. Либровичемъ съ безстрастіемъ лѣтописца, возмутятъ читателя и заставятъ призадуматься надъ судьбами русскаго книжнаго дѣла.

Иллюстраціонная часть выполнена отлично: изображенія очень четки, интересны и многочисленны; напрасно только авторъ помѣстилъ нѣсколько снимковъ съ „историческихъ“ картинъ — облизанная, сладкая „вампука“ г. г. Лебедевыхъ, Штейновъ, Газенкамповъ и иныхъ рѣжетъ глазъ и возмущаетъ безвкусіемъ и шаблонностью, рядомъ съ великолѣпными образчиками старорусскаго книжнаго художества.

Какъ любящій книгу и ея красоту, я рекомендую сочиненіе С. Ф. Либровича — пусть служитъ оно камешкомъ въ твердынь нашего національнаго генія.

Дмитрій Крючковъ.

Ал. Марковичъ. „Въ царствѣ науки и техники“.—161 стр. Изд. М. И. Семенова. Петроградъ 1915 г., цѣна 1 р. 50 к.

Въ настоящее время, когда плодотворныя научныя идеи появляются чуть не каждый день, когда „технический прогрессъ человѣка надѣлъ сказочныя семимильныя сапоги и шагаетъ съ невѣроятной быстротой“ (слова автора) — въ это время, написать книгу въ полтора страницы объ успѣхахъ науки и техники, задача неисполнимая. Правда, подъ именемъ науки авторъ подразумеваетъ только науки естественно-историческія и физико-математическія, но отъ этого дѣло не мѣняется. Именно эти науки, за послѣднее время, и двигаются впередъ со сказочною скоростью. Чтобы показать, какъ неудовлетворительно выполнилъ авторъ свою задачу, достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Эволюціи технического движенія онъ посвящаетъ всего 1½ страницы, а двигателю Дизеля, одному изъ самыхъ важныхъ изобрѣтеній современной техники, всего нѣсколько строкъ. Говоритъ объ использованіи солнечной энергіи, энергіи морскихъ волнъ, о солнечныхъ силовыхъ машинахъ, и даже о пишущихъ машинахъ (?), и словомъ не обмолвился о бѣломъ углѣ (объ энергіи водопадовъ). Говоритъ объ успѣхахъ электротехники, и почти ни одного слова нѣтъ о безпроводномъ телеграфѣ, телефонѣ, о передачѣ электрической энергіи на разстояніе, о примѣненіи электричества для полученія селитры изъ воздуха, для очищенія воды посредствомъ озона и т. д. и т. д. Говоритъ о летающемъ велосипедѣ (?), и ничего о величайшемъ современномъ изобрѣтеніи, управляемыхъ приборахъ воздухоплаванія и воздухолетанія — дирижаблѣ и аэропланѣ. Вообще, авторъ удѣляетъ слишкомъ много вниманія изобрѣтеніямъ пустяковымъ, вродѣ машины для собственноручной подписи и складной лодки. Если царству техники отведено 70 страницъ, то царство науки умѣщается на 30. Слишкомъ большой задачей занялся авторъ. Биологія и медицина, физика и химія, механика и электротехника, фотографія и сооруженія, и пути сообщенія: — все это мѣшается въ какой то пестрый клубокъ. Слово кинематографическая лента бѣжитъ передъ глазами, бѣгутъ на ней изобрѣтатели и изобрѣтенія, мелькаютъ идеи, вопросы науки, техническія примѣненія, и отрываешься отъ книги съ головой, полной какихъ то обрывковъ и намековъ. — Собственно царству науки и техники авторомъ посвящается 2-ая часть книги (стр. 23—121). Первая часть содержитъ фантастическій рассказъ К. Груннера „Шпіонъ съ Марса“ и разсужденія автора на темы „Человѣчскія расы“ и „Всемирный языкъ“. 3-ья часть — Научныя развлеченія. Мы не ошибемся, если разсматриваемую книгу отнесемъ къ ряду появившихся за послѣднее время занимательныхъ сборниковъ (физико-математическія хрестоматіи), и замѣтимъ, что она не представляетъ среди нихъ счастливаго исключенія. Издана книга хорошо.

М. Добровольскій.

Списокъ книгъ присланныхъ въ редакцію для отзыа.

Ник. Свирѣльничъ. Воздушная Арка. стихотвор. Ц. 20 к. скл. изд. г. Кашинъ кн. маг. Н. П. Черенина.

Книгоиздательство „Прометей“ Н. Михайлова:

Леонидъ Андреевъ. Въ сей грозный часъ. Статьи. Ц. 50 коп.

Вѣра Рудичъ. Ступени. Ц. 50 к.

Анна Маръ. Тебѣ единому согрѣшила. Ц. 80 к.

Марія Конопницкая. Сизифъ. пер. Маріи Моравской Ц. 20 к.

Александръ Амфитеатровъ. Сестры. Романъ. Ц. 2 р.

Чего ждетъ Россія отъ войны. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 25 к.

Д. С. Мережковскій. Завѣтъ Бѣлинскаго Ц. 30 к.

Иларій Шадринъ. Юный герой. Скл. при изд. „Прометей“ Ц. 50 к.

А. Гринъ. Загадочная исторія. Изд. журн. „Отечество“. Ц. 1 р. 25 к.

Въ царствѣ науки и техники. Составилъ Ал. Марковичъ. Изд. М. И. Семенова. Ц. 1 р. 50 к.

Маріэтта Шагинянъ. Узкія врата. Ц. 1 р. 25 к. Изд. М. И. Семенова.

Н. Архиповъ. Мужчина Аяри. Ц. 1 р. 25 к. Изд. „Наши дни“. Москва 1915 г.

М. Влагинъ. Разказы. Изд. „Лукоморье“. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Станиславъ Шибышевскій. Дѣти горя. Пер. Владислава Ходасевича. Ц. 1 р. Изд. „Универс. библи.“. Москва.

Л. Д. Синицкій. Европа. Очерки географіи. Ц. 80 к.

Ненормальная дѣти въ семьѣ и школѣ. Очерки по дѣтской психопатологіи и патологической педагогикѣ под. ред. преп. Психо-Неврол. Института д-ра А. С. Грибоѣдова.

Н. Тасинъ. По воюющей Франціи. Книгоизд. бывш. М. В. Попова. Петроградъ. Ц. 1 р. 25 к.

Царьградъ и его окрестности. Историко-художествен. описаніе А. Барта. Съ французскаго перев. Н. М. Лаговъ. Изд. т-ва А. С. Суворина. Ц. 1 р. 25 к.

Н. М. Лаговъ. Армения. Петроградъ. изд. Н. П. Карбасникова. Ц. 1 р.

Французскіе разказы съ фронта. 1-ый вып. перев. съ французскаго Н. М. Лагова. Петроградъ 1915 г. Ц. 25 к.

Французскіе разказы съ фронта. II-ый выпускъ перев. съ французскаго Н. М. Лаговъ. Петроградъ 1915 г. Ц. 25 к.

Отъ Карпатъ до Будапешта (Спутникъ военнаго). Венгерско-русскій переводчикъ. Составилъ Н. М. Лаговъ. Петроградъ 1915 г. Кн. маг. Мелье и К-о. Ц. 85 к.

Записная книжка и календарь для преподавателей на 1915-16 г. Изд. „Природа и Школа“. Ц. 50 к.

Г. Гюнтеръ. Маленькіе химики. Перев. Г. и А. Муляръ. „Наука и Забава“, № 2. Издат. „Образованіе“. Петроградъ. 1915 г.

Н. Рубакинъ. Разказы о Западной Сибири. Изд. „Посредника“. Ц. 90 к.

Ч. Диккенсъ. Приключенія Оливера Твиста. Романъ. Въ изложеніи В. Лукьянской. Изд. „Посредника“. Цѣна 90 к.

Г. Джонсонъ. Воспитаніе посредствомъ игръ и забавъ. Библиотека новаго воспитанія и образованія. Москва 1915 г. Ц. 40 к.

Л. и Ж. Караваевы. Какъ сдѣлать змѣекъ? Библиотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. Москва. 1915 г. Ц. 25 к.

„Борьба съ пьянствомъ“. Книжки и листки, подъ редакціей И. Горбунова-Посадова:

№ 45. Счастливъ тотъ, кто вино не пьетъ.

№ 46. Какой вредъ отъ пива?

№ 47. Какой вредъ отъ винограднаго вина?

№ 50. Не одурманивайтесь виномъ.

Голось народа. Результаты анкеты объ отношеніи населенія къ прекращенію продажи крѣпкихъ напитковъ. Ф. Е. Термитинъ. Пензенское Губернское Земство. Цѣна 30 коп.

С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи Изд. т-ва М. С. Вольфъ. Ц. 2 р.

Основы латинскаго языка. Введеніе въ чтеніе римскихъ авторовъ. Состав. С. С. Цыбульскій. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Ц. 1 р. 35 к.

П. Н. Ардашевъ. Курсъ новой исторіи для 7-ми клас. мужск. гимн. Ц. 1 р.

В. Масловскій. Къ жизни. Цѣна 1 р. 25 к.

А. Коновъ. Осколки жизни. Сбор. разск. изд. Московск. Суриковскаго литерат. музык. кружка. Москва. Цѣна 75 к.

Всѣ вышеупомянутыя новыя книги можно выписывать черезъ книжный складъ при журналѣ „Новый Журналъ для Всѣхъ“.

Редакторъ-Издатель А. К. Яворовская (Боане).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЕЛИКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1914-15 г.

I. Открытыя письма со снимковъ съ войны, самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ, хорошей художественной работы, цѣна—4 руб. 50 к. за сотню, безъ пересылки, а при большемъ количествѣ дѣлается соответствующая скидка.

II. Альбомъ снимковъ Великой Освободительной Войны 1914-15 г., каждый альбомъ содержитъ въ себѣ 16 фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ на поляхъ брани офицерами-участниками войны. Печать на хорошей мѣловой бумагѣ художественнаго исполненія. Цѣна 35 коп. за экземпляръ, безъ пересылки. Для торговцевъ соответствующая скидка.

СѢВЕРНЫЕ СТЕНОГРАФИИ КУРСЫ

Лекціи для самообученія „СТЕНОГРАФІЯ НА ДОМУ“ подъ ред. ст. сов. Д-ра И. Л. Циммермана. Цѣна за курсъ 2 руб. 50 коп. Вступительныя лекціи высыл. за 50 коп. нал. пл. 75 коп. Проверка работъ. Аттестатъ на званіе преподавателя и стенографа-корреспондента. Личное обученіе на отдѣлахъ: корреспондентскомъ, парламентскомъ и педагогическомъ. По окончаніи аттестатъ и рекомендація на мѣста. Новыя группы организуются ежемѣсячно. Проспекты и программы высылаются бесплатно. Изд. „Стенографъ“.

БУХГАЛТЕРІЯ двойная—ит., америк. заочное обученіе подъ руководствомъ канд. комм. И. Д. Бѣлостоцкаго. Проверка работъ. Ручательство. Аттестатъ бухгалтера. Цѣна за полный курсъ 6 р. 60 к. Вступительныя лекціи высылаются за 60 к. (можно марками). Проспекты и программы бесплатно. Ввидѣ бесплатнаго приложенія подписчики получаютъ ТОРГОВУЮ ПРАКТИКУ подъ ред. Н. И. Иванова, цѣна въ отд. продажъ 1 р. 20 к. Въ качествѣ пособія для изучающ. бухгалтер. и коммерсантовъ рекомендуемъ книгу—Религъ Рэсъ „УПРОЩЕННОЕ СЧИСЛЕНІЕ“ переводъ инженера-технолога Л. Филлеръ. Цѣна 2 руб. 25 коп. безъ пересылки. Изд. „Стенографъ“.

Заказы адресовать: Книжный складъ журнала: „Новый Журналъ для Всѣхъ“, Эртелевъ пер., д. 3, Петроградъ.

При заказѣ необходимо высылать задатокъ (можно марками).

ТЬ“

Пересылка по
б., слѣдуетъ
в стоимости.

При высылкѣ книгъ наложеннымъ платежомъ взимается 20 коп. дополнительныхъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

конторѣ журн. „Нов. Журнала для Всѣхъ“
Петроградъ, Эртелевъ, 3.

Димитрій Крючковъ

ВЪТЫ ЛЕДЯНЫЕ.

Вторая книга стиховъ.

блужка Бориса Григорьева.

ЦѢНА 1 РУБ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

Третья книга стиховъ

ОГОНЬ ОГНЕТВОРЯЩАЯ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при конт. журн. „Нов. Журналъ для Всѣхъ“
Петроградъ, Эртелевъ пер., 3.

Поступила на складъ

НОВАЯ КНИГА

„ЗЕЛЕНЫЙ ЦВѢТОКЪ“

ЦѢНА 75 КОП.

Доходъ съ настоящаго сборника поступаетъ въ пользу
лазарета для раненыхъ воиновъ при Петроградской
гимназии „Наслѣдника Цесаревича и великаго Князя
Алексѣя Николаевича.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ при конт. журн.
Журн. для Вс. Петрогр., Эртелевъ, 3.

Готовится въ продажѣ изящное издание

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

С. ПОМЯЛОВСКАГО

въ 5 кн.

Полн. автор. раб. Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ).
Цѣна—70 к. Съ перес.—1 р. 5 к.

Продолжается подписка на газету

„Тульская Заря“

выходящая ежедневно (по понедѣльникамъ—вып. телеграммъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ

на три мѣсяца—1 руб. 50 коп., на 1 мѣсяць—65 коп.

Цѣна объявленій: впереди текста 10 к., строка петита въ одну колонну, позади
текста 5 к. При мѣсячныхъ объявленіяхъ (по соглашенію) скидка до 60% съ таксы.

Г. Тула, Кіевская, д. № 18, при типографіи Е. И. Дружининой.

Издатель В. А. Селезневъ.

Редакторъ Н. В. Павлищевъ.

Подписка на новый популярно-научный и художест-
венный журналъ

Журналъ Фотографическій Вѣстникъ.

Журнала—разработка вопросовъ фотографическаго знанія
теоретическая и примѣненій фотографии въ разныхъ областяхъ.
Спеціальный отдѣлъ журнала дастъ воспроизведенія лучшими
художественно-цѣнными работъ фотографовъ-любим-
телей по однотонной и цвѣтной фотографии.

Журналъ выходитъ (въ тек. г.) шесть разъ въ годъ.

Подписная плата въ годъ съ пересылкой: въ Россіи—3 руб.,
заграницу—4 руб. Пробный №—50 коп.

Следующій № журнала выйдетъ въ апрѣлѣ мѣс. тек. года.

Редакция и контора журнала: Одесса, Б.-Арнаутская, 68.

Редакторъ и издатель журнала Гоерг. Серг. Михайловъ.

Т-во ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

„Природа и Школа“

Производство наглядныхъ пособій

для начальной, средней и сельско-хозяйственной школъ
методы для микроскопич.

Каталоги и проспекты безплатно

Москва, 1. Магазинъ: Воздвиженка, д. 11. Тел.
2. Мастерскія: Андроньевская площ.

Складъ изданій. Записная книжка и кат.
преподавателей, составленная
и „Школа“ цѣна 50 к. и тетрадь
„Наблюдай природу“ цѣна

1 р. 90 к.
ВЪ ГОДЪ
безъ доставки.

ПРО, АЕТСЯ ПОДПИСО,.
на 1915-й годъ
на
Н О В Ы Й

ЖУРНАЛ ДЛѢ ВСѢХЪ

(VIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

(Подписной годъ съ января).

(VIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ восьмой годъ изданія, журналъ ставитъ своей задачей дать, при доступной для всѣхъ цѣнѣ, возможность самымъ широкимъ кругамъ читателей, имѣть **серьезное** ежемѣсячное изданіе одного характера съ дорогими, такъ называемыми „толстыми“ журналами.

Слѣдуя намѣченной программѣ, „Новый Журналъ для Всѣхъ“ будетъ заключать въ себѣ отдѣлы: изящной литературы, популярно-научный, общественно-политическій, критическій, художественный и др., отводя мѣсто только лучшимъ произведеніямъ, независимо отъ имени ихъ авторовъ.

Художественность, серьезность содержанія, прогрессивность мысли — таковы пути къ общенію журнала съ установившимся въ теченіи 7 лѣтъ кругомъ читателей.

Слѣдуя разъ принятому курсу, журналъ будетъ стремиться освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни, **чуждый какого либо пристрастія и партійности.**

Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальными рисунками, фотографіями и виньетками. Для **каждаго номера будетъ даваться новая иллюстрированная обложка.**

Вѣруя, что въ народной массѣ таится непочатый источникъ творческихъ силъ, журналъ будетъ стремиться дать подписчикамъ не только выдающіяся произведенія русской и иностранной литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставить своей задачей **идти на встрѣчу молодымъ талантамъ, съ особымъ вниманіемъ и радушіемъ предоставляя имъ страницы своего журнала, дабы облегчить первые, особо трудные шаги на литературномъ поприщѣ.**

Въ отдѣлахъ художественной критики журналъ намѣренъ удѣлять большое вниманіе переживаемому въ настоящее время сдвигу въ сферѣ искусства и давать безпристрастное освѣщеніе всѣмъ явленіямъ, какъ русской, такъ и заграничной художественно-артистической жизни.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками въ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 столб.).

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 1 р. 90 к., съ перес.—2 р. 20 к., на 1/2 г.—1 р. 20 к., на 1 м.—33 к. За границу—3 р. 25 к., отдѣльн. книжки въ магаз. 25 к., пробн. № высылается за двѣ 10 коп. марки. Подписная плата марками не принимается.

Для сельскихъ учителей, учительницъ, сельскихъ священниковъ, рабочихъ и крестьянъ допускается **разрочка: 80 к.—при подпискѣ, 80 к.—1 марта и 60 к.—1 июля.**

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Эртелевъ пер., д. 3. Телеф. 107—88.

Редакторъ-издатель А. Боане-Яворовская.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Контора „НОВАГО ЖУРНАЛА ДЛѢ ВСѢХЪ“ проситъ г.г. подписчиковъ—при заявленіяхъ претензій на неполученіе номера—прилагать свой адресъ съ бандероли.

При перемѣнѣ адреса подписчики уплачиваютъ—40 коп.—иногородніе, и 20 коп.—петроградскіе.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорно просятъ г.г. сотрудниковъ при доставленіи рукописей въ редакцію четко писать адресъ и имя автора на самой рукописи.

Стихотворенія, не принятыя для напечатанія, въ редакціи не сохраняются.

Цѣна отдѣльнаго номера 35 коп.

